

ВЫБОРЫ В АМЕРИКЕ: ОСЕНЬ ТРЕВОГИ НАШЕЙ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

4 (40) 2026

ВРЕМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

Выпуск 4 (40) 2026

Бостон • 2026 • Boston

ВРЕМЕНА

*Международный литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Давид Гай

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Марина Тюрина Оберландер

VREMENA

*International Journal of Fiction, Literary Debate,
and Social and Political Commentary*

EDITOR-IN-CHIEF: David Guy

Deputy EDITOR-IN CHIEF: Marina Tyurina-Oberlander

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ИРИНА БАСОВА-ЗАБОРОВА	(ФРАНЦИЯ)
ВЛАДИМИР БАТШЕВ	(ГЕРМАНИЯ)
МАРК ВЕЙЦМАН	(ИЗРАИЛЬ)
СЕМЁН КАМИНСКИЙ	(США)
ГЕННАДИЙ КАЦОВ	(США)
ГАРИ ЛАЙТ	(США)
МИХАИЛ МИНАЕВ	(США)
АЛЕКСЕЙ НИКИТИН	(УКРАИНА)
АНДРЕЙ ОСТАЛЬСКИЙ	(АНГЛИЯ)
ЛАРС ПОУЛЬСЕН-ХАНСЕН	(ДАНИЯ)
СЕМЁН РЕЗНИК	(США)
ЭЛЛАЙДА ТРУБЕЦКАЯ	(США)
ЕВСЕЙ ЦЕЙТЛИН	(США)

Published by **M•GRAPHICS | Boston, MA**

ISSN 2575-9558

Copyright © 2026 by M•GRAPHICS

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted in any form or by any means, including photocopying, recording, or other electronic or mechanical methods, without the prior written permission of the publisher, except for brief quotations in critical reviews and certain other noncommercial uses permitted by copyright law.

For obtaining permission to reproduce selections from this publication
email or call to the Publisher: mgraphics.books@gmail.com / 781-990-8778
or Editor-in-Chief: guydavid094@gmail.com / 646-270-9615.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ—2027

Дорогие читатели!

В последнем номере текущего года мы, как всегда, объявляем о подписке на следующий, 2027 год. Журнал, как и в предыдущие годы, будет выходить 4 раза в год примерно в середине первого месяца каждого квартала. Печатный номер журнала рассылается подписчикам непосредственно из типографии. С 2024 года журнал выпускается также и в электронном виде (формат PDF), рассылаемый подписчикам этой версии по электронной почте.

Также напоминаем вам, что **с 2025 года на нашем вебсайте размещается сокращённая версия выпусков** — оглавление и отрывки из некоторых материалов. Для чтения полной версии журнала нужно либо подписаться (и получать журнал в печатном или электронном виде), либо приобретать отдельные выпуски года — по ссылкам, расположенным на нашем веб-сайте в разделе **АРХИВ НОМЕРОВ**.

ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ НА 2027 ГОД:

— **выпишите чек на имя компании-издателя: M-Graphics:**

- на сумму **80** (восемьдесят) долларов (печатная версия журнала с доставкой по США)
- на сумму **40** (сорок) долларов — для получения всех выпусков журнала в электронном виде (PDF) в любой стране мира.

Обязательно укажите полное имя, точный почтовый адрес и адрес электронной почты (для получения электронной версии).

— **вложите чек в конверт и отправьте его по адресу:**

**Attn: Mr. David Guy
2896 West 8th Street, Apt. 15 P
Brooklyn, NY 11224**

Телефон для справок: **(646) 270–9615**

Подробная информация о подписке и других вариантах оплаты печатного и/или электронного номеров — в разделе **ПОДПИСКА** на сайте нашего журнала:

vremena.mgraphics-books.com/subscription

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Михаил ОРДОВСКИЙ-ТАНАЕВСКИЙ

ДВА РАССКАЗА 6

Михаил ГОНЧАРОВ

НОВЕЛЛЫ 36

Татьяна ШЕРЕМЕТЕВА

РИЖСКИЙ БАЛЬЗАМ (ГЛАВА ИЗ НОВОГО РОМАНА) 62

Ева Хоффман

ДЕТКА 72

ПОЭЗИЯ

Виталий АМУРСКИЙ 30

Вера ПАВЛОВА 54

Марк ВЕЙЦМАН 82

Эллайда ТРУБЕЦКАЯ 94

Лия ЧЕРНЯКОВА 142

Сергей ЛЕЙБГРАД 192

Дина БЕРЕЗОВСКАЯ 252

ВОЙНА В УКРАИНЕ

Сергей КАЗИМИР, Вахур ЛАЙАПЕА

ТАК БЫЛО (691 ДЕНЬ УКРАИНСКОГО ОФИЦЕРА В РОССИЙСКИХ ТЮРЬМАХ) . . . 99

СУДЬБЫ

Давид ГАЙ

ОДИССЕЯ МАТЕСТА АГРЕСТА 152

ДАТЫ

Ксения ГАМАРНИК

МОЛОДОЙ ЛИХАЧЁВ 170

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

Эмилия ПЕСОЧИНА

«ОДНОЙ ЗВЕЗДОЮ ОСИЯННЫЙ»

(по страницам новой книги стихов Виктора Фета) 201

ПЕРЕВОДЫ

Гари ЛАЦ

НЕКОТОРЫЕ ИЗБАВЛЕНИЯ (перевод Микиты Неймана) . . . 208

Юрьё ОЛАВИ ЮЛЬХЯ

СТИХИ О ЗИМНЕЙ ВОЙНЕ (перевод Геннадия Михлина) . . . 219

Клаудио МАГРИС

ДВА МОНОЛОГА (перевод Валерия Николаева) 233

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Елена БРУК

ДАВНО ХОТЕЛА РАССКАЗАТЬ ТЕБЕ 260

Эрик ФРИДМАН

ЖОПА 266

Виктор ПОГОСТИН

КАМЕНЬ НА РАСПУТЬЕ 280

НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

Яков ФРЕЙДИН

У ИЛЛЮЗИИ В ПЛЕНУ 286

Михаил ОРДОВСКИЙ-ТАНАЕВСКИЙ

ДВА РАССКАЗА

П РА С Т И ~~П РА Щ А Ю~~ ніколи¹

(надписи на стене киевской арки)

*Я не участвую в войне —
она участвует во мне.*

Юрий Левитанский

Здравствуй, папа!

Моя знакомая Ангела, я писал тебе о ней, оказалась очень интересным человеком. Она гордится тем, что в её роду не было ни одного большевицкого беса и жаждет возрождения России с православным Царём. (Я-то думаю, что в настоящий момент в России Государь никому не нужен). На днях Ангела сказала мне, что, если бы могла, поехала бы воевать в Русский доброкорпус: «Ничего, что я инвалид, но у меня сильные руки. Я бы стирала одежду, бельё, как могла ухаживала бы за ранеными, потому что я не боюсь крови, или помогала бы на кухне в любой работе». И потом она добавила: «У меня очень расширенное и тонкое сознание... я не была бы в тягость».

Я допускаю, что и я, глухонемой инвалид, мог бы быть у вас полезным даже и не прикасаясь к оружию. И я хотел бы этого. Да кто же нас впустит в Украину, папа?

Здесь я на физическом уровне задыхаюсь... какая-то пустота и бессилие. Даже не знаю, как бороться с добивающей мою психику действительностью. Живу практически как затвор-

¹ никогда (укр.)

ник. Как-нибудь более подробно коснусь всех обстоятельств. Очень узкий круг общения: раз, два, три — не более, наверное, по причине отсутствия во мне освободительных порывов. И не только их, конечно. Сейчас читаю труд Павла Алеппского о его путешествии из Сирии в Московию. События середины XVII века. Увлекательное и подробнейшее наблюдение. Молюсь о вас.

Егор.

Дедушка! Наконец-то все хлопоты позади, скоро у меня в руках будет паспорт Кипра, тоже, кстати, красный. Так что кончаем беспокоиться — мне не придётся возвращаться в рф. Поэтому сейчас я прочёл «Юрод» и «Лють», что ты присылал раньше. Мне очень сложно определить, что для меня значат эти вещи... как и остальные твои рассказы... исторические свидетельства, личные дневники, литературные опыты или исповедь... конечно же, всё сразу, сложно провести грань. Но по этой причине мне сложно подобрать слова, даже угол зрения, для того чтобы проанализировать и прокомментировать. Особенно мне, человеку из болота, совершенно вырванному из контекста. Для меня до сих пор всё, что ты описываешь, происходит не здесь, не со мной, не в этой реальности. Возможно, это защитная реакция психики, и мне стоит стыдиться этого. Мне не хватает собственного погружения в контекст и, как мне кажется, даже эмпатии и интеллекта. Может быть, человечности. Видя, как болит и отзывается твоё сердце на всё, что ты описываешь, я чувствую, что должен разделять это и реагировать хотя бы в половину так же, но по какой-то причине не могу почувствовать ничего. По какой-то необъяснимой для меня причине я всё понимаю, всё разделяю, но ничего не чувствую. И эта моя броня тяготит меня, но я не в силах ничего изменить. Закрыться от всего и жить в мире кинофестивалей и головастиков — вот мой выбор. А твоя проза как будто бы призывает меня к тому же, открыть сердце, впустить в себя всю эту боль человеческую, разделить её, и переориентировать свою жизнь на участие, как ты. А я выбрал безучастие. И мне стыдно от этого, и аргументы про собственный путь художника и прочее звучат слабо для самого меня же. И вот с этим чувством проваленного экзамена на человечность я каждый раз завершаю чтение твоих произведений. Я как пятилетний ребёнок, которого усадили смотреть 400 ударов Трюффо.

Прости меня, пожалуйста, дед.

Одну только мысль скажу, не перечитывая снова... Мысль была в том, ассоциация такая промелькнула, что человек будто бы с течением

жизни проходит этапы в отношении с богом, и первые два этапа — это отрицание или принятие, в любом порядке они могут идти. А третий и последний этап — это обнаружение своего собственного Бога. Не примыкание к общему, а порождение своего, частного. И суть жизни и коммуникации с другими людьми сводится к сравнению ваших личных богов, и с чьим они схожи — тот и становится близок. И диалоги, подобные тем, что ты пишешь, это маяки, сигналы свой-чужой... сверка радиочастот...

Отправляю, как всегда не перечитывая, сформулировал, как мог.

Коля Горшочок

Внизу ссылка на мой фильм, который вызвал у людей некоторый ажиотаж, хотя он ещё окончательно не готов и даже не имеет названия. Может быть, ты что-то посоветуешь.

1

Андрей не спешил. Он дождался сумерек, когда художники и торговцы сувенирами на Андреевском спуске потянулись со своего промысла в пустые гаражи и сараи вблизи его дома с полосатыми сумками и связками картин. Он вышел и помог хромоту Косте втащить в гору тележку с его товаром. Когда же, наконец, окончательно стемнело и вокруг перестали бродить праздные люди, Андрей устроился за столом в своём садочке. Прежде чем открыть ноутбук, он просто посидел в темноте, стараясь освободиться от дневной суеты. Аромат буйно цветущей старой груши заполнил собой пространство ночи, запертое сверху плотными облаками. Он вздохнул, нашёл в компьютере письмо внука и открыл ссылку.

Чёрный экран. Тишина. Буквы:

Фильм снят на природе одним человеком
без компьютерной графики.

И ещё:

В каждом кадре присутствует вода, даже в этом.

Он услышал тихую музыку — звучала одинокая флейта пикколо. И что-то началось, и случилось чудо. Он пережил двенадцать счастливых минут, вобравшие в себя картину рождения жизни и торжество её красоты. Прозрачные пузыри на невыносимо голубой поверхности вод, делящиеся пополам наподобие клеток, заставили Андрея замереть, буквально не дыша, как во сне в тот момент, когда слегка отталкиваешься

от земли — чтобы взлететь. А явление в конце фильма стайки голова-стиков с прозрачными хвостиками привели его в совершенно детский восторг, и он захлопал под столом в ладоши. И тут экран погас. Видение исчезло. Homo sapiens не появился.

Что это было? Колдовство, магия таланта?

Любовь.

Андрей принёс из дома бокал белого сухого вина и снова открыл ноут. Но ему не повезло: из ресторана, расположенного под горой детинца, донеслось громкое бу-бу-бу, бу-бу-бу... Человек поднялся, собрал всё со стола и исчез за плотно закрытой дверью.

Христос Воскресе! С радостью поздравляю тебя и всех близких в Киеве с великим торжеством светлого Воскресения Христового! Да хранит вас Господь!

К сожалению, у меня плохая новость, отец. Я еду к маме. Мне написал её врач, что надо срочно приехать.

На автовокзале я провёл почти шесть часов. По счастью кондиционер в зале ожидания работал. Меня поразило, конечно, огромное количество контрактников и провожающих. Мужчин, с которыми прощались, плакали, делали селфи, подолгу стояли, обнявшись, потом он заходил в автобус. Она ждала возле, потом он снова выходил. Я всматривался в лица и тех, и других. Понимаешь, сейчас много говорят о некоем недоумении в людях. И всё-таки — это война бедных. Нищих. Видно даже по новенькой форме, наверное, это сначала был военкомат, оформление контракта. Ну, не возят же их группами сейчас, как призывников. Просто вещмешок или сумку взял, в автобус сел — и в центр назначения по адресу. Но — лица! Боже мой! Как? Вот эти солдаты, вот эти как бы рыцари Духа — это и есть те, что понесут свет в «помрачённый мир Запада»! Освободители, да? Мат в три слоя, роются в телефонах, тупая ржачка... Я всё время думал, почему эти пьяные орды... Да, орды! И да — национальный состав. Это я не знаю, как это. Широколицые, узкоглазые. Ты не представляешь себе, папа, сколько их там! И все едут в Ростов, автобус за автобусом, потом, наверное, какая-то передислокация, формирование — и на фронт! На штурмы! Вот такая утилизация на моих глазах.

Напишу сразу по приезде в станицу.

Да хранит вас всех Господь!

По понедельникам утром Пейзажная аллея пустынна и прекрасна. Ирка сидела на их обычном месте встречи — под раскидистой ивой возле статуи князя со свёрнутой набок шеей. После того, как её муж пропал без вести на фронте, Ирина перестала подкрашивать волосы и облачилась в белый пиджачок-салоппчик, который Андрей возненавидел с первого же взгляда. Она набила на левом предплечье, с внутренней стороны руки тату: *«чекаю тебе щодня»*.

Ничья собачка обнюхивала её тележку-кравчучку.

— Это не тебе, — наклонилась к ней женщина. — Тебе вот.

Она скормила ей печенюшку. Андрей сел рядом, обнял сестру за плечи. Она поцеловала его в щёку, больно ткнув в висок козырьком бейсболки.

— Посмотри, как мы её постригли, — женщина подняла руки к падающим с высоты ветвям ивы. — Красотка, да?

— Гарна, як свиня в дощ. Пошли?

— Подожди. — Она спрятала окуроч в карманную пепельницу. — Ты уже видел этот роскошный фейерверк на болотах?

— Ещё нет.

— В Ростовской области. О-о-о, как это дивно полыхает! Как детонирует! В ночи... Огрооомный склад. Представь — сейсмологи зафиксировали землетрус!

— Представил. Пошли?

— Минутку.

Зазвонил телефон Ирины.

— Алло. Да, что-то прервалось. Так вот, напоминаю вам слова Эйнштейна: «Я хочу знать, как Бог создал этот мир. Я хочу знать его мысли — остальное детали». Вот и всё, что я хотела добавить. ... Я так понимаю, что сейчас у вас ночь. Спите, пожалуйста. ... На взаим. До побачення.

Ирина дала отбой и встала.

— Погнали. Это один мой чудик звонит из Канады. Приспичило ему.

Она памятным жестом сунула кулачок в ладонь брата; когда-то старший водил младшую в детский сад, а потом проходными дворами на улицу Демехина, в ворошиловградскую школу № 20.

— Между прочим, — заговорил Андрей, — Стивен Хокинг писал, что компьютерные вирусы стоит рассматривать как форму жизни. И это много говорит о природе человека, ибо единственная форма жизни, ко-

торую мы создали к настоящему моменту, несёт только разрушения. Мы создаём жизнь, в кавычках, по образу и подобию своему.

— Мрачняк Андрейка! — откликнулась сестра. — Ну хорошо, Хокинг прав.

— Хорошо?

— Отстань. Смотри, вон там стоит сирень, видишь? Небольшой куст. Он выращивает сказочные цветки. Сиреневые с белой каймой. И даже чисто белые и цветные в одной грозди. Бузок звичайний «Сенсація».

Она подошла к кусту, чтобы освободить ветки от вездесущего вьюнка.

— Я его рву, а он опять, я рву — а он опять. Несомненно, это живое существо, но можно ли говорить, что оно преследует некую цель?

— Нет. Или да — его цель выжить.

— Так нет или да?

— Нет.

Они двинулись дальше.

— Нет так нет. Вот ещё вопрос: а что было, когда ничего не было?

— Это просто игра слов.

— Да ничего подобного. Современная наука признаёт существование разумных, я подчёркиваю — разумных! — вопросов, вовсе не имеющих ответов. Пока не имеющих.

Их обогнал человек совсем не по-летнему одетый во что-то серое. Он обернулся к ним и, пятясь, благословил пару небольшой иконой тёмного письма, которую нёс перед собой двумя руками. Кроме деревянной иконы, в руке у него торчал небольшой американский флажок, а молодое лицо его выглядело насмешливым и вместе с тем испуганным.

— Ну, чистая булгаковщина! — изумилась Ирина. — Только свечи не хватает в руках.

Существо это удалялось от них быстрыми шагами и исчезло в арке.

Они вошли в арку следом за ним и увидели на стене среди старых, полустёртых граффити чёрные буквы **ПРАСТИ**.

— Я могу побожиться, что двадцать минут назад этой надписи тут не было. — заявил Андрей. — Я здесь шёл к тебе!

— Не надо, — предостерегла сестра.

Во дворе тяжело стонала вытяжка воздуха из пустого кафе.

— Даже если я получу похоронку, я не поверю, что Алёши нет. Просто буду ждать встречи с ним там.

Папа!

Мамочка с миром отошла ко Господу сегодня в два часа ночи. Во сне. Душа её отлетела в тот простор, где побывал од-

нажды я сам, но Господь тогда не благословил меня остаться там. Упокой, Господи, душу новопреставленной рабы твоея Софии. Для меня самым большим ударом, горем стало то, что мама и ты так и не смогли увидаться и попрощаться. Как это нелепо и больно! Она простила тебя и просила о твоём прощении

Коля прилетает на похороны

Егор.

3

На Владимирской улице выставляли в затишке столы и стулья и открывали над ними огромные подвесные зонты. Невесомая бирюзовая церковь поднялась на цыпочки на холме, готовая взлететь; редкие торговцы не спеша выгружали из авто коробки, сумки и прочие кутули, выкатывали их на тележках из дворов, а женщины, переговариваясь, развешивали в своих киосках туристическую снедь. Взявшись за руки, Ирина и Андрей шли вниз по Андреевскому спуску мимо ещё закрытых коричневых сундуков с запасами товаров, постукивая по ступенькам колёсами кравчучки.

— Мы видим, что Вселенная удивительным образом упорядочена и подчиняется определённым законам, — вещала женщина. — Учёные говорят о её исключительно тонкой настройке и чувствительности к цифровым значениям мировых констант. Так в чём тогда сегодня состоит позиция даже наиболее умного человека по отношению к Богу?

— Там за поворотом, — показал вниз Андрей, — за музеем, добрые люди посадили на балконе бронзового кота Бегемота с примусом в руках. А на примусе написано: «Палай Москва!»

— Большой кот?

— Да, упитанный такой и рожа наглая. Всё по делу.

— Я люблю вас, люди! — воскликнула Ирина.

Они свернули в арку, расписанную цветами, котами, зайцами и прочими радостями, поднялись к старой груше и вошли в его садочек, спугнув с кормушки синиц.

— Устроимся здесь, «на воздушках»?

— Нет, — ответила Ирина, — надо внутри.

Андрей открыл ключом дверь.

— Ир, может ты всё-таки откроешь мне смысл происходящего?

— Я не могу. Это не моя тайна. Ну, хорошо, — понизила она голос. — Это для Алёшиных хлопцев. Надеюсь, ты понимаешь?

— Да.

— Сколько ты сделал блинов?

— Шестьдесят.

— Ты — герой удалой!

Она достала из кравчучки две большие миски.

— Вот начинки. Мясная и творожная. Должно хватить.

Собрав на стол всё нужное для работы, двое уселись друг против друга.

— Смотри, кладёшь блин, потом ложкой начинку — раз! — и заворачиваешь вот так, конвертом — два.

— Иррра...

— Окей, окей, это я на всякий случай. Давай в стихи поиграем.

— Давай. Давно не играли.

— Я первая. Нет — давай ты первый!

— Рано, ще рано, — начал Андрей, — Ще і мати не вставали

І до мене не гукали: вставай, сину!

Ще і батько не вставали і до мене не гукали:

Ходім, хлопче.

— Рано, ще рано, — подхватила сестра. — Ще Марія не вставала,

І до мене не гукала: вставай, Йванку!

Старшина ще не вставав, і до мене не гукав:

Кроком руш!²

— Рано, ще рано, — откликнулся брат. — Ще і донька не вставала,

І до мене не гукала: вставай, тату!

Ще й онук мій не вставав, і до мене не гукав:

Ходім, діду!

— Рано, ще рано, ой, рано, — закончили они хором и засмеялись. Ирина сложила «конвертик» и начала новое:

— і щастя це хвилини півтори.

Склепивши очі, тихо повтори:

околиця... напівзабуті лиця...

овече хутро... сині хутори...

багаття... бринза... сутінки... суниця...

ти вернешся. Воно тобі насниться...

Форель... зело... криниця. Повтори!³

² Шагом марш!

³ И это счастье минуты полторы. Сжавши очи, тихо повтори: околиця... полузабытые лица... овечий мех... синие хутора... костёр... брынза... сумерки... земляника... ты вернёшься. Оно тебе приснится... форель... зело... колодец. Повтори!

Готовые для Алёшиных побратимов блинцы они складывали в пластиковые контейнеры, а заполненные ставили в холодильник. И читали по очереди стихи.

— Двадцать восемь штук, — сказал Андрей, когда первая миска с начинкой опустела.

— Отлично! Вечером Яна со Светкой подгонят мне ещё жаркое и особый супчик, а завтра рано утром хлопцы приедут и всё заберут.

Ирина встала, потянулась и ушла курить. Перед тем, как выйти следом, Андрей включил под чайником плитку. Сестра сидела за столом с трубкой возле уха.

— Записали? Пять дней. Витамин це с цинком тысяча миллиграмм один раз в день, десять дней. Дальше. Рапира, один пакет шестьсот миллиграмм после завтрака. Ну да, рапира, что тут смешного? Такое название. Он фехтовальщик? Ну надо же. Чемпион Европы? Тогда да, смешно. Три дня. После рапиры му-ци-тус. Повторите. Да. Одна капсула два раза в день, десять дней. Контроль температуры, давления и пульса дважды в сутки. Если будет выше тридцати восьми, сразу же звоните. Нет, не беспокойте. Выздоровливайте.

Она опустила мобильник.

— Мальчик из Швеции приехал сюда воевать за нас и подцепил ковид. Принеси мне грушку, пожалуйста.

Андрей осторожно пригнул ветку и сорвал пару груш. Внизу на подгнивающей падалице кормились невзрачные глазастые бабочки-алкоголички.

Добрый день, папа!

Я обратился к архиепископу Геннадию. Мы с ним знакомы ещё с тех времён, когда я восстанавливал вместе с другими трудниками монастырь рядом с городом Шуя в Ивановской области. То есть нас связывает давнее знакомство. Владыка благословил приехать. Я хочу, чтобы Господь меня укрепил расстаться с земным имуществом и сделать шаг в сторону обители, монашества. Буду я монахом, не монахом, трудником пока — для меня сейчас без разницы. Лишь бы быть с единокорными в вере людьми. Слава Богу! Потому что перепробовано всё, многими, и люди всё равно получают помощь только от Всевышнего. В этом безумии, которое, знаешь, как некое такое тёмное покрывало опустилось на землю, только от Него может быть помощь, защита и просветление.

Приехал я в храм к владыке, было у меня старинное благословение блаженной старицы Любушки Сусанинской. Он вспомнил меня: «А, Егор!» и старицу вспомнил. Пригласил в алтарь и дал мне телефон наместника Иоанно-Предтеченского монастыря, архимандрита Иосифа. Я ему написал. Он забрал меня и отвёз на этот остров, потому что действительно вокруг реки, и мы сюда заезжали на пароме. И от парома буквально не пригодная ни на что дорога, вся такая извилистая, раздолбанная, в ухабах, в ямах. По этой дороге, пыльной, песочной мы приехали в некогда славную обитель.

Монастырь, конечно, в упадке, потому что он в годы революции был основательно разрушен. Встретили меня радушно. Для них это обыкновенно, потому что там много было таких пришельцев, как я. Посмотрит человек на эти условия, разворачивается и уезжает. Из братии два насельника, Митрофан и Леонтий, великолепные люди, труженики, молитвенники. Со мной стало девять человек. Все уже привыкли к моему молчанию и нашли каждый свой способ общения.

Если сказать по большому счёту, то да, я хотел бы просто закончить свою жизнь в какой-то тихой обители, где я, уже ориентируясь на свой возраст, смог бы себя хоть как-то реализовать, чтобы те послушания, которые будут возложены на меня, я бы мог понести по моим силам. Чтобы не было, как это часто бывает в подобных системах – струну натягивают, натягивают, а потом раз, и она лопнула. Ну не приду же я в 80 лет, потому что поставят вопрос ребром и скажут: «Ты пришёл сюда умирать, и чтобы на этот период за тобой присматривали?» Поэтому я вот и делаю такую попытку сейчас. Это разведка.

Храни вас Господь Своею милостью!

4

— **И** не надо ухмыляться, мой дорогой! Ну да, Эйнштейн называл «религиозной» свою веру в рациональную природу мира вокруг нас. По крайней мере, той его части, которая доступна нашему разуму. А там, где отсутствует такая вера, писал он, наука вырождается в бесплодную эмпирию. И какого чёрта мне беспокоиться, что попы наживают капитал, злоупотребляя этой верой? Это Эйнштейн. Так вот, сегодня большинство исследователей признают реальность человеческого сознания и вытекающую из неё загадочность.

— Ты только не волнуйся. Кофе остыл — подогреть?

— Да, пожалуйста. Мы вообще не знаем, откуда оно, наше сознание, появилось и где найти для него объяснение. Наука ничего не может сказать миру о восприятии человеком цвета, о чувстве радости или уродстве, о добре и зле, наконец, о Боге и вечности.

— Совсем ничего?

— Пока что её ответы настолько слабенькие, что мы не можем воспринимать их всерьёз.

— Естественный отбор не требует от нас понимания чувства радости и квантовой теории, — неожиданно сообщил Андрей.

Ирина с интересом посмотрела на брата и допила кофе.

— Всё, хорош. Сигарета — и берёмся за блинчики.

Минут десять они молча сворачивали «конвертики». Но мысль в каждом продолжала жить уже как бы сама по себе — они беседовали «не вслух». Первой не выдержала Ирина:

— Несомненно наука — метафора природы. Она постепенно открывает всё более общие законы природы, область действия которых фантастически огромна.

При этом сегодня общепризнано, что да, действительно имеют место научные проблемы, которые, вероятно, невозможно разрешить, действуя в пределах естественных наук. Какие?

— Возникновение сознания?

— Конечно.

— Зарождение жизни.

— Да. И биологическая эволюция. Ты что-нибудь слышал об антропном принципе?

— Только слышал, — признался Андрей.

— Это безумно интересно. Он звучит примерно так — мы видим Вселенную такой потому, что только в такой Вселенной мог возникнуть человек, то есть наблюдатель!

— Ещё раз.

— Ну, грубо говоря, наша Вселенная строилась такой, чтобы через миллионы миллионов лет в ней обязательно появилось мыслящее существо. То есть наблюдатели необходимы для обретения Вселенной бытия. *Observers are necessary to bring the Universe into being.* Джон Уилер. Лучше не скажешь! Отсюда следует предположение, что наблюдаемые здесь и сейчас законы природы не являются единственно существующими или существовавшими. То есть реально должны быть иные Вселенные с иными законами. Тебе понятно?

— Не всё!

Виталий АМУРСКИЙ

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

* * *

Не знающим, как были тяжелы
Слова, сумевшие бежать из-под конвоя,
Отыщется ль страна, где жили мы,
Как Шлиманом гомеровская Троя?

А впрочем, надо будет ли искать,
Ступая по седому пепелищу,
Всё то, что безнадёжная тоска
Пронзила лет на сто или на тыщу.

* * *

Щукинский мрамор, куранты и шаг часовых.
Как же всё это, и впрямь, далеко!
Только своей «Натали» вдруг напомнил о них
Голос со старой пластинки Жильбера Беко.

Юность. Москва и Париж, как Земля и Луна.
Как обещание — звёздный билет и неожиданный ожог...
Где ты сейчас, Натали? Где сейчас та страна?
Где под ногами когда-то скрипевший снежок?

Нет, ни о чём не жалею, и нет ностальгии о том,
Что поглотила давно безграничная ночь.
Разве ж порою мерещится гулкий вагон,
В семьдесят третьем оттуда несущийся прочь.

Вспоминая литфак МОПИ

О старине подчас болтая,
Мы забывали всякий раз,
Что колокольчик «Дар Валдая»
Не донесёт свой звон до нас.

Что ветры давние отпели
И унесли эпоху ту,
Где Пущин среди псковских елей
Спешит от друга в темноту.

А нам лишь в краске чёрно-белой
Достались будки часовых,
Да туч имперских муть и пена
С луной, мелькающей меж них.

* * *

Былого тени... И опять, как встарь,
Из сумерек исчезнувшего века:
Трамвай, ночная улица, фонарь
У дома, где была аптека.

Поблёскивают звёзды в вышине,
Как угольки, средь пепла догорая.
Да, тот же дом, аптеки, впрочем, нет.
Потом, — я слышал, — там была пивная.

Теперь же уплетают шашлыки
Со жгучею кавказскою приправой
И, видя местных, чешут кулаки
Заядлые бойцы боёв без правил.

Два фюрера — чеченский и РФ —
Красуются на снимке возле входа,
Как оберег. Новокавказский блеф,
Но всё же символично — рядом оба.

Сей снимок на помойку обречён,
Грядущее шалмана неизвестно,
Лишь дом, что прочен старым кирпичом,
Возможно, не оставит своё место.

Кому, однако? Будущее — мрак,
И, как предвестие грядущих потрясений,
Мне слышится вдали вороний карк
Над ныне очумевшею Расеей.

* * *

Рудольфу Фурману

Порою мне так хочется забыть
Пронзительные осени и зимы,
Когда с волками нужно было быть
И сложно жить, не воя вместе с ними.

Я, к счастью, воя в стае избежал,
Оставив ей тот флаг, где серп и молот,
Однако растворясь средь парижан,
Всё ж сохранил знакомый с детства холод.

Как многие, конечно, то есть те,
Кто был клеймён строною, где мы жили,
Как, скажем, вы в нью-йоркской суете
Дождь питерский в себе не иссушили.

Серебряными нитями он в вас
Пророс, как прорастают корни в почве,
Или как звуки ручейковых фраз,
В конце которых невозможны точки.

О, дни и месяцы со снегом и дождём —
Ну, что же, и они подобны вехам
Для нас, кто оказался там рождён
И как бы взял за пазуху, уехав.

* * *

Чувств черновик, случайных мыслей бег
О мире том, чей дух, увы, утерян,
Где вместо Воробьёвых гор Казбек
И вместо Яузы услышишь чаще: Терек.

Жизнь, что была, реально утекла,
И с тех бульваров, что меня кружили,
Глядят глаза бездушнее стекла
Сквозь сквозняков дрожащие пружины.

* * *

Миражи и яви,
Мыслей чехарда.
Осень, дождь... не я ли
Там, тогда?

Тихий пруд у «Кировской»,
Над водой парок,
В чьи ладони кинуться
Я б монетой мог.

ПАМЯТИ ТВОЕЙ
(из цикла Есениниана)

Скошенная трава,
Скошенные цветы,
Скошенные слова —
Те, что шептал ты.

Только память права,
В сердце храня хорошее —
Скошенная трава
Пахнет острее нескошенной.

Михаил ГОНЧАРОВ

НОВЕЛЛЫ

ХОЙ ЗНАЕТ, ИЛИ КАК В МОЮ ЧЕСТЬ ДЕРЕВО ПОСАДИЛИ

Из ФЕЙСБУКА АВТОРА

Однажды, много лет назад, я написал зарисовку об обнаруженном мной в архиве свёртке одежды, сто лет назад принадлежавшей Трумпельдору, вытащил из свёртки куртку национального героя Израиля и попытался её примерить на себя (она оказалась мала и налезла мне только на одно плечо. Там были ещё носки и подштанники, но это я уже не примерял). Написал я зарисовку, вывесил и забыл; и на меня тут же написали официальный донос, что я оскорбляю сионистские святыни. Какой-то поц из Лос-Анджелеса написал и прислал моему директору. И меня вызвали на ковёр. Хорошо ещё, что нынешний мой директор — человек с юмором.

А в одном из старых рассказов, которые я обнаружил сегодня, тоже содержится, некоторым образом, оскорбление святынь. По этому поводу я открываю запись только френдам, среди которых поцы из Лос-Анджелеса, равно как и другие поцы, не фигурируют.

...и уронил Тангейзера на Венеру

(АБС, из «Улитки на склоне»)

Ещё во время службы в доблестных рядах я привык ругаться. Научиться-то я научился гораздо раньше, а привык — только в армии. Там это снимало нервное напряжение, было отдушиной во время депрессий, временно приводило в относительный порядок чувства, растрёпанные во время прохождения службы вдали от дома. С того самого момента, когда, вернувшись в родной город утром тридцать пер-

вого мая восемьдесят шестого года, весёлым матерящимся метеором я совершил свой последний в той жизни десант — высадился на перроне Варшавского вокзала в узких брюках х/б, в бело-синей полосатой майке, с накачанными буграми бицепсов и трицепсов — на протяжении примерно года ненормативная лексика была естественным повседневным выражением любых моих чувств. Впоследствии я отвык от этого, но несколько выражений засели в голове, нервах, печёнках, и выветриваться не желали, особенно в критических и знаковых ситуациях. Первой моей фразой по прибытии на Святую землю, когда я спустился с трапа самолёта и нагнул, чтобы поцеловать, по завету и формуле дедов, бетон аэропорта, были инстинктивно вырвавшиеся слова — их я стесняюсь приводить в порядочной компании до сих пор:

— Благословен Господь, который, бя, пиздец.

Да, слова эти вырвались откуда-то из глубин, *de profundis*, как сказали бы латиняне. И вырывались с тех пор такого рода обороты с той же степенью регулярности, с какой возникали передо мной затруднительные жизненные ситуации. Свой трудовой путь на новой земле я начал с того, что работал кухонным мужиком в столовой одной иерусалимской йешивы. Я таскал ведра с кипятком, ворочал баки с мусором, мыл полы, убирал столы после трапез будущих раввинов; я не вынимал изо рта трубки, подаренной мне когда-то одним знакомым профессором, преподавателем марксизма-ленинизма в Высшей партийной школе, безостановочно смолил чёрный дегтярный табак и изыяснялся на высокопарном, сотни лет как канувшим в небыль библейском иврите, перемежая его русским матом. Субтильные студенты религиозного учреждения, шарахавшиеся от любых громких звуков, за исключением, пожалуй, молитвенных песнопений, при встречах со мной приподнимали шляпы в знак глубочайшего изумления. Я старался выполнять свою работу как можно лучше, но меня что-то грызло изнутри, и мат мой восходил к горным высотам как псалом Давида, и облака трубочного дыма фимиамом тоскливо тянулись к престолу Всевышнего.

Наконец Господу надоела, видимо, такая нестандартная форма прославления Его чудес, и он задумал избавиться от меня. Неисповедимы его пути, — возможно и даже наверное, Он, внимая моему бормотанию, в котором библейские обороты перемежались подробным перечислением нюансов языческих вакханалий, решил, что мне и Ему спокойнее будет, если я окажусь где-нибудь в другом месте. По крайней мере, не в таком святом. Именно тогда, думаю, в Его голове созрела мысль переправить меня на постоянную работу в архив истории сионизма, где я пребываю в качестве научного сотрудника до сего дня. Но как избавиться

раввинское училище от моего присутствия, если экзамена на святость я не выдержал? Он решил этот вопрос с присущим Ему юмором. В один из дней, в начале новой рабочей недели, после попойки, состоявшейся накануне в нашей съёмной квартире, куда я, неудовлетворённый столь безрадостным пролетарским началом жизни на исторической родине, пригласил всех окрестных забулдыг — старожилов и новых репатриантов, — с дикой головной болью, проклиная всё на свете, я доплёлся до работы. Во дворе йешивы ко мне подошёл худенький пейсатый мальчик с прозрачными синими глазами за огромными окулярами очков и, приподняв чёрную шляпу со старомодными полями, почесал бритый затылок. Это выдало чувство неловкости, испытываемой им всякий раз, когда он меня видел. Опухший с перепоя, я раздражённо уставился на него и задымил трубкой. Он закашлялся.

— Что тебе, отрок учёный, в час утренний столь ранний, нужно, бля? — спросил я, тщательно выводя ветхозаветные рулады и души улаживания ради присоединяя к ним кусочки лексических оборотов из прошлой жизни. У меня тряслись руки и разламывалась голова, а в помещении столовой ждали двадцать пять грязных столов, которые нужно было помыть и накрыть к раннему завтраку.

И ангел Господень воздел меч, о чём я в тот момент, разумеется, и не догадывался.

— Мойшиш, — застенчиво сказал он, — у тебя такой странный древнееврейский. Мы с ребятами спорим, что за слова ты присоединяешь к речи на святом языке. Я говорю — это русский язык. Юноши наши рекут — это такой специальный диалект русских евреев, наверное, сие тоже богобоязненные обороты; и мы хотим, чтобы ты обучил им нас.

— Юноши правильно рекут, — отрывисто сказал я, — на этом диалекте русские евреи говорят куда лучше и разнообразнее многих туземцев. Но зачем...

— Ибо хотим мы познать богобоязненные обороты на языке ином, в помощь братьям нашим из страны Северной. Если вдруг придётся общаться, — объяснил он кротко, и на минуту мне стало стыдно. Ангел Господень стоял с занесённым мечом и то ли хмурился, то ли посмеивался.

«А хули, — злобно подумал я, — кому ещё русский мат был вреден? Пусть учится. Не всё же псалмы распевать. Ишь, инфантилы. А сами без мамы до свадьбы улицу на зелёный свет перейти боятся. И после свадьбы. И вообще».

И ангел нанёс удар наискось, но плашмя. С того дня я стал обучать студентов нюансам русской ненормативной лексики. Я обучал их тщательно, со словарём, с многочисленными примерами и комментариями.

К концу недели мы сделали большие успехи. В йешиве до и после богослужений стоял мат до небес, преподаватели не понимали, что происходит, а в пятницу утром мы перешли к классическим толкованиям воровского жаргона. Йешиботники были в восторге — они узнавали древнееврейские и идишские формы и значения в словах «ксива», «халява», «фрайер», «хаза», «мусор»; наконец, к часу завершения рабочей недели они выучили наизусть на языке оригинала клятву «век воли не видать». Этой клятвой я окончил свою трудовую деятельность на богобоязненном поприще. Суббота — День Господу, и я отдыхал; в День Первый я явился на работу, и мне сообщили, что я уволен.

Я был совершенно убит и с полчаса просидел на парапете — внутри помещения меня уже не пускали. Это было моё первое в жизни увольнение. Некоторым утешением служило то, что толпа студентов йешивы, свесившись из окон, махала шляпами и провожала меня оглушительным свистом (накануне я объяснил им, что свист на лагерной фене — проявление дружелюбия и одобрения, до меня они не знали даже этого). Пока я уходил вдаль, в синеющие иерусалимские холмы, вслед неслись пожелания долголетия, здоровья — и оглушительный мат. Лет через пятнадцать я узнал, что один из выпускников этой йешивы, где я, некоторым образом, преподавал, действительно получил диплом раввина и отправился в качестве посланника в Сибирь — наставлять тамошних ассимилированных евреев на путь истинный, и со знанием мата, который я успел в него впихнуть, значительно там преуспел.

Через неделю на наши головы стали падать иракские «скады», и в соответствии с указаниями службы тыла мы сперва кидались в бомбоубежище; через два дня нам это надоело. Как-то ночью нас разбудила сирена воздушной тревоги, мы вскочили и натянули противогазы. Три человека, двое взрослых и ребёнок, сидели на постели в одних трусах, натянув противогазы. Это было настолько дурацкое зрелище, что я стащил воняющую резиной маску и сказал, что кончено — больше ни за что не надену. И не надевал, хотя сирены были еженощно ещё, по крайней мере, две недели. Ракеты падали на центр страны, масса домов была разрушена, было много раненых, несколько человек скончались от разрыва сердца, но, по Божественной иронии, единственным убитым прямым попаданием ракеты оказался организатор Общества по борьбе с соблюдением субботы. Прочтя в газете о такой отменной шутке Господней, я почесал ухо. Назавтра Господь, в соответствии со своим замыслом, продолжал шутить: грянула сирена и сразу вслед за нею — телефон; пока соседи, шлёпая сандалиями на босу ногу, бежали в укрытие, я поднял трубку. Незнакомый голос с польским акцентом сказал, что

меня приглашают на работу в исторический архив. Ни хоя себе, — сказал я сам себе, но в трубку. Польский голос деликатно покашлял. На следующий день, под звуки сирены, я пошёл разыскивать этот архив, под звуки следующей сирены — нашёл и, пока выла очередная сирена, остался там заполнять документы. В тот день было много сирен. Так я приступил к своей новой работе, на которой пребываю уже больше двадцати лет.

Я стал несколько осторожнее в обучении аборигенов ненормативной лексике. Я стал изменять гласные в существительных. Впрочем, в моём архиве большая часть сотрудников, будучи людьми интеллигентными, сама знала, что представляют из себя те или иные русские фонемы, а те, кто изначально не знали, за два десятка лет под моим осторожным влиянием всё же выучили их наизусть. Правда, ругаться — от нервного ли напряжения, от радости ли — остаётся почти исключительно моей прерогативой. Иногда, но очень редко, меня — просто за компанию — поддерживает профессор Рувен, выходец из Сербии. На моей памяти в последний раз он старательно ругался матом во время натовских бомбардировок Белграда.

Вчера утром он вбежал ко мне в кабинет в состоянии необычайного возбуждения.

— Дерево! — кричал он по-русски с сильным балканским акцентом. — Дерево!

— Кто дерево? — без особого интереса спросил я.

— Ты — дерево! — объяснил он.

— Спасибо, — сказал я. «Дерево» на иврите — это иногда не обидно. Некоторых мальчиков при рождении называют Илан. Мальчик — дуб. Это признак пожелания крепости. Девочек иногда называют именами разных растений. Девочка — ромашка, но это не несёт той смысловой нагрузки, которая принята в русском языке. В конце концов, в двадцатых— тридцатых годах детей в СССР тоже иногда называли прогрессивными именами. Девочка Электрификация, мальчик Трактор. Или Полиграф. Один Полиграф даже воспет в литературе (в иврите полиграф — это детектор лжи).

— Дерево. Сейчас директрисе позвонили из Управления. Тебя закатывают под ковёр.

— Как?

— Тебя катают под ковёр, — поправился он.

— Говори на иврите, — распорядился я. — От твоего русского колёса останавливаются.

— Какие колёса?

— Это идиоматическое выражение такое, — объяснил я.

— Катать под ковёр — тоже идиоматическое выражение, — возразил профессор.

До меня стало доходить.

— Ты хочешь сказать — меня вызывают на ковёр?

— Так, — кивнул он.

— А что такое случилось? — встревожился я. Кажется, последние годы я никого не обучал мату. По крайней мере, во всех существительных изменены гласные. Что ещё могло случиться?

— Что случилось?

— Хой знает, — объяснил он. — Сейчас она сама тебя вызовет.

Тренькнул звонок. Я нагнулся над селектором.

— Мойщик, — проворковал её голос, — иди ко мне. Немедленно.

На иврите «иди ко мне» — тоже своего рода идиома, но и она не несёт в себе той смысловой нагрузки, которую вы сейчас в неё вложили.

— Быстро-быстро. Совсем скоро.

— Иду, — буркнул я и посмотрел на профессора. Он улыбался и потирал руки. Он был рад за меня.

Не люблю неожиданных звонков.

Я подошёл к просторному директорскому кабинету и остановился на пороге. Там уже собрались все сотрудники.

— Вот он, — сказал Рувен, подталкивая меня в спину.

Увидев меня, все заплодировали. На лицах наших женщин расцвели улыбки.

— Что за хойня, — потерявшись, сказал я в пространство.

— Не хойня, не хойня, — затараторила директриса, демонстративно показывая знакомство с русскими идиомами (выученными, разумеется, у меня, но она в этом никогда не признается), — не хойня, а очень писгато.

— Чего? — удивился я. «Писга» на иврите — «вершина».

— Писгато, — тщательно выговорила она, и тут по наитию я понял, что она использовала букву «гимел» вместо «далет» там, где должно было быть наоборот, а «зайин» заменила «самехом». Я понял это по ассоциации, которую только русский язык и может родить.

— Не знаю испанского, — утомлённо сказал я, стремясь избежать разбора этимологических идиом.

На кукольном личике директрисы, быстро чередуясь, промелькнули удивление, подозрение, испуг. Она боялась попасть впросак. Она всегда этого боится. Трудно не попасть впросак человеку с незаконченным средним образованием, волею случая вознесённому на пост руководителя научным учреждением.

— Тебя вызывают в Управление. И нас всех вызывают тоже. Потому что случилось бес-прен-цен-дентное событие. И ты в нём участник.

— А чего я сделал-то?

— Там тебе объяснят. Уже заказан автобус. Поедемте, господа. С тобой сам Натан говорить будет. И все прочие. И ты скажешь речь.

— Трудно мне тебя понять, Гили, — признался я. Я терпеть не могу произносить речи, и ещё меньше хочу попадаться на глаза Натану. Натан — это уже серьёзно. Когда он разговаривает, у него изо рта летят слюни, и приходится отступать на три шага назад, как бы из пиетета. В той жизни он был Толик, а здесь он, видите ли, Натан. Сиделец, борец с режимом, автор нашумевшей на весь мир книги воспоминаний, которую издали и продали таким тиражом, что он сразу стал миллионером. А теперь он ещё и начальник Управления.

В принципе, мужик-то он неплохой, только слюни летят. А так — вполне ничего, никому чрезмерных пакостей не делает. Один раз с ним сцепился не по делу, с тех пор он в нашем архиве не был, и я уж надеялся, что меня он забыл. А тут — здасьте, на ковёр вызывает. Хойня какая-то, а вовсе не писгато, что бы там наша дура ни говорила.

Нас привезли на автобусе к белому трёхэтажному зданию на улице короля Георга. В дороге я сидел рядом с директрисой, она не отвечала ни на один вопрос и только восторженно шлёпала меня по колену. В конце концов, я перестал задавать вопросы, но она всё равно тараторила, что это не хойня, а страшно писгато. Полный самых дурных предчувствий, я отодвинулся и стал глядеть в окно.

Мы вышли из автобуса, поднялись ко входу в здание и продефилировали на третий этаж, в зал имени господина Вейцмана, первого президента нашего довольно-таки молодого государства. Это здание полно залов имени разных известных деятелей. Однажды по случаю Дня независимости нас кормили ланчем в зале имени Бен-Гуриона. Первый премьер-министр, прищурясь, взирал на нас со стены. На портрете развевались его знаменитые патлы. В руках Бен-Гурион держал навозные вилы. Видимо, снимок был сделан уже тогда, когда он удалился от политической жизни в свой кибуц и работал в нём помощником доярки. Я ел люля-кебаб и с интересом разглядывал куски коровьих лепёшек, приставшие к вилам премьер-министра. Я ел с аппетитом, но у некоторых наших дам кусок не лез в горло.

По новым правилам, ни в одном из помещений здесь нельзя курить, и торжественное мероприятие в зале имени Голды Меир, где я не так давно присутствовал, выглядело сущим издевательством: на портрете, занимавшем полстены, Голда с наслаждением затягивалась папиросой,

и огромная хрустальная пепельница перед ней была полна окурков. Я знаю эту пепельницу: в своё время я откопал в архиве бумагу, свидетельствующую о том, что она была подарена Голде Сталиным в сорок восьмом году, когда будущий министр иностранных дел работала в Москве первым послом нашего новорождённого государства.

Мы гуськом вошли в зал имени Вейцмана, там было полно народу. На сцене стояла трибуна, рядом стулья для почётных посетителей. На трибуне стоял Толик и вещал громко, энергично и решительно непонятно о чём. Зал внимал. Когда мы вошли (директриса семенила, мёртвой хваткой зажав мой локоть), Толик замолчал и протянул руку вперёд — в конец зала. Все обернулись. Он невнятно выкрикнул что-то доброжелательное. Грянули аплодисменты. Я тут же дико захотел курить и сжал руку директрисы, машинально полагая, что там находятся сигареты. Она тут же пожала мне локоть с удвоенной силой. Я поморщился. Мы подошли к первому ряду и расселись. Толик стукнул кулаком по трибуне и сказал (акцент у него чудовищный), что этот день незабываем. Все с умилением закивали. Он схватил стакан, стоявший перед ним, и залпом выпил. Ясно было, что до нашего появления он говорил не меньше часа. Директриса сидела прямо перед ним и преданно глядела ему в рот. Я обратил внимание, что стакан перед оратором был гранёный. А вот если бы в нём была не вода, мелькнула в голове мысль, мне было бы легче. Толик с натугой нагнул голову и выдохнул. Потом он полез в карман своей вечной курточки, и я вытаращил глаза — он вынул оттуда корочку хлеба и занюхал содержимое стакана. Я завертел головой — в зале завистливо приняхивались. Ну, это ли не хойня, — пробормотал я вслух. Директриса расслышала и проверещала шёпотом, что никакая это не хойня, а очень даже писгато. И тут я не мог с нею не согласиться.

Толик осторожно поставил стакан на трибуну, вытер слезившиеся от напора чувств глаза и снял свой знаменитый картуз. Все испуганно замерли. Он почесал побагровевшую лысую голову. В тишине я услышал старательный скрип. Потом он поднял глаза и, нашаривая кого-то взглядом, сказал, что мы собрались здесь, чтобы почтить... нет, уважить... нет, благословить известного сотрудника... который, так сказать, прославил всех. Нас. Как сказано в Писании... Тут он схватил бумажку и стал неразборчиво цитировать Псалмопевца, и брызги слюней встали над ним разноцветным радужным ореолом. Я загляделся на это дивное зрелище и не почувствовал сперва, что кулачок директрисы тычет меня под рёбра. Ненавижу щекотку. Я подпрыгнул и сказал «ой». Все смотрели на меня. Толик протягивал ко мне руку. Я вытаращил глаза. Я столько таращил в этот день глаза, что они немного вышли у меня из орбит.

Вера ПАВЛОВА
дВОЙНАЯ СПЛОШНАЯ

Из книги «В НОЧНЫХ ЗЕРКАЛАХ»

* * *

Подбирать слова. Стирать —
не годятся, не нужны.
На два фронта горевать,
проводить на две войны.
Бог, учивший рыбаков,
как, скажи, любить врага?
Вышло зло из берегов,
затопило берега.

* * *

Приснилась война.
Просыпаюсь — война.
Лежу под обломками
страшного сна
и плачу о тех,
кто ни часу не спал,
забившись в подвал,
разбирая завал.

* * *

Нелюдимое море,
братья Холод и Голод
в доме с видом на горе,
на разрушенный город.

Ночевали в подвале:
темнота, канонада.
Приуныли, устали
сёстры Вера и Правда.

* * *

Бог послал умирать своего,
дьявол шлёт убивать чужих
детей. Война или СВО,
какая разница? Был бы жив
вот этот мальчик, была бы жива
вот эта девочка в красных колго...
Не будут. В крови мои рукава.
Чужих. Потому что нет своего.

* * *

Мать сыра земля.
Жаркие деньки.
Минные поля:
маки, васильки.
Ладен, синеок
Вася-Василёк.
— Мам, смотри, — цветок
тоже одноног.

* * *

ви переможете ворогів лютих
вы не оставите вдовых и сирых
в день перемоги не будет салютов
люди устали от грохота взрывов
будут пиры ликование пенье
памятники ордена и медали
а мы будем праздновать поражение
мы как умели его приближали

* * *

Печально моё ура.
Урок тщеславия пройден.
Грудь — сплошная дыра:
некуда вешать орден.
Не слышно моё *увы* —
стозевно чудище лает.
Лавровый веночек спадает
с повинной головы.

* * *

Ты же тоже одноразовый!
Не плоди сирот и вдов.
Развязал войну — завязывай
на пятьсот морских узлов
этот, с буквой-полусвастикой,
с мешаниной рук и ног
безразмерный чёрный пластиковый
шевелиющийся мешок.

* * *

А сердце верит: будут праздники,
войну сдадут в металлолом,
невозвращенцы и отказники
сойдутся за одним столом.
Где скатерть белая крахмальная?
Вернутся беженцы домой
и будет, будет жизнь нормальная.
Или не будет никакой.

* * *

нет да нет да нет да
в двухкомнатной вселенной
жизнь больше никогда
не будет довоенной
но может быть она
послевоенной станет
ты кончишься война
нет да нет да нет да нет

* * *

Старается. Корявенько пишет.
Урок в бомбоубежище начат.
Имеющий уши да услышит.
Имеющий сердце да заплачет.
Потерян счёт летящим ракетам.
Выводит алфавит ученица.
Научится — напишет об этом.
Если успеет научиться.

* * *

Выползло из-под земли
зло и встало на крыло.
Мы представить не могли,
что оно настолько зло,
что словцо «головорез»
не словцо, а ремесло,
что бывают люди без
совести, что их число
семизначно, восьмизна...
Кто возьмётся за подсчёт?
Роковые времена.
Седьмое октября.
Две тысячи двадцать третий год.

* * *

Там, далеко-далеко
сокровники бабушки Розы
кровь сдают, молоко.
Можно я сдам слёзы?
Вот, за слезой слеза.
Они пригодятся — не так ли? —
выплакавшим глаза
до дна, до последней капли.

* * *

Утро. Оживают города,
надевают юбки и штаны,
достають орудия труда,
мастерят орудия войны,
снаряжают порохом снаряд,
получают втрое за труды
и ракеты сотнями летят
на больницы, школы, детсады.

* * *

Пуля дура. Танк debil.
Ракеты идиотки.
Сколько ты детей убил,
корифей наводки,
командир координат,
полководец клавиш,
сколько — десять, пятьдесят,
сто? В аду узнаешь.

* * *

Я, имярек, неповинен
в спецоперации адской.
Кто заминировал? — Минин.
Кто поджигает? — Пожарский.
Похорошела столица.
Ад, он и правда — другие:
бездействующие лица
безликой драматургии.

* * *

Всё красней пена дней.
Тет-а-тет с кровавым веком
всё трудней и трудней
оставаться человеком.
Ветеран СВО,
сеял горе, смерть, увечья.
Почему это существо
говорит по-человечьи?

* * *

Минута тишины — чтобы спасатели
услышали голоса из-под завалов.
Минута молчания — чтобы спасённые
услышали голоса замолчавших.

Татьяна ШЕРЕМЕТЕВА РИЖСКИЙ БАЛЬЗАМ

ГЛАВА ИЗ НОВОГО РОМАНА

«Рижский бальзам» — роман о людях, живших в стране, которой больше нет. Произведение представляет собой историко-психологическую драму, охватывающую масштабный временной отрезок — с 1910-х годов до 1982 года.

Москва и Рига стали двумя реперными точками, между которыми разворачивается действие романа.

Представленный фрагмент является завязкой повествования: это первая встреча героев, чьи судьбы впоследствии окажутся прочно переплетены.

«Рижский бальзам» — это человеческие судьбы. Кто-то ломался. Кто-то погибал. Кто-то выживал. Но счастлив никто из них не был. Роман состоит из отдельных, связанных между собой историй. Он требует внимательности и читательского сотворчества. И тогда становится ясно, почему самые разные сюжетные линии сходятся в единую точку. Некоторые истории остаются открытыми. Дальше — всё зависит от фантазии читателя.

Книга подготовлена к печати и издана бостонским издательством M•GRAPHICS совместно с издательством Bagriy & Company, Chicago, IL

Ольга, наголо остриженная после тифа, в туго повязанном платочке, приходила навещать брата Алёшу, соседа Яниса по палате.

Вот Алексей — это да: кадровый офицер, окончил Юнкерское училище, и ранение у него боевое, а не нелепый удар лопатой...

На вопросы Ольги, как ему было там, признался: на фронте ему было плохо. А Алексей снова и снова расспрашивал про газовую атаку и про то, что чувствовал он, заживо похороненный в окопе.

Ольга больше молчала, пристально вглядываясь в его лицо.

— А седина у вас откуда? После той атаки?

— Нет, Оленька, вы ошибаетесь. Ну никакой из меня герой! Это у меня наследственное—по мужской линии передаётся. И к моему военному опыту отношения не имеет. Вы разочарованы?

Алексей Синеоков—высокий, сероглазый—всегда в центре внимания сестёр милосердия. Уже на третий день он знал всех по имени и каждую перевязку, даже бледнея от боли, завершал весёлым: «Позвольте вашу ручку, мадемуазель! Премного благодарны!»

Ранение тяжёлое—лежать долго. Сёстры шептались, поглядывая на него, и, нарушая очерёдность, приходили лишний раз оправить кровать или промокнуть ему лоб.

Да и Янис благословлял судьбу за такое соседство.

Договорились не касаться войны. И говорили о ней каждый день. Но никогда Алексей не узнает про выстрелы поверх голов... Признайся Янис в этом—дружба закончилась бы навсегда. Спорили полужёпотом—на всякий случай.

— Алёша, хоть убей, не пойму я, что за «национальные интересы»? В чём смысл этой бойни? Представь французского крестьянина или немца-рабочего. Зачем им война? Да и у вас в России... Помню призыв в Латвии: сутки в товарняке—и ты в окопе. И хорошо, если живым. А Гейдельберг? Это же вторая родина... Мои профессора сейчас в окопах. И приятель мой Клаус—тоже там. По ту сторону...

Алексей после этих слов мрачнел и чаще отмалчивался. Но иногда, с трудом подбирая слова, отвечал.

— Эх... не нашего ума это дело. Моя жизнь с войной повенчана, с защитой отечества, уж прости за высокий штиль. Приказали идти—иду. Давай не будем об этом. С одной стороны—твоя правда. С другой—мой долг. Прости, дружище.

Но здесь, в этом цветнике, у нас есть темы поважнее! А вот и Настюша пришла. А у меня как раз подушка сбилась. Да и лоб требует очередного компресса. А главное, вашей ручки, дорогая!

Оленька была намного моложе брата—небольшого роста, по-крестьянски плотная, домовитая и молчаливая. Пришла ли она или ушла, никто не замечал. Изучала она на Бестужевских курсах римское право и ещё до войны начала учить немецкий язык.

Римское право Яниса смущало как *tabula rasa*, а вот немецкий язык порадовал. Так что появилась возможность шёпотом, отойдя в сто-

ронку, чтобы никто не заподозрил в них немецких шпионов, говорить «на языке Шиллера и Гёте».

На Пасху Ольга привела подругу—поздравлять раненых с Великим праздником Воскресения Господня.

— Христос воскрес, господа!

— Нет, нет, дорогая барышня, сначала ко мне! Я—тяжёлый. Могу не дожить!

София повернулась к Алексею.

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес! Мы с вами обязаны троекратным русским поцелуем похристосоваться!

— Я не русская...

— Вы цыганка. Вас похитили разбойники и вырастили у себя. А сегодня за маленькие разбойничьи подвиги вам разрешили навестить раненых в нашем лазарете. Чтoб нам всем теперь плохо спалось. А про аппетит я даже не говорю!

— Алёша, прекрати свои шуточки. Софи, не обращай внимания, он у нас такой озорник! Господа, разрешите вам представить мою подругу. Знакомьтесь: княжна София Геловани, гордость наших Бестужевских курсов.

Возникла пауза. Взгляды раненых сошлись на тёмноволосой девушке с розовой корзиночкой в руке. София улыбалась, прикладывая узкую ладонь к пылающей щеке.

Поручик Слобода, придерживая края рубахи на горле, басом прогулдел: «Ох і маківка! Оце так радість очам...»

Зарецкий, единственный из всех ходячий, уже стоял во фрунт. Он успел накинуть на плечи китель и теперь щеголял выправкой, будто принимал парад.

— «Княжна, окажите честь старику... не обойдите вниманием!»—Капитан Поспелов протянул руки перед собой. Он улыбался. Верхняя часть его лица была забинтована.

— Следующая мазурка—за мной! Запишите, пожалуйста, в свою книжечку: поручик Катаев, собственной персоной. Вот поправляюсь и обязательно приглашу вас на танец в Дворянском собрании. По рукам?

София каждому кивала в ответ. К Пospelову она подошла прежде других. Наклонившись, трижды поцеловала его в забинтованный лоб и вложила в его руку пасхальное яйцо из корзиночки.

В палате стоял густой лазаретный запах йода и мужских тел. Янис к нему уже притерпелся и научился не замечать, но сейчас вдруг почувствовал. Алексей по-детски натянул одеяло до подбородка. Он замолчал. И Янис опасался, что уже навсегда.

— Христос воскресе, Алексей Матвеевич!

— Воистину воскресе, княжна!

Они поцеловались. София покачнулась и, теряя равновесие, оперлась о плечо Алексея. Сестра милосердия охнула: ладонь Софии легла на свежий шов.

— Простите, ради Бога! Вам больно?

— Вовсе нет, княжна! Благодарю вас...

— За что?

— За то, что вы пришли. Откуда вы знаете моё отчество?

— Ваша сестра—моя подруга. И если она Матвеевна, догадаться несложно... Я и фамилию вашу знаю!

На Алексея было больно смотреть.

Княжна обошла всех шестерых. И каждому, вручая пасхальное яйцо, сказала что-то ласковое.

Зарецкий уже поприветствовал дам стоя. Но теперь он снова молодцевато щёлкнул шпорами, с превосходством посмотрев на тех, кто лежал. А после ритуального троекратного поцелуя ещё и «приложился к ручке». Княжна тихо рассмеялась, с удовольствием простив ему эту вольность.

Последним был Янис. Ах, как давно он не целовался с девушками— хотя бы так, на Пасху. Да и целовался ли?

— Княжна София, я лютеранин, наша Пасха уже прошла.

— Мы всё равно с вами похристосуемся. Господь един. Как вас зовут?

— Янис... Ян!

Может быть, так пахнут волосы девушки, а может, —неведомые ему цветы в Грузии. Или это аромат горного ручья, бегущего по камням... Шелест шёлка, шёлк щеки... Голова кружилась.

Было ещё много поздравлений, подарков, поцелуев и стука женских каблучков. К вечеру все утомонились. Впереди — праздничное чаепитие с подаренными куличами и творожной пасхой.

Уже зазвенели ложечки в стаканах, и на тумбочках появились тарелки и салфетки. Запахло ванилью и свежесваренным чаем. Янис чему-то улыбался. Алексей молчал.

На следующий вечер он заговорил:

— Почему она не приходит? Она же обещала...

— Кто, Алёша?

Пауза. На выдохе:

— Ольга...

— Но она приходила! Кажется, тебя больше интересует другая девушка?

— Ян, пожалуйста, оставь этот ёрнический тон! И никогда больше не говори со мной подобным образом!

Хорошо. Не буду. Если господин штабс-капитан шуток не понимает... Вероятно, там всё серьёзно: «Я на левую руку надела перчатку с правой руки...» Что-то в этом роде.

Ну что же, София пообещала вернуться. Сказала об этом мне, но он слышал. Потому, наверное, и молчит, бедный.

Хотелось подразнить Алексея: не всё же ему быть любимцем женщин. Пока Янису мешал русский язык — ещё не все светские шуточки он понимал. А вот крепкие русские выражения — с первого дня службы в армии. Но раненый зверь опасен, тем более когда рана глубокая. За лёгким, весёлым обхождением Алексея проступал крутой нрав.

«Я из мужиков», — любил он говорить про себя, хотя был уже дворянин. Янис знал, что его отец выбился из нищеты и разбогател на льне. Отсюда и Юнкерское училище, и Бестужевские курсы.

Объяснять Ольге ничего не пришлось.

— Конечно, Янис, Софи придёт. Не знаю только — к вам или к брату...

— Оленька, не шутите так! Я уже пошутил — больше не хочется.

— Да... вот и довелось мне увидеть, как наш Алёшка влюбился! Вот бы в меня кто так... А вам, Янис, придётся спать притвориться, если что.

— Я ширмой отгорожусь, и сёстры скажут, что меня нельзя беспокоить.

— А она заглянет за ширму!

— А я закрою глаза.

— А она вас поцелует!

— А я... а я...

— Если она вас не поцелует, это могу сделать я. Вы не против?

— Помилуйте, Оленька! Буду счастлив!

Ольга приходила каждый вечер, а Софии всё не было. Алексей, в основном, молчал, но при любом стуке в дверь резко отрывал голову от подушки. Потом, морщась от боли, отворачивался к стене.

— Алёша, она придёт! Не переживай ты так, пожалуйста!

— Ты ничего не понимаешь. Ничего! Рядом с ней, я не то что лежать, я стоять не смею! Она княжна. А я мужик сиволапый.

— Ты герой войны, у тебя «Георгий»! И уже штабс-капитан!

— Всё не то ты говоришь. Она в Петербурге родилась, на балах танцевала. А я—в Вязниках¹ рос. Она стихи наизусть читает, Гайдна слушает, а я—команды на плацу. И матерщину в казармах. Господи, зачем я встретил этого ангела? Ты, часом, не влюблён в неё? Ян, скажи лучше сразу. Я тебя убью, если что. Понятно?

— Понятно... Я чаем из-за тебя поперхнулся. Не смей меня, пожалуйста!

— Оля, как наш план? Будем спасать нашего тяжелораненого?

— Придёт. В воскресенье после поздней обедни.

— Ну всё, готовлю ширму.

— Янис, вы так самоуверенны! А вдруг она к Алексею придёт?

— Ну что же... это прекрасно... Значит, нашей дружбе ничего не угрожает...

— Так вы не влюблены в неё? Хотите, принесу вам сельтерской? Или клюквенный морс? Сестра Елена уже предлагает его в третьей палате... Он чудесный!

Через пару недель Алексей оттаял: София стала частым гостем в их палате. Теперь его больше всего интересовал собственный вид: выбритые щёки, мужской одеколон, свежие рубашки. И обязательно томик Ахматовой на тумбочке. Он уже знал, что София слушает её, в «Собаке»²

¹ Вязники — уездный город Владимирской губернии, крупнейший центр льняной промышленности в России того времени.

² Кафе «Бродячая Собака» — артистическое кафе-кабаре в Петербурге (1911–1915). Главное место встреч поэтов, художников и актёров Серебряного века. Находилось в подвале дома Дашковых на Михайловской площади.

и знает «Чётки»³ наизусть. Его *Георгий* был приколот к кителю. Кителю висел на спинке кровати. Она не могла не заметить.

— Прости меня, дружище... Я был неправ.

*Прав. Ещё как прав... Но ты об этом никогда не узнаешь...
Жертвовать больно. Но иногда боль дороже победы...*

Они приходили вдвоём. София подходила к Янису, здоровалась, слегка касаясь его ладони. Потом присаживалась у койки Алексея. А Ольга садилась рядом с Янисом. Алексей, заметно поглупевший от счастья, шептался с Софией и пытался читать ей наизусть Ахматову. Янис с Ольгой обсуждали немецких романтиков, императив Канта и наперебой восхищались замком Нойшванштайн в Баварии.

— А орган в Домском соборе вы слушали?

— Конечно. У нас в Риге много таких мест, церковь Святого Петра, например. И Реформатская церковь.

— А Баха там играют?

— Обязательно. А что у вас любимое из Баха?

— Любимое-любимое?

— Пусть будет так...

— «Страсти по Матфею».

— Скрипка или орган?

— Они разные. Но говорят об одном.

— О чём же, Оленька?

— О любви... О божественной любви.

— Но там и предательство, и суд, и Голгофа...

— Всё равно о любви. От него отрекаются, его предают. А он любит...

Янис улыбнулся.

— Ну вот, уже и губки дрожат... Что так?

Молчание. Сдвинутые брови. Сплетённые у подбородка пальцы.

— Я часто думаю об этом. Бах—это Бог. А Бог—это любовь. Бах пишет музыку о божественной любви, но сам отходит в тень: «Музыка была создана Богом для славы имени Его и успокоения человеческой души». Это его слова.

³ «Чётки» (1914) — знаменитый сборник стихов Анны Ахматовой.

Марк ВЕЙЦМАН
МЫ ИДЁМ ПО САМАРИИ

* * *

Ищу иглу сосновую
В хорошем состоянии,
А также хвост кометы
Умеренной длины
И ум, и обаяние,
И звёздное сияние,
И живопись-ваяние
Приемлемой цены.

И в том, что вы усилились
И банк открыть намылились,
Хотя Татьяна Ларина
Другому отдана,
И видимость приличная,
И слышимость отличная, —
Моя заслуга личная,
Как, впрочем, и вина.

И если вам покажется,
Что свистнуть рак отважится,
А рыба, с виду тихая,
Запеть почтёт за честь,
И скажут вам при этом,
Что я замешан в этом,
Не стану отпираться —
Ведь так оно и есть.

* * *

Привычку к труду воловьёю
И то, что зовут судьбою,
И то, что зовут любовью,
Навек заберу с собою,
Оставив для вас, живущих,
И тех, кто от вас родится,
Лишь несколько строк, могущих
Кому-нибудь пригодиться.

* * *

Мы идём по Самарии,
Пожилые пацаны,
Нас кусают комары и
Напрягают кабаны.

Звёзды шустрые над нами
Кружат ангелам под стать.
Впечатлительные дамы
Нас мечтают обратять.

Мы по Негеву шагаем,
Провоцируя спецназ,
Потому что уругвай
Не рассчитаны на нас.

Мяч гоняем в Ашкелоне
(расстановка «дубль-ве»),
Гастролируем в Холоне,
А ночуем в Араве,

И под строгим наблюденьем
Вездесущего Творца
Семеним по Иудее,
Устремлённой в небеса.

СТАРЫЙ КЛЁН

Качаясь за окном,
Приваживал шмелей,
А песенка о нём
Лилась из всех щелей,

На каменный балкон
Расшвыривал пыльцу,
Понятие «влюблён»
Навязывал юнцу.

И повар-грамотей
Голодных не срамил,
И «лучший друг детей»
Безродных не громил,

Двуногие козлы
Не зарились на Крым,
А лидер «Хезболлы»
Порхал, как херувим.

Какой опасный крен!
А что же наш юнец?
Его путана N
Сманила под венец.

Нестойное «ура»...
Десантники в тылу...
Ох, кажется, пора
Включать бензопилу!

* * *

Как бабочка-лимонница
Над чашечкой цветка,
Настырная бессонница
Толчётся у виска,

И вот в воображении
Является муфлон,
Что в первом приближении
Не так уж и силён,

Беспечная уйгурочка
Сырую репку ест,
А меченая курочка
Взлетает на насест.

Зайчиха-беззаконница
Обглаживает ствол,
Вибрирует оконница,
Поскрипывает пол.

С пригорка фура катится,
Гружёная мукой,
Рудольф Ольшевский с катера
Сигает вниз башкой,

И горечь от утраченной
Возможности уснуть
Смягчает пар из прачечной
Концерта «Млечный путь».

* * *

О, куда вы девались, мои комсомольские годы?
Вспоминают ли павшие с честью в чертогах Вальхаллы,
Как советские граждане ездили в Крым и на воды,
А партийные дамы носили громоздкие «халы»?

Как отважно и нежно кенты бриолинили «коки»
И, рискуя здоровьем, вправляли конечности в брюки,
Между тем как друзья, коллективно браня за пороки,
Подстилали соломку, их, грешных беря на поруки.

И в открытые двери ломились советские Споки,
И амурчики-суки азартно хватались за луки,
И в конических колбах томились фруктовые соки,
Как строннники мира иль жертвы ОВИРа, — от скуки...

О, куда вы, куда, мои юные годы, девались,
Непрерывно когда цитадели без боя сдавались,
Но лишь сельских чувих провожал мой дружок Воротынцев,
И никто из живых не встречал никаких палестинцев!

Хорошо тет-а-тет с мелководной библейской рекою
Ощутить, что кастет породнился с твоею рукою
И, на спину давя, своего в ожидании часа
Вдохновляет тебя благородная тяжесть фугаса!

* * *

Не ведал Рома Разуваев,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью — убивают.
Нахлынут горлом — и убьют.

Он знался с музой Пастернака,
Но так как не был с ней на ты,
То, не испытывая страха,
Марал бумажные листы.

И вот лежит на сцене клуба
В гробу, обитом кумачом,
И плачет кровельщица Люба,
Хотя она-то здесь при чём?

И я в пытливых малолеток
Отныне втюхивать готов
Не мёд лирических конфеток,
Но яд трагических хитов.

* * *

Провалиться бы вам, леваку-стервецу,
Дерьмократу-кастрату, имаму,
Превратившим Европу в плевательницу,
А Америку — в сточную яму.

В города, что, как майские розы, цвели,
Нелегалов втащив караваны,
Вы одни превратили в Мали-Сомали,
А другие — в Суданы-Ботсваны.

Пестротканную тряпку напялив на лоб,
С вековыми устоями споря,
Неприкаянный жлоб домогается, чтоб
Кровь лилась от речушки до моря.

Утопиться б вам, сукам, разбиться, сгореть,
Захлебнуться своею слюною
Иль чтоб сделалось с вами хотя бы на треть
То, что мните вы сделать со мною!

Сергей КАЗИМИР, Вахур ЛАЙАПЕА ТАК БЫЛО

691 ДЕНЬ УКРАИНСКОГО ОФИЦЕРА В РОССИЙСКИХ ТЮРЬМАХ

Перевод с украинского на русский Тетяны Лач

ЛЮБОВНОЕ ПИСЬМО ИЗ РОССИЙСКОЙ ТЮРЬМЫ

Здравствуйте, мои дорогие!

Я жив и здоров, цел и невредим. Вот уже третий месяц я в плену на территории Российской Федерации.

Отношение к нам хорошее, питание хорошее, неголодно.

Главное — не волнуйся и успокой родителей. Я надеюсь, у вас всё хорошо, вы все живы и здоровы, дети рядом с тобой.

Передай детям, что я надеюсь на них, что они оказывают тебе помощь во всём. Я люблю вас, помните об этом.

Надеюсь, что руководство наших стран договорится, и мы сможем увидеться.

Ещё раз хочу вас успокоить, я цел, здоров. Главное — это вы, ваши жизни и здоровье.

Помните, я вас люблю.

*Имя отправителя: Сергей Казимир
2.06.2022*

Адрес получателя

печать: проверено 02.06.2022

В этом письме мало правды. Верно лишь имя отправителя, дата написания письма и тот факт, что автор находится в тюрьме на территории Российской Федерации. Верно то, что автор не должен писать правду. Правда заключается в том, что отправитель очень любит свою жену, своих детей, своих родителей. Это любовное письмо.

Автор письма — командир разведывательного подразделения украинской армии, офицер Сергей Казимир. День написания письма — **сороковой** день его заключения. Большую часть этого времени он находился в СИЗО №9 в городе Борисоглебске Воронежской области. Что такое СИЗО? Сокращённо от *Следственный изолятор* — изолятор предварительного следствия. В реальности — переполненная тюрьма, где людей пытаются и морят голодом.

11 марта 2022 года Сергей с шестью боевыми товарищами отправился на разведку в Угледарский район Донецкой области. Они попали в засаду русских и были захвачены в плен. 13 марта жена Тамара получила от Сергея текстовое сообщение с неизвестного номера. В нём говорилось о том, что он попал в плен. SMS было отправлено с телефона, который одному из задержанных удалось спрятать и некоторое время носить с собой.

Сын Сергея, Иван, является действующим офицером с 2019 года. В начале войны отец присоединился к сыну в Отдельном разведывательном батальоне, чтобы быть если не рядом, то хотя бы в одном районе. Чтобы знать и чувствовать: сын рядом, отец рядом.

Одно текстовое сообщение от 13 марта и одно письмо от Сергея, которое Тамара получила через два месяца после написания. Тамара неустанно работала над тем, чтобы установить местонахождение мужа. Она работала через Telegram-каналы российских блогеров. Собирала информацию о тюрьме. СИЗО №9 в городе Борисоглебске Воронежской области. В Воронеже живёт Настя, бабушка Тамары, которой почти девяносто лет. Тамара позвонила бабушке и другим родственникам. Вы можете съездить к Сергею? Передать посылку? Страх парализовал этих людей. Нет, они ничего не могут сделать. Пожалуйста, не звоните больше, сказала Тамаре её бабушка.

Тамара не сказала родителям мужа в Одессе, что Сергей находится в тюрьме. Она сказала им, что их сын находится на очень особой и секретной должности и не имеет права много общаться с внешним миром. Родители поверили или сделали вид, что поверили.

В апреле 2022 года два бойца из группы Сергея были обменяны на российских военнопленных. Двое из шести. 6 декабря 2022 года был произведён обмен полковника Олега, который содержался в одной камере с Сергеем в Борисоглебском СИЗО. 31 декабря был обменян молодой офицер Богдан — из той же камеры. Тамара встретилась с ними обоими.

«*Отношение к нам хорошее, еда хорошая, я не голодаю*», — написал Сергей в единственном письме, которое получила Тамара. «Нам давали по миске жидкости, похожей на суп, — рассказывают Тамаре Олег и Богдан.

И маленький кусочек хлеба. В камере ведётся видеонаблюдение. Днём не разрешалось ни сидеть, ни лежать, если мы это делали, приходили охранники и били нас. Медицинская помощь? Богдан попал в тюрьму с осколочными ранениями в ногу и руку. Его не лечили, рана загнивала. Молодой организм держался чудом. А как держался Сергей? Он поддерживал нас всех, рассказывал о книгах, о фильмах, общался с сокамерниками». «Да, Сергей очень сильный, — сказала Тамара. Я верю, что он выдержит».

8 марта 2023 года российский омбудсмен опубликовал список заключённых, которых украинское правительство якобы не хочет обменивать на российских пленных. Конечно же, это была ложь. Ложь, которая причинила огромному количеству людей сильную боль. В том числе и Тамаре. По её словам, заключённые живут в полном информационном вакууме. Они ничего не знают о том, как держится Украина. Им лгут, что Украина уже почти сдалась. Несколько дней назад Тамара увидела в социальных сетях видео, на котором российские солдаты отрезают ножом голову украинцу. Это привело её в ужас. Несколько лет назад, когда к власти в Афганистане пришли талибы, Сергей работал в международной охранной фирме в Кабуле. Талибы некоторое время держали его в плену, прежде чем позволили вернуться домой.

Приведённый выше текст основан на телефонном интервью, которое Вахур Лайапеа провёл в Украине в апреле 2023 года с женой Сергея Казимира Тамарой.

ВАХУР ЛАЙАПЕА — эстонский режиссёр-документалист и писатель, чья работа порой приводила его в экстремальные ситуации. 18 апреля 2017 года он был похищен в Афганистане боевиками Талибана. Поздно вечером того же дня он стоял на краю уже вырытой могилы, ожидая, что автоматная очередь пройдёт его насквозь. Этого, к счастью, не произошло...

Лайапеа неоднократно посещал Украину во время продолжающейся войны. Он создал документальный фильм и книгу о Сергее Казимире, украинском офицере, который вернулся домой в январе 2024 года в результате обмена пленными после почти двухлетнего пребывания в плену в России.

Вот что рассказал эстонский режиссёр и писатель:

|| ...Я встретил Сергея 1 мая 2024 года в больнице Киева, куда он пришёл на обследование после операции на колене. До этого здоровье

не позволило ему начать работу над документальным фильмом, который он согласился снять вместе со мной. В течение следующей недели я брал у него интервью в Днепре. Мы работали по несколько часов каждый день.

В основу этой книги легли одиннадцать часов видеозаписей, в которых Сергей Казимир рассказывает о том, что происходило с ним и его товарищами в российских СИЗО, когда он находился в заключении. Это свидетельство, которое мы хотим донести до очень большого числа людей во всём мире.

Текст книги лингвистически не всегда совпадает с тем, что Сергей говорил в интервью. Я упорядочил материал, уплотнил, выделил самое важное. Изменения не касаются описания событий из жизни Сергея, их содержания, фактажа. Описание ужасов, которые происходили на самом деле, не нуждается в крыльях фантазии и дополнительных красках.

* * *

Каждый раз, когда вы думаете об этом, вы задаётесь вопросом, как можно было всё это выдержать. Как можно было не сойти с ума, не сдаться, выстоять. Это долгая история, это поучительная история о том, как одна нация пытается доказать другой, что её не существует, что она не имеет права на существование. Нация, которая пытается переписать всю историю и уничтожить всё, что вам дорого. Не просто уничтожить, а заставить собственными руками разрушить то, что вам дорого. Я свидетель того, как всё это происходит. Как нам доказывают, что мы не только предатели, но и люди, не имеющие права на самостоятельную жизнь, что нас спасают без нашего желания и указывают как правильно жить. Они не только пытаются заставить вас поверить и сделать это, но и хотят, чтобы вы потом сделали это со своими согражданами, заставили их жить по другому сценарию. Вот почему я думаю, что это будет долгая история, и она займёт очень много времени.

Сергей Казимир, Днепр, май 2024 года

НАЧАЛО ВОЙНЫ. ПЛЕН

Для меня война началась рано утром 24 февраля 2022 года. Жена разбудила меня и сказала: Сергей, началось... Мы позвонили сыну, связь была ещё хорошая, и он подтвердил. Да, это началось. Мы слышали взрывы в Днепре. Были прилёты баллистических ракет по соседнему посёлку, который также был военным. Никаких лишних мыслей не было. Я встал, выпил чашку кофе, выкурил сигарету, оделся и поехал в местный военный комиссариат.

Там меня ждал сюрприз. Приехал я туда в восемь часов, раньше ехать не было смысла. Они уже работали. Я был удивлён, когда увидел, что перед комиссариатом стоит всего около двадцати человек. В тот момент мне стало стыдно, что так мало людей. Такое несчастье постигло нас, а людей нет. Я вошёл в военный комиссариат, представился, меня попросили подождать несколько минут и выдали документы для прохождения медицинской комиссии. Прошло два-три часа, пока я всё оформил. И мне сказали вернуться в восемь часов утра 25 февраля. Я уже знал, куда еду, в какую часть. Мне сказали, что в восемь часов будет ждать специальная машина, которая отвезёт нас в разные части.

Когда вышел из комиссариата, я поразился увиденным. Перед зданием комиссариата стояло много людей. Около трёхсот человек было в очереди. Я даже не мог выйти из комиссариата, пришлось проталкиваться... Я был рад. То, что люди пришли сразу, что-то значило. Конечно, я понимал, что у каждого были свои дела, прежде чем идти в комиссариат. С кем-то поговорить, встретиться. Я был рад за своих людей, за свой народ. Я встретил многих своих знакомых. Некоторые из них были людьми, с которыми мы когда-то служили. Они уже стояли в очереди, ждали, чтобы попасть внутрь, пройти проверку, получить документы, назначения.

Потом я смотрел по телевизору, что действительно, практически все военные комиссариаты были полны людьми, уходящими на фронт. Это придавало мне уверенности, я гордился тем, что иду воевать рядом с такими людьми. У меня было хорошее предчувствие. Я знал, что наша страна не будет уничтожена. И что мы победим. Мы сделаем это. Да, это не будет быстро, это займёт время, и только Бог знает, когда закончится война. Но одно я знаю точно: как бы ни обстояли дела сейчас, моя страна выстоит. Здесь ещё достаточно достойных людей, мужчин и женщин.

* * *

Когда я прибыл в свою часть, меня назначили командиром разведгруппы, и я приступил к своим обязанностям. Наша часть располага-

лась в населённом пункте на границе Днепропетровской и Донецкой областей. Там я представился, людей поставили под моё командование. И мы приступили к выполнению своих задач. Времени не было, мы просто знакомились. Кто-то из них в то время уже служил в армии, кто-то, как и я, пришёл по мобилизации. В первую же ночь мы вышли на задание: разведка населённого пункта в окрестностях. Там мы выполнили своё первое задание.

На следующий день мы получили новое задание. И так каждый день. Именно там я получил первый опыт того, как воюют солдаты Российской Федерации, как они устраивают огневые позиции между жилыми домами. Они обстреливают наши позиции, но мы не можем им ответить. Я беру координаты, передаю их, но мне говорят, что мы не можем стрелять по своим людям. Я вижу, что могу направить туда огонь, но мы не можем стрелять по своим людям. Мы знали, что жители всё ещё находятся в этих домах. Русские хорошо знали об этом, они знали нашу политику, что мы не собирались подвергать опасности местное население. Позже, когда наши войска взяли посёлок в осаду, местное население вовремя ушло. Я ездил в посёлок и видел его. Я передал информацию — фото и видео.

Я видел сгоревшую технику. Я видел те же огневые позиции, пустые гильзы от артиллерийских снарядов. Я останавливался в местах, где были убиты мирные люди, жившие в этих домах. Это было ужасное зрелище. Далее я провёл разведку в другом населённом пункте. Там тоже были позиции, оставленные российскими войсками. Недалеко от этих позиций мы нашли автомобиль ВАЗ-2106, в котором была расстреляна семья. Они, видимо, пытались эвакуироваться и ехали в сторону этих позиций. Машина была изрешечена пулями. В ней находились дети, отец, мать, водитель. Все они были убиты. Это было ужасное зрелище.

* * *

Я зафиксировал преступление. Передал информацию местной полиции, которая стояла за нами. Потом пошёл дальше. Я не мог остановиться. Я снимал всё на видео, делал фотографии, передавал всё это своему командованию — и продолжал свою работу. Стоять на месте было некогда, нужно было преследовать врага, чтобы выяснить его планы. Мы точно определили их местоположение, нашли позиции, передали координаты. Затем нас перенаправили на новое задание и перебросили в другое место.

Утром 11 марта 2022 года я получил задание провести разведку между населёнными пунктами. Я отправился на выполнение этого задания. По

неудачному стечению обстоятельств русскому подразделению удалось вклиниться между нашими частями, занимавшими позиции в этом районе. Мы немного опоздали с отходом и попали в засаду, устроенную подразделением морской пехоты Российской Федерации. Выхода из этой ситуации не было. Мы просто ехали прямо в засаду этих подразделений. Как тот зелёный ВАЗ с расстрелянной семьёй. И в результате таких совпадений мы попали в плен.

* * *

Мы ехали на своей машине, а перед нами из засады выскочил БТР-82А. С двух сторон нас окружали войска Российской Федерации. Мы увидели их огневые позиции только тогда, когда подъехали ближе. Мы были окружены. Они были слева и справа от нас. В нашу сторону был направлен тридцатимиллиметровый ствол БТР-82А. Я взвесил наши возможности и понял, что у нас нет шанса вырваться из этой ситуации. После недолгих переговоров мы сдались, сложили оружие. Так мы попали в плен. Могу сказать, что в тот момент с нами обращались достойно. Не было никаких избиений, нас просто арестовали и отправили в неизвестный населённый пункт. Там нас три дня держали в подвале частного дома. Вечером третьего дня нас отвезли в Мелитополь. Это районный центр Запорожской области, который к тому времени захватили оккупанты.

* * *

Короткие переговоры, как они проходили. Я понимал ситуацию. Я понимал, что нужно что-то делать. Я вышел из машины. И пошёл прямо к БТРу. Остановился возле него. Из БТРа вышел командир подразделения. Он приказал нам сдать оружие и выстроиться перед машиной. Учитывая ситуацию, переговоров как таковых не было. Нам был поставлен ультиматум. Однако позже я обдумывал различные варианты, задаваясь вопросом, были ли они? Да. Были. Если бы я знал в то время, через что мне придётся пройти, я бы, наверное, не сдался в тот момент. Но эти мысли пришли позже. Были моменты, когда я должен был принять правильное решение и учесть тот факт, что я никак не мог вытащить оттуда своих людей.

* * *

Ультиматум. Нам сказали: у вас есть два варианта. Первый — вы сдаётесь и складываете оружие. Второй — мы вас расстреляем. Ну, конечно, я его понимаю: он такой же командир, как и я, который тоже не хочет рисковать жизнями своих подчинённых, если нас захватят в ближнем

бою. В его ситуации я бы выдвинул такой же ультиматум. В тот момент это было правильное решение. По крайней мере, с его точки зрения как командира. Дать возможность сложить оружие и сдаться — или убить нас. Я бы поступил точно так же, если бы сам оказался на этом месте раньше него.

Вместе со мной нас было шестеро. Трое из нас уже вернулись из заключения в разное время во время обмена. Без их разрешения их имена не могут быть названы в данный момент. Я — один из этих троих. Двое других уже давно продолжают воевать здесь, в Украине. Трое моих товарищей всё ещё находятся в тюрьме. Я знаю, что мне предстоит большая работа. Я встретился со всеми членами их семей. Очень трудно чувствовать груз ответственности перед людьми, которых ты не смог вернуть домой. Они живы, но это очень тяжёлое бремя для меня. Пока они не вернутся живыми, я не могу успокоиться. Я должен вернуть своих людей. Я ещё не знаю, как это сделаю, насколько это правильно, но я стараюсь. Я приложу все усилия, чтобы они вернулись домой живыми к своим семьям.

Один из них, который до сих пор находится в тюрьме, был со мной в Борисоглебске, в ИК-9. По последним данным он находился там на момент моего освобождения в январе 2024 года. О двух других у меня нет никакой информации. Знаю только, что они находятся на территории Российской Федерации. Один из них немного старше моего сына — около двадцати пяти лет. Другому чуть меньше сорока. Они сидят в тюрьме уже третий год. Пока мне очень тяжело. Каждый день мне кажется, что я где-то ошибся, что-то упустил из виду. Это бремя всё ещё лежит на мне. Оно не даёт мне покоя. Оно постоянно не даёт мне покоя. Очевидно, где-то я допустил просчёт. Единственная радость — это то, что они живы.

* * *

Если бы мне предложили выбор: освободить меня или кого-то из моих товарищей по плену? Без всякого пафоса, без всякого героизма я бы отпустил своего боевого товарища. Я бы оставался там столько, сколько потребуется, если бы это помогло освободить моих товарищей. Да, все знают, что они живы, но смотреть в глаза их жёнам, детям, родителям и говорить: я здесь, а они там... Это очень тяжело для меня. Это тревожит мою душу. Я понимаю, что альтернативы не было, это война, люди гибнут, попадают в плен, получают ранения, становятся инвалидами. Но всё же. Я был их командиром, и это моё бремя. Не моя вина, но тяжёлое бремя. Где-то я что-то упустил. Я знал, что потери неизбежны, что они будут, и что роль офицера — руководить, отдавать при-

казы и часто посылать людей на задания, где они могут быть убиты. Ты должен сам участвовать в таких заданиях. Быть примером для подражания. Это бремя, которое несёт каждый офицер, — ответственность за то, чтобы отправлять людей на задание, зная, что они могут погибнуть. Это трудно. Но кто-то должен это делать. Это работа. Работа по защите своей страны.

* * *

Я знал, что они переживают то же, что и я. Один из них был со мной в тот момент, когда меня везли в Борисоглебск. Он был со мной и в Таганроге. Но нас содержали в разных камерах. И я слышал его голос. Знать, что над моим подчинённым, военным разведчиком, так издеваются, мне было очень тяжело. Нас, шпионов, тщательно пытали. Иногда даже больше, чем других.

Я слышал крики. Стоны. Знал, где находится его камера. Я слышал его голос. Я знал, когда заключённых в его камере отводят на избивание, обыск, прогулку. Среди этих голосов я услышал и его. Он сильный парень, всегда держался. Было стечение обстоятельств, когда началось перемещение заключённых в камеры. Последний раз с нами так делали 27 марта 2023 года. Я оказался с ним в одной камере. Там мы познакомились. Я видел, что он держался, был мужественным. К сожалению, я пока не могу назвать его имя, но он храбрый. Он держался, не сломался во время допросов. Он знал, что мой сын был действующим офицером на тот момент. Его расспрашивали обо мне, о моей семье. Я очень благодарен ему за то, что он об этом не рассказал. Это останется со мной навсегда. Брат. Я знаю, что если бы они узнали, что мой сын — действующий офицер, то попытались бы каким-то образом надавить на него через меня. Есть разные методы. Я знаю этих людей и убеждён, что они не упустили бы ни одного возможного способа. То, что я жив, и то, что мой сын смог мирно воевать, — это, в том числе, благодаря ему. Он и сейчас там, в Борисоглебской ИК-9.

* * *

Когда мы попали в плен, и нас привезли в неизвестный мне населённый пункт, в котором нас сначала удерживали, туда же привезли и других пленных украинских солдат. Благодаря какому-то удивительному стечению обстоятельств у одного из них сохранился телефон. Когда нас перевезли оттуда в Мелитополь, я смог воспользоваться его телефоном, чтобы отправить сообщение своей жене и сообщить батальону, что наша группа уцелела, но мы попали в плен. Таким образом я также дал

им понять, чтобы они не верили той информации, которую меня могут заставить передавать. Конечно, чтоб после этого они приняли меры для передислокации батальона. Меня немного порадовало, что я смог передать эту информацию.

Я смог написать очень короткое сообщение своей жене: группа в плену, мы целы. Я попросил её передать эту информацию нашему сыну, Ивану. Иван знает, как действовать в такой ситуации. И он так и сделал.

Бойцы моего батальона пытались по этому СМС засечь наши позиции. Им это удалось. Но они были далеко. У них даже был план захватить место, где нас удерживали, пойти на разведку боем. Но в какой-то степени я рад, что они этого не сделали. Одно из подразделений батальона даже готовилось к этому, но возможности больше не было. В тот момент, когда они планировали это сделать, нас уже не было в той точке, мы были передислоцированы.

МЕЛИТОПОЛЬ

После прибытия в Мелитополь нас «любезно» встретила военная полиция Российской Федерации. Нас выкинули из машины. Нас били, сильно били. Профессионально. Именно там я впервые ощутил сломанные рёбра. Два ребра с левой стороны были сломаны. Допросы проводились. Но это были такие поверхностные допросы, где они пытались найти любые зацепки, чтобы надавить на меня. До сих пор не могу забыть, как меня привели на допрос. Там были представители Разведывательного управления Генштаба РФ и ФСБ. Их было четверо. Ну, и в дополнение к ним, сотрудники военной полиции Российской Федерации. Меня завели в комнату. Это происходило в бывшей воинской части. Там был транспортный аэродром. Им выделили отдельные комнаты. И там проходили допросы, пытки и всё остальное.

Первый вопрос: нам нужна информация о вашем подразделении, о Днепре и так далее. Я сразу ответил, что являюсь офицером, принявшим присягу. Ну, а потом они меня... Они даже не дали мне говорить. Пока они меня били, то продолжали задавать вопросы. Я отказывался давать какую-либо информацию. Тогда один из них сказал: он бесполезен. Его расстреляют. Они заставили меня раздеться. Ну, заставили. Они силой сорвали с меня одежду. К тому времени я уже был избит. Раздели меня догола. Меня вывели на улицу под конвоем. Мои глаза были закрыты. Мне завязали глаза скотчем. Мне связали руки и сделали специальную петлю-удавку. Руки были связаны перед горлом. При каждом движении рук петля затягивалась, и я не мог свободно дышать. Меня вывели на улицу. Они стали обсуждать между собой, где меня расстре-

лять, как это сделать. Тут спасибо, такая традиция — можно сказать своё последнее желание. Мне почему-то захотелось курить. Можно мне сигарету? Мне дали сигарету. Мне разрешили закурить. Я стою перед стеной. Не знаю как, но повязка немного сместилась с моих глаз, и я увидел перед собой стену. Это была кирпичная стена, вымазанная белой краской. Был уже март, всё произошло 15-го числа. Я стою перед этой стеной с сигаретой во рту. Мои руки связаны. Я не могу докурить сигарету, независимо от того, произойдёт ли это десятью секундами раньше или минутой позже. Я выплёвываю сигарету. Сделай это. Над головой раздался выстрел. Офицер ГРУ — тот, кто стрелял, подошёл ко мне и сказал: не думай, что ты так легко отделаешься. Мы с тобой ещё не закончили. И они отвели меня обратно. После этого они бросили мою одежду, позволили человеку, который был со мной в импровизированной камере, развязать меня, дали возможность одеться. Я оделся, и в тот день меня больше не трогали.

* * *

Когда я ждал, что меня убьют, когда курил, у меня не было никаких мыслей. Жизнь не проходила перед моими глазами. Ничего не мелькало. Просто... Я был готов к этому. Я прекрасно понимал, в какой-то степени даже был рад, что меня сейчас убьют и мне не придётся проходить через всё то, через что проходят люди, попадая в плен. Во время заключения я часто думал об этом. Да, никаких особых мыслей не было.

Мысли были о том, что я не выполнил задание. Но, честно говоря, эта мысль пронеслась в моей голове очень быстро. Говорят, жизнь мелькает перед глазами. Ничего не промелькнуло. Было только разочарование и в какой-то степени радость от того, что всё это сейчас закончится. И всё. Мелькнула мысль: что будет с моими близкими. Но и она исчезла, и я просто стоял и ждал этого момента. Это было недолго, не более пяти минут. Я не знаю точно, может быть, пять-семь минут. И всё. Потом меня отвели обратно в камеру. Я чувствовал разочарование, что подвёл своих товарищей, что не выполнил задание. Я обещал вернуться, но не вернулся. Всё произошло быстро. Я отчётливо помню, что да, в тот момент я был рад, что всё закончилось. И я никогда не узнаю, что на самом деле означает тюремное заключение. Но ничего не вышло.

* * *

Когда мне дали закурить, тот, кто дал, стоял сзади меня. Он приподнял мою голову и коснулся пальцами повязки. Повязка немного сместилась в сторону от моих глаз. Поэтому, пока я курил, мог видеть немного

стены перед собой. Я видел белую стену. И мне даже показалось, что по этой стене ползёт маленькое насекомое. Или мне просто так показалось. Но оно ползло. И я думаю: март, а уже насекомые... Ну, это было в Мелитополе, в Запорожской области, там всегда теплее, чем у нас. Думаю, как хорошо, всё уже оживает... Ну, всё. Я очень мало видел. Те, кто нас допрашивал, сотрудники Главного разведывательного управления ФСБ, всегда были в масках. А вот милиционеры были без масок. Никто из них не скрывал своих лиц. Они не называли друг друга по имени, но я помню все их лица. Но сейчас я даже не пытаюсь идентифицировать их через Интернет. После войны, если мы выживем, должны будем их разыскать. Не ради мести. Просто найти их и посмотреть им в глаза.

* * *

На следующий день, после инсценировки расстрела, допросы продолжались. Меня заперли в металлический ящик. Зачем — не знаю. Наверное, какая-то психологическая пытка. Мне снова приказали раздеться догола. На мне остались только шапка и носки. И меня заперли в металлический ящик. Это был один из тех старых советских сейфов, которые использовались в государственных учреждениях. Меня заставили залезть внутрь. И они били по этому ящику металлической трубой. Это продолжалось несколько часов. Когда меня отвели обратно в камеру, мои сокамерники сказали, что меня как будто не было, я был в полной отключке. Шум, замкнутое пространство, трудно дышать. Я удивился, когда был там — с потолка капал конденсат. И когда он капал на меня, было холодно. Но двигаться было некуда. Ничего нельзя было сделать. Стены были холодными. Всё это было очень тяжело. Особенно этот ужасный звук, когда тебя бьют металлической трубой о металлический ящик, в котором ты находишься. Это очень трудно выдержать. Стараешься не сдаваться. Я начал кое-что вспоминать. Я начал вспоминать английскую таблицу неправильных глаголов. Каким-то образом... не знаю как, но мне стало немного легче. Я старался не думать о семье, потому что это причинило бы мне боль. Это могло бы сделать меня слабым в каком-то смысле. Поэтому я думал о других вещах. После этого я начал думать о правилах построения предложений в английском языке. Вспоминать грамматические времена, использование глаголов в предложениях и тому подобные вещи.

* * *

Я просто начал перечислять неправильные глаголы из их таблицы сверху вниз. Затем таблицу грамматических времён: Past Simple,

Present Simple, Future Simple. Я пытался отключиться от шума. Сначала было неприятно, потом трудно, а потом это начало очень сильно давить на меня. Шум, звон в ушах, затыкаешь уши. Выдержать это было очень трудно. Потом они прекратили бить. Я не знаю, сколько это продолжалось, это было очень трудно подсчитать. Помню, когда шум прекратился, меня ещё долго держали в этом ящике. Потом открыли дверцу и вытащили меня. Всё моё тело онемело. Руки, ноги. Я не очень большой, можно сказать, компактный. Когда меня вытащили, всё онемело. Я даже стоять не мог. Руки не слушались, ноги не слушались. Шум в голове. Они пытались меня о чём-то спросить. Я начал терять сознание. Они облили меня водой и спросили: ты будешь говорить? Я ответил, что мне нечего сказать. Тогда они схватили меня, не стали больше пытаться, отвели в камеру, набросили на меня одежду и примерно через час отвели обратно в комнату для допросов. Но теперь они пытались найти более мягкий способ воздействия на меня. Чтобы наладить со мной контакт, они даже предложили мне горячий сладкий кофе. Я представлял себе их план, методы, которые они должны были использовать, чтобы обработать меня. Я согласился, выпил кофе. Он был очень вкусным. С этим офицером Генштаба ГРУ мы разговаривали на разные темы, даже не по теме. Он попросил меня рассказать о себе. И я рассказал. Я понял, что он пытается каким-то образом наладить со мной контакт, чтобы склонить меня на свою сторону. Я очень хорошо знаю эту систему. Я не давал ему надежды на то, что смогу что-то ему рассказать. Я знал, что он будет делать свою работу и, если понадобится, сделает со мной самые мерзкие вещи. Если понадобится. Когда он говорил со мной, я не верил ни единому его слову. Но одно он сказал честно: я не получаю от этого никакого удовольствия, это просто моя работа. Вы должны понять меня в этом вопросе. На что я ответил: да, я вас прекрасно понимаю, работайте.

* * *

Такая работа продолжалась со мной ещё несколько дней, самых лёгких дней за всё время моего пребывания в плену. Первые дни там были самыми лёгкими. Позже у них возник план по обмену меня на одного из своих захваченных шпионов. Они пытались выяснить, есть ли у меня контакты в Службе безопасности Украины или Главном разведывательном управлении. Я ответил, что никаких контактов у меня нет. Я давно уволился из армии, контакты исчезли. За это меня тоже били. Больше всего надо мной там издевался майор ФСБ. Ростом ниже меня, какой-то неприятный, противный, не сказать, что самый плохой. Всё время что-то делал. Снял с меня ботинки. Это были хорошие ботинки. Забрал

у меня якобы для раненых солдат Российской Федерации. Позже я заметил, что он сам их обул. Это было даже немного смешно. Снимать сапоги с ног заключённого — ведь он офицер ФСБ и у него нет денег, чтобы купить себе ботинки. Ну такое... Он всё время кричал, что меня отправят в Сибирь рубить лес. Это почему-то их любимая фраза — в Сибирь рубить лес. Я слышал её много раз. И в Мелитополе, и в Таганроге. Такое стереотипное мышление.

* * *

Людей приводили и уводили, но в комнате, где я находился, было ещё два человека. Потом привели ещё одного. Нас стало четверо. И чтобы как-то поддержать людей, это был очень сложный период, я начал рассказывать истории, пересказывать книги. Сейчас я вспомнил, это был «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма. Я рассказываю историю графа Монте-Кристо, поворачиваю голову, а люди, которые должны были нас охранять, принесли стулья, сидят в коридоре и слушают. Сначала я немного удивился, но потом это стало почти кинотеатром. Я собрал аудиторию, которая слушала пересказ книги. Меня продержали там около трёх недель. С 14 марта по 4 апреля меня держали в этом населённом пункте. В месте дислокации... И практически каждый вечер я пересказывал книгу, какую-то историю. И у меня была благодарная аудитория. Как в камере, так и за её пределами.

Я также пересказывал истории Жюль Верна, Гарри Гаррисона, Роберта А. Хайнлайна. Я не являюсь приверженцем какого-то определённого направления. Сейчас я не могу вспомнить их всех. Каждый день я пересказывал по одной книге. Я рассказывал о произведениях Стругацких. Что-то из Агаты Кристи, детективные истории. Первым я пересказал «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма, затем «Двадцать тысяч лье под водой» Жюль Верна и «Таинственный остров». Потом мы вернулись к Александру Дюма, дальше к «Проклятой планете» Гарри Гаррисона, «Звёздному десанту» Хайнлайна, Рэю Брэдбери. Сейчас уже не помню, что я пересказывал из него, но что-то было. Но я заметил, что большинство слушателей не очень любят Рэя Брэдбери. Тогда я рассказывал о других авторах. Гарри Гаррисон нравился всем. Хайнлайна любили. Потом я рассказывал истории про индейцев. Майн Рид. Потом Купер. Его «Следопыт». Было ещё что-то. Я не могу вспомнить всего. Дошло до того, что я узнал, что охранники сменяют друг друга на вахте. Кто-то захотел услышать продолжение истории. Кто-то сказал: ну, я буду дежурить. Сегодня он начинает новую книгу. Нет, предыдущая ещё продолжается. Я хочу послушать, мы потом поменяемся, иди отдыхай. Так

было. Это продолжалось очень долго. В каком-то смысле было интересно увидеть всю картину в таком виде. И я понимал, что должен поддержать своих товарищей. Я старался делать это как можно лучше. Я не знал, что среди моих слушателей будут охранники. Это были первые месяцы войны. Они всё ещё находились в состоянии эйфории, были уверены, что скоро придёт победа и они скоро «освободят» нас. Не думаю, что сейчас их отношение было бы таким же.

* * *

Это было 3 апреля 2022 года. Офицер ГРУ вызвал меня и говорит: есть два варианта. Почему-то у них всегда было два варианта для меня. Первый: я сломаю тебе запястье. Второй вариант: майор ФСБ сам ломает тебе руки. Я сломаю тебе руку аккуратно, а он ломает так, что... Выбери. Я: ну, тогда ты сломай. Я говорю: а третьего варианта нет? Он: нет, третьего варианта нет. Ну, что поделаешь. Альтернативы нет. Всё равно что-нибудь было бы сломано. Поэтому выбрал путь наименьшего сопротивления, наименьших травм. Я встал, снял куртку, вытянул правую руку. Отвернулся, всё-таки не хочется видеть, как по тебе будут бить. Был взмах, удар, было больно, я застонал, но оказалось, что руку он мне не сломал. Затем он позвал одного из полицейских. Я помню слова: «Я не могу сломать ему руку, ты сломай». Нет, он сказал по-другому: «Я не могу сломать ему руку, он мне как друг. Поэтому ты сломай». И он ушёл. Я снова протянул руку, полицейский ударил меня металлической трубой. Моя рука опухла, посинела. Я думал, что это перелом, и даже не мог пошевелить пальцами. Плечи опустились. Мне удалось вовремя снять кольцо. У меня на пальце было обручальное кольцо. Я надел его на левую руку. Это была единственная личная вещь, которая у меня осталась.

Мне повезло, что меня отвели обратно в камеру. Там был один из наших солдат. Сделал мне импровизированную повязку, закрепив её марлевым бинтом, да, мне дали бинт. Мне даже сделали обезболивающий укол. Обычный, гражданский. Не знаю, где эти полицейские его нашли, эти дети гор так называемые. Дали медику, он сделал мне укол. Боль немного утихла. Рука вся опухла, но она уже была зафиксирована. И это слегка сняло боль. Почему они проявили такую доброту...

ТАГАНРОГ

Меня отправили в Севастополь. Там я пробыл всего несколько дней. Оттуда нас, шесть или семь пленных, отвезли на аэродром Бельбек. Нас посадили в самолёт ИЛ-76 и перевезли в Таганрог. С аэродрома — в следственный изолятор. Все, кого я знаю, кто прошёл через этот изолятор,

вспоминают о нём с ужасом. Это одно из самых жестоких мест, очень жестоких. Не успели нас ещё выгрузить из машины, как уже начали бить местные спецназовцы. Они били нас дубинками, с матерными криками выстроили у стены и стали выводить по одному. Нам дали тюремную одежду. Там нам постригли, побрили волосы. Моё обручальное кольцо было маленьким. Оно было ещё с лейтенантских времён, когда я только-только женился. Оно плохо снималось с пальца, и я не мог его снять. Они хотели забрать его, но оно не снималось. Потом начались шутки, что мы отрежем палец вместе с кольцом. Это меня не испугало. Они принесли плоскогубцы и срезали его с пальца. Оно упало. А потом я увидел, как один из них, который нас обыскивал, наступил на него и ногой потянул кольцо к себе. И встал на него. Я подумал, что он собирается его поднять. Но он сделал вид, что ничего не произошло. Мне показалось это забавным. Это было недорогое кольцо, я был молодым лейтенантом, когда покупал его. Денег не было, зарплаты были низкие. Мы покупали самые дешёвые кольца, которые могли себе позволить. Там и золота того было очень мало. Это было забавно наблюдать. Бог их рассудит.

* * *

Большинству из них нравилось причинять нам физическую боль. Моральная деградация — об этом я даже не говорю... Слова, ненормативная лексика, оскорбления, разумеется, на национальном уровне. Назвать тебя хохлом для них было то же самое, что поздороваться с нами: привет, доброе утро, сказать пару приятных слов. Они считали нас врагами, а не людьми. Иногда мне казалось, что я слышу, как люди говорят о нас как о недолюдях, как это делали в нацистской Германии. Именно так они и поступали, чтобы заставить нас чувствовать себя какой-то неполноценной расой.

Когда мы выходили из камеры, то должны были встать, наклонившись, заложив руки за спину и подняв голову как можно выше. Если голова была опущена, можно было видеть только пол. Слово «разминка» запомнилось мне надолго. Например, нам говорили: сегодня мы будем разминаться. Это означало, что мы должны были встать, расставив ноги как можно шире, подняв руки как можно выше, и они начинали бить нас резиновыми дубинками по ногам, рукам, телу. У них был такой хитрый метод. Они не били сильно, но били долго, в быстром темпе и в одно место. Сначала кажется, что ты терпишь. Но потом наступает дикая боль. Рука или нога отмирает, и ты не можешь даже пошевелиться. Затем начинается резкая боль, за ней — онемение, и это ещё более мучительно, чем просто избиение.

Сейчас я вспоминаю такой момент — звук электрического шокера. Меня и сейчас бьёт дрожь, мурашки начинают бегать по коже, когда я вспоминаю об этом. Когда мы услышали, как по лестнице поднимается новая смена, и услышали звук электрошокера, мы поняли, что сегодня будет больно, очень больно. Нас били током. Каждый охранник и каждый спецназовец имел электрошокер. Мы называли их «электрической сменой». Мы выходили из камеры, и нас могли внезапно ударить шокером куда угодно: по ногам, по мышцам, по анальному отверстию и мошонке. Тебя могли убить. Боль пронзительная. Или в шею, в голову — если тебя ударили туда, глаза просто лезли на лоб. Перед глазами чернело, и это было очень больно. А ещё то, что ты не можешь себя контролировать. Когда тебя просто бьют, ты можешь напрячься, стиснуть зубы, но когда видишь шокер, ты уже не можешь себя контролировать... Они не просто били тебя, они втыкали его в тело, в район поясицы и проводили им вверх. После этого остаются два параллельных следа. Мы потом шутили, что это был укус кобры. Расстояние между отметинами на теле составляло два-три сантиметра.

Мы потом обрабатывали раны друг другу как могли. У нас не было ничего, никакой медицинской помощи не получали. Мы обрабатывали раны мылом и туалетной бумагой, но часто у нас и этого не было. Мы как-то заклеивали туалетной бумагой ожоги, старались мыть эти места как можно чаще. Но такие элементарные вещи, как мыло, у нас могли быть, а могли и не быть. Мы могли неделю или даже две-три обходиться без мыла. Неделю, две-три мы могли не получать зубную щётку и пасту. Это было тяжело, но терпимо. Физическую боль как-то можно вынести, но неизвестность пугала. Нам ввали. Они ввали нам, что Украины больше не существует, что Венгрия, Польша и Румыния уже разорвали Украину на куски. И что с Украиной покончено.

* * *

Это было в Таганроге. Там был пункт перераспределения. Таганрог — это город, которого я хотел бы, чтоб не существовало. Я был там недолго, но... Суть в другом. На допросах они хотели узнать, где удерживаются военнопленные, или сколько русских солдат я убил, или сколько мирных жителей я убил. Я отвечал негативно. Не шёл с ними на контакт. Они сказали мне, что я не хочу признаваться в своих преступлениях, поэтому они учат меня говорить правду. К полу был прикреплён табурет. Рядом со мной стояли два спецназовца в масках и били меня. Они били меня дубинками по спине. Когда они увидели, что я просто терплю и ничего не говорю, они начали бить меня по другим частям тела, где

боль была ещё сильнее. В частности, они били меня по правой ноге, по колену. Так они разбили внутри крестовидный хрящ, мениск. Я потерял сознание. Меня привели в чувство, снова посадили на табурет и продолжили избивать. Я снова потерял сознание, они снова усадили меня и, увидев, что достигли своей цели, что моё колено действительно болит, продолжили бить по нему. Не могу сказать, как долго. Очень долго. Это был долгий процесс. Насколько я могу судить, допрос длился не менее четырёх часов. Это было непрерывное избиение. Вопрос. Ответ, который им не нравился. Но им ничего не нравилось. Они продолжали бить. Меня били так сильно, что я чувствовал вкус крови во рту. Я долго кашлял, у меня были переломаны рёбра. Когда я пошёл в туалет, то увидел кровь в моче. В тот момент я подумал, что лучше было бы покончить с жизнью. Я даже искал метод, способ сделать это. Потому что каждое движение причиняло мне боль. Потом я остановил себя и сказал: нет, Сергей, ты должен бороться.

Один из вариантов, который я рассматривал, — перерезать себе вены ночью. Я также рассматривал возможность нападения на охранников, чтобы забрать с собой хотя бы одного из них. Но после этих допросов я понял, что не собираюсь никого брать с собой... Были и такие мысли. Но потом я подумал, что если это не сработает... У нас в камере была перегороденная зона с туалетом и раковиной, и я увидел, что на ней был жестяной фланец. Этот фланец был слегка изогнут, с острым краем. Я приучил себя к мысли, что если так пойдёт и дальше, то буду резать себе вены этим фланцем ночью, лягу под одеяло, чтоб никто не увидел. И тихонько выйдет из меня кровь. Так было.

* * *

Там находилась небольшая комната, примерно полтора на полтора метра. В ней не было даже освещения. Пол был засыпан песком. Туда нас заводили и били. Сначала их было четверо, потом шестеро. Они менялись. Учили меня уму-разуму и выбивали из меня дурь. Били долго. Резиновыми дубинками, ногами. Я даже попытался оказать сопротивление. Я думал, что они меня убьют просто. Но нет. Они били меня больно, сильно. Они профессионалы в этом, но убить — нет. Очевидно, что в тот момент у них не было цели убить меня. Они могли избить меня до полусмерти, но не убить. Поэтому они били меня сильно. Они пресекали любые попытки сопротивления. Подавляли любую попытку к сопротивлению. Так было. Когда я вспоминаю это, я не могу понять, как я это пережил. Это было очень трудно, очень больно. Но мне помогала некая вера в то, что я выберусь оттуда и отомщу.

Сейчас я говорил о мести. Я понимаю, что человек должен как-то... но я не могу перебороть себя, чувствую, что просто хочу отомстить. Не только защитить, но и отомстить. Я признаю, что должен вернуться на войну с холодной головой. Я офицер, я не могу рисковать жизнями своих подчинённых ради мести. Как я это сделаю... Я пойду на войну хладнокровно. Я уничтожу нелюдей, которые пришли сюда. Я буду защищать свою страну. Это будет моей мезтью. Сначала я думал, что буду резать их до смерти, рвать на части зубами. Я собирался сделать всё это. Но потом я понял, что мне нужно хладнокровие. Ты должен оставаться хладнокровным, Сергей, сначала нужно выжить. О мести мы подумаем потом. И она придёт. Скоро.

* * *

Они постоянно были в масках, их лица были закрыты. Мы могли видеть только их глаза. Глаза и обувь. Вот и всё, что ты видел. И кафельный пол, который был скользким. Они любили тебя бить ногами на этом полу. Ты падаешь и стараешься упасть так, чтобы не разбить себе лицо, чтобы не пораниться. Именно этому они нас учили — падать. Но я не видел лиц. Для меня это было одно лицо... Я видел, как бы это сказать, природу русского народа. Для меня их лицо — это лицо зла и зависти. Да, зависти. Я чувствовал зависть к тому, что мы другие, мы не такие.

* * *

Нам выдали одежду для заключённых. Одним из первых вопросов был: кто из нас офицеры. Я не стал этого скрывать. Я сказал, что я офицер. Меня тут же повели на допрос, где, не задавая никаких вопросов, начали сильно избивать. Но на мне была тёплая арестантская куртка, зимняя. Они били меня, но мне было не очень больно. Потом они заставили меня снять куртку. И начали бить по спине, по верхней части спины. Они начали задавать мне разные вопросы. На которые я, к сожалению, не знал ответов. Где в Украине содержатся заключённые? Где находятся секретные лаборатории США по разработке бактериологического оружия? Скажу честно: если бы я знал, я бы так и сказал, но я не знал. Поэтому меня долго били. Они хотели знать, где находятся лагеря с российскими военнопленными, какие военные преступления я совершил, сколько российской военной техники уничтожил. На всё это я отвечал: «Не знаю». У меня нет такой информации. Это продолжалось долго. Несколько часов. Там я потерял сознание, меня привели в чувство. Снова усадили на табурет, продолжали избивать, обливали водой. После этого пришли ещё двое представителей этого СИЗО. Ты

молодец, так держать, — похвалили они. Так продолжалось достаточно долго.

* * *

Я стиснул зубы, застонал, но не хотел, чтобы они услышали мой голос, чтоб не думали, что они меня победили. Я не кричал. Но, возможно, кричал. Сейчас очень трудно вспомнить. Не потому, что мне было бы больно, нет. Когда на тебя обрушивается шквал ударов, тебя бьют, тебя поднимают, снова бьют, ты падаешь, теряешь сознание, тебя снова бьют — может быть, я кричал. А может, и нет. Я старался не кричать, и даже при самой сильной боли я старался не кричать. Да, были произвольные крики. Нет, не произвольные. Чтобы не кричать, ты сжимаешь зубы и стонешь. Тебя бьют непрерывно. Слева, справа, слева, справа. Резиновой дубинкой по спине. Это уже не столько больно, сколько тяжело. Несколько ударов туда и сюда, несколько ударов — и ты падаешь. Темнота. Открываешь глаза — нога на груди, другой тебя толкают. Вставай! Тебя снова сажают на табурет. Он был прикрученный к полу. Тебя продолжают бить, ты снова теряешь сознание...

* * *

Потеря сознания означала передышку. Организм не выдерживал. А может, удар пришёлся в такое место, что вызывал болевой шок. По лицу старались сильно не бить. Только по затылку. Не знаю, что это было, какая-то книга, то ли криминальный кодекс, то ли телефонный справочник в мягкой обложке. Они ударили меня ею несколько раз. Мои руки были скованы наручниками за спиной. Их нельзя было даже поднять для защиты. Я наклонял голову, а удары не прекращались. Я даже не могу вспомнить моменты, когда терял сознание. Я долго держался, долго не падал. Они несколько раз сбивали меня с табурета. Я падал, они поднимали меня, сажали на табурет и снова били. Вопрос. Было и так, что просто бьют, а оперативник в это время задаёт вопросы. Я не могу сказать ни «нет», ни «да», ничего. На меня просто сыплется шквал ударов.

Пару раз оперативник останавливал избиение и говорил: пусть он что-нибудь скажет. Но случалось и так, что ему нужно было куда-то отлучиться. Он говорил: вы продолжайте, а я сейчас вернусь. И они били меня до тех пор, пока он не возвращался. Я не помню, как долго его не было. Сейчас даже странно вспоминать об этом. Он даже был поражён моей стойкостью.

Конечно, я знал, что я сильный, что я не сдамся, как-то даже гордился тем, что смог всё это выдержать. Глупая, непонятная гордость, но она

была. Что ты не падаешь. Ах да, вот тут-то они и сломали мне нос. Они устроили мне такую ловушку. Следовательно что-то написал. Говорит мне: посмотри, правильно ли я написал. Я говорю, что не вижу. Ну, иди сюда. Я делаю шаг. Расстояние между столом и табуретом было два шага. Иду, наклоняюсь над столом. Кто-то хватает меня за затылок и пару раз бьет головой о металлический стол. Поднимает мою голову. Снова ударяет. Кровь текла, нос распух. Они приложили к нему какую-то бумагу и снова начали меня бить. Потом меня отвели обратно в камеру. Если я правильно помню, она находилась на втором этаже. Те, кто меня вели, кричали, что я шпион, офицерский шпион, и не очень сильно, но били меня дубинками. Когда дубинкой, когда ногой. Вели меня в скрюченном положении с наручниками за спиной, руки за головой. Притом держали меня за наручники таким образом, что я практически касался пола или ступенек.

Несколько раз они сбивали меня с ног на этих металлических ступеньках. Здание было старым. Ступеньки были не просто сварены из кусков металла, а с узорами. Я помню это. Один из них решил, что я считаю ступеньки. А я не делал этого. Один из них сказал: шпион, ты хочешь сбежать. Пару раз они сбивали меня с ног, потом подняли и бросили в камеру. Я пробыл там один около двух часов. Потом привели ещё двух человек. Один из них был подполковник мелитопольской милиции, а второй — молодой парень. Младший лейтенант. Так получилось, что мы снова встретились в Борисоглебске.

* * *

Мы встретились с ним позже в Борисоглебске. Там мы были в одной камере. Я также видел его в Севастополе. Он был ранен, у него были осколочные ранения ноги и руки. Рука зажила быстрее, чем нога. В Таганроге его немного побили. Меня и подполковника милиции постоянно били. Но и его били, если что-то не нравилось. Был такой режим. Утренний осмотр, вечерний, так называемые проверки. На утренних и вечерних проверках нас били. Через день или два привезли очередную партию военнопленных. Не знаю почему, но их били очень жестоко. Одних привели на мой этаж — второй, других — на третий. Крики были ужасные. Их били очень жестоко, очень сильно, с какой-то особой злобой. С пристрастием. Это было слышно. Их постоянно били, это трудно описать... Их также били между проверками. Я встретил одного из них позже, он был в одной камере со мной в конце срока моего заключения. Он не знал, почему их так жестоко избивали. Просто эту партию заключённых били очень сильно. Так было. Это происходило в Таганроге. Там Следственный комитет провёл со мной первый допрос. Всё

было «корректно». Меня насильно не раздевали. Просто приказали раздеться до трусов. Меня сфотографировали. Искали татуировки. Я был весь сине-фиолетовый. Их полковник даже сказал: как я буду его фотографировать, как вы вообще с ними работаете? Но я, действительно, если спереди ещё более-менее, то сзади был весь синий. Сине-фиолетовый. Рука распухла. Я ж приехал туда уже с опухшей рукой, с наложенной шиной. Там мне сразу сняли шину, покрутили руку и сказали: всё в порядке, жить будешь. И всё. Я так с этой опухшей рукой и ходил. Я уже знал, что они будут бить по тем местам, которые болят. Поэтому я старался не показывать, что рука болит. Но эта рука всё равно была больше левой. Несколько раз ударили по ней, но я не показывал, что мне очень больно. Я старался беречь руку во время избиений, старался наклониться так, чтобы она была защищена. Именно там мне впервые разбили колено.

После этого меня неоднократно били по колену, они видели, что я хромаю. Пару раз они ударили меня по колену так сильно, что я почувствовал очень резкую боль и не мог наступить на ногу. Чтобы не показывать этого, мне пришлось скрывать свою боль и стараться ходить нормально. Как-то ходить на цыпочках, согнувшись, но всё равно ходить... Притвориться, что всё в порядке. Что ничего не болит.

Меня допрашивал подполковник. Он представился подполковником Следственного комитета, фамилию не назвал. Он же и провёл такой первичный допрос. Кто я такой, где родился, где жил. И снова: что я могу сказать о преступлениях, совершённых против мирного населения. Снова о секретных биологических лабораториях США, где выращиваются военные вирусы. И снова: с какими исламистскими террористическими организациями я был связан или сотрудничал. Это был такой поверхностный опрос. Именно на это и была рассчитана анкета. Основной акцент был сделан на том, где содержатся российские военнопленные. Их также очень интересовал Днепр, когда они узнали, что я живу в Днепропетровской области. Их очень интересовал Южмаш, завод, где производились ракеты, ядерные ракетные двигатели. У меня не было никакой информации об этом.

* * *

Больше всего их интересовали преступления против мирного населения, мародёрство и эти лаборатории. Био. Я рассказал о себе и сказал, что ничего не знаю ни о лабораториях, ни о содержании заключённых. Он сказал: нет, конечно... Допрос закончился, меня вывели. Отвели в так называемый «стакан». Это чёрная комната, у которой, как

я слышал, есть несколько названий. Там меня начали избивать местные спецназовцы. Они били меня очень долго. Не для того, чтобы заставить что-то сказать. Просто били. Сначала их было четверо, потом ещё двое. Потом они сделали небольшой перерыв. Сейчас я вспоминаю. Меня так избили, что я сидел на полу, скорчившись. Открылась дверь. Слышу разговор: а что вы здесь, можно с вами? Как-то так им ответили что-то вроде: присоединяйтесь или угощайтесь. Точно не помню. И снова начали бить первые. После этого продолжили другие. У них было такое развлечение. Они поднимали меня, держали за руки и били по груди, по грудной клетке. Перед самым ударом они вдруг отпускали мои руки. От удара я сильно ударялся о стену. Я об этом даже не вспоминал. Только сейчас вспомнилось...

* * *

В Таганроге каждого из нас заставили подписать бумагу. Я тоже подписал. Каждый из нас подписал. Просто сказали: подпиши и всё. И били, пока не подпишешь. Это была бумага, по которой я добровольно соглашался сотрудничать с правоохранительными органами Российской Федерации. Мне даже дали псевдоним — Шпион. Вот так. Как мы потом узнали, так поступали все, кто проходил через Таганрогскую тюрьму. Я сразу сказал товарищам, что подписал, что меня заставили это сделать. Я предупредил ребят. И все об этом знали. Конечно, у меня из-за этого, естественно, возник внутренний конфликт. Я пришёл и рассказал о себе. Мы воздерживались от разговоров друг с другом о некоторых вещах. И о семейных вещах тоже. Это табу, этого нельзя затрагивать. Мы придерживались этого. Мы не пытались залезть в чужую душу. Если ты хочешь говорить, говори — это твоё право. Но ты можешь и промолчать.

* * *

Нас избивали дубинками и кулаками. На них были тактические рукавички с пластиковыми набойками-накладками, костяшками. Почти у всех они были на руках. А бить ими очень эффективно. Так было. Били в основном по верхней части тела и ногам. Много по бёдрам. По спине, животу, почкам. Верхняя часть тела была синей. Когда им надоело меня бить, и они вытянули меня из «стакана», я увидел очередь из нескольких человек возле дверей. Парни слышали, что со мной сделали. Они стояли у стены, расставив ноги, подняв руки, наклонив голову, упираясь лбом в стену. Меня завели в камеру. В тот день меня больше не трогали, но на следующий день привели на допрос. Дорогой даже не били.

Меня отвели в небольшой дворик. Что я там увидел... К стене были приварены балки, как рельсы. Там же стояли стулья, соединённые друг с другом, как в советских кинотеатрах, по три стула вместе. Таких кресел было несколько, все с поднимающимися сиденьями. Меня ждали три человека. От сопровождения и охраны они отказались. Они назвались представителями мощной силовой структуры. Предложили мне сотрудничество. Сказали, что я родился в Советском Союзе, что они знают обо мне всё, что я просто должен их понять, что у них есть работа, что для окончания войны я должен помочь им, помочь Российской Федерации. На что я ответил: я не могу себе этого позволить. Мне сказали: ты должен понять, что у тебя есть только один вариант. Либо ты его принимаешь, либо тебя просто не будет существовать. Они не знали, никто не знал, что я успел передать в своё подразделение информацию о том, что мы попали в плен. Понимаете? Ты просто исчезнешь, тебя никто не будет искать, никто не будет знать, где ты похоронен.

В тот момент я почувствовал страх. Это было единственный раз, когда я по-настоящему испугался. Они сказали, что ещё не закончили разговор. Что мы продолжим через два дня. Но будь готов к тому, что последует, если ты дашь нам неправильный ответ. Я боялся показать свою слабость. Я испытывал страх при мысли, что они могут сломать меня. Их очень интересовало, где находятся мои близкие. И у меня даже возникла мысль дать своё согласие, а потом быстро... Но потом я понял, что всё не так просто. С такой организацией, с такими людьми... Они могут заставить меня делать плохие вещи, очень плохие вещи. Потому обмануть их не выйдет. Либо я умру от их рук, либо от собственных. Отсюда и возникла моя первая мысль о самоубийстве — не подчиниться им. Я не хотел проходить через всё это снова. Я знал, что либо это повторится, либо я... Я нашёл подходящее место в камере. На металлической раковине лежали треугольники с обломанными ржавыми краями. Я подумал: вскрою себе вены там, потом лягу и ночью спокойно истеку кровью.

БОРИСОГЛЕБСК

Но двух дней мне не дали. На следующий день они пришли, чтобы провести «медицинский осмотр». Мне приказали раздеться, меня стали осматривать. В камере нас было трое. Остальные были в лучшем состоянии, чем я. Меня долго осматривали и сказали: ничего, и так сойдёт... Так было. Это было в первый день после встречи с очень сильной организацией. Следующий день прошёл спокойно, нас не трогали. Утром мы вдруг услышали приказ. Это было перед самым завтраком. Мы услыша-

ли приказ свернуть матрасы, взять кружки, зубные щётки. Мы всё это сделали и стали ждать. Надели тёплые куртки. И нас вывели на улицу.

Нас вывели на улицу и велели переодеться в ту одежду, в которой мы приехали. Была даже мысль, что, возможно, это обмен пленными. Было много разговоров об этом: надо менять, менять, менять. Такая даже мысль мелькнула, что может быть обмен. Это был не обмен. Нас отвезли на какой-то аэродром, посадили в самолёт. Нас туда запихнули очень много. Сначала мы сидели на скамейках и между скамейками. Мы не могли поместиться. Скамейки подняли, и мы все сели на пол. Нас было двести пятьдесят человек, может быть, даже триста. Рассмотреть было сложно, глаза были закрыты, но чуть-чуть можно было незаметно сдвинуть повязку и посмотреть. Мы приземлились в каком-то неизвестном аэропорту. Нас высадили из самолёта, погрузили в машины и куда-то повезли. Ехали мы долго, около пяти-семи часов. Приехали куда-то, где прождали всю ночь. Нас не пускали в туалет. Несколько дней нам не давали еды. Как мы потом узнали, остаться без еды на пару ночей не так уж и страшно... Нам бросили пару пустых бутылок, чтобы туда можно было сходить в туалет. Около пяти или шести часов утра нас по одному вывели из автозаков. Снова приёмка.

Но на этот раз нас не били, не трогали и пальцем, даже не кричали особо. Мы были немного удивлены. Нас побрили машинками, выдали новую тюремную одежду. Правда, ни носков, ни трусов нам не дали. Одежда была совершенно новая. Нас завели в помещение. По одному. Как сейчас помню, я оказался на третьем этаже, в камере номер тридцать. Теперь я знаю, что это был Борисоглебск, СИЗО № 2. Видно было, что здесь только что сделали ремонт. На полу ещё оставались пятна от побелки потолка. То тут, то там лежала пыль, мусор. Так было. На нарах лежали матрасы, подушки. Мы были первыми, кого поместили в эту камеру. До меня там было два человека, я был третьим, потом привели ещё одного, потом ещё двух. Там было четыре кровати, но нас шестеро. Потом нам дали поесть, но не трогали. Нас отвели на осмотр, поставили под надзор охранника, но не били и даже не кричали на нас. Никакого унижения, это было такое спокойное время. Так продолжалось несколько дней. 15 апреля нас привезли в Борисоглебск, а 18 апреля, после обеда, меня вывели из камеры во двор, посадили в машину и повезли в ИК-9, другую колонию в том же городе. Меня отвезли в двухэтажное здание, на второй этаж, в камеру № 2. Нас там было шестеро. Все офицеры, из разных родов войск. Нас было шестеро, и было шестеро соседей по камере. В первой камере сидели гражданские, не имеющие отношения к армии. Их было восемь человек. Среди них были очень разные

люди. Был семидесятилетний старик, перенёсший инсульт. Он едва мог двигаться и практически не говорил. Но это не облегчало его жизнь. Его тоже били. В ИК-9 мне пришлось пробыть почти год.

* * *

В первую неделю нас там не трогали. Вообще не трогали. Еда была плохая, и её было мало. В течение первого месяца заключения мы не чувствовали себя очень голодными. 23 апреля, в первый день Пасхи, нас впервые избили во время утренней проверки. Причём били основательно. В этот день нас не выводили на прогулку. Вечерняя проверка — нас снова били. С тех пор это стало систематическим. Нас стали бить не менее трёх раз в день.

У нас в камере сидел молодой парень, младший лейтенант, и у него было воспаление ран, они начали гнить. Мы просили о помощи, но помощи не было. Ему было очень тяжело. Я уже рассказывал об этом. Вместе с моим сверстником, подполковником, мы пытались... Все ему помогали, но мы взяли на себя большую ответственность. Что у меня, что у подполковника был сын почти одного возраста с этим парнем. У этого парня по ноге текла сукровица, гной. Чтобы не занести инфекцию, мы несколько раз в день промывали его рану под краном, стирали штаны. Его молодой организм помогал ему. Очень помогал. Ему было плохо, очень плохо, у него поднималась температура, но он держался. Мы очень старались...

В тот период нам приходилось стоять по несколько дней подряд. К счастью, туалет находился вне поля зрения камеры наблюдения. Он мог просто сидеть в туалете, если ему было очень плохо. Делал вид, что пользуется им. В туалете были ступеньки. Он сидел на них. Мы собирались перед ним, чтобы создать у охранников впечатление, что мы все стоим в комнате. Иногда это получалось лучше, иногда нет... Когда нас спрашивали, где шестой, мы отвечали, что в туалете. Там ему всё равно было легче, он мог сесть. У него были осколочные ранения в левую руку и правую ногу. Ему было трудно выбегать из камеры и возвращаться в неё, когда было построение. Мы позволяли ему оставаться в конце очереди, откуда было ближе всего идти и возвращаться. Всегда ставили его последним. Но это не очень помогало. Он был высоким, крепко сложенным молодым парнем, и его часто били. Как и другого лейтенанта, что был среди нас. Оба были высокими. Охранники говорили, что выбьют из них всю эту бандеровскую дурь. Их били очень сильно. Это трудно. Трудно говорить об этом, но это необходимо. Трудно было смириться с тем, что ты не можешь им помочь. Ты не можешь закрыть их

сбой. Я уже говорил о том, как мы пытались сопротивляться, не кричать, не просить о помощи, сжимать зубы.

* * *

Был один такой день. Началась проверка, началось избиение — не с первой камеры, а в таком порядке — девять, восемь, семь, шесть. Раньше такой порядок не использовался. Перед камерами — раздевалка. Там есть три двери — вход в первое и второе отделение и вход в саму раздевалку. Раньше эта дверь всегда была открыта. Обычно начинали с нас. А сейчас эту дверь закрыли и начали с девятой камеры. И бьют, бьют, притом долго. Это была вечерняя проверка. Били так, что люди в той камере кричали, падали, стонали. Вот так по порядку бьют: девятая, восьмая, седьмая, потом шестая, пятая, четвёртая, третья. Открывают нашу дверь. Выводят гражданских, которые к армии не имеют никакого отношения. Бьют их. В основном это были пожилые люди. Их били, но, как мы слышали, не очень сильно. И мы думаем, что на этом всё. Мы — единственные офицеры, по крайней мере, на этом этаже. И тут начинается самое интересное. Нас, наверное, оставили на закуску, на самое «то». Так оно и оказалось. Нас вывели из камеры. Один из охранников был таким ярым агитатором за восстановление Российской империи и всё такое. Что все республики должны быть снова вместе. Тех, кто не хочет, мы заставим. Мы научим. Мы, мы, мы, мы, мы. Мы выиграли войну. Я хотел что-то сказать, но к тому времени я уже был опытный... Решил, что с меня хватит, и не нужно ничего говорить, а именно о том, что триколор был знаком победы армии Власова. Я промолчал. Я подумал, что это поможет мне.

Нас вывели из камеры, он взял резиновую дубинку и начал бить каждого из нас по ягодицам. Он ударил меня десять раз, я даже посчитал. Он бил нас, несмотря на то, что с нами был раненый. Он не выдерживал. Его били сильно, быстро. Он не пощадил даже нашего пятидесятишестилетнего деда. Следующим был я. Я уже знал, что меня ждёт. Я стиснул зубы, закусил губу и даже не застонал. Я старался не кричать, не показывать боль. Этот сотрудник начал что-то объяснять. Что-то о том, что мы не получаем никакого удовольствия от избиения. Это просто воспитательный процесс. На самом деле это не я вас бью, а ваше правительство, которое послало вас на войну. Так что не сваливайте всё на меня. Примерно так он сказал, я уже не помню, что именно. Не на меня и не на Российскую Федерацию вам надо злиться, мы принесём вам мир и добро, но когда вернётесь домой, расскажите всё это Зеленскому и вашему правительству. И поблагодарите Бандеру. К этому времени он уже знал,

что Бандера мёртв, я ему сказал, что Бандеры у нас больше нет. Вначале он сообщил нам, что мы скоро поймаем и вашего Бандеру. Я сказал ему, что Бандера мёртв. Давным-давно. Очень давно. Он удивился.

* * *

Нас отвели обратно в камеру. Мы посадили раненого парня в туалете, вымыли ему ноги. Ему было трудно сидеть, как и всем нам. Принесли ужин. Мы кормили его с ложки. К тому времени мы уже проголодались, но голод был не самый сильный. Мы дали ему самый большой кусок хлеба. Намочили полотенце, промыли его раны, которые открылись. Потом мы стали помогать друг другу. Мы сняли штаны. Положили мокрые полотенца на ягодицы, чтобы снять отёк. Ягодицы были ещё синее, чем синяя изолента. Как же это было неприятно. Ну били по спине, били по ногам, а то, как каких-то школьников... Когда тебе сорок три, это очень стыдно. Ну, это всё пройдёт. Позже этого империалиста заменили. Они работали месяц, и месяц спецназовцы. Спецназ каждый раз был новый. Так мы познакомились с так называемой Ростгвардией. Национальный спецназ. Они были одеты во все чёрное. Мы называли их «электрической сменой». Помимо резиновых дубинок, они очень любили использовать электрошокеры. Однажды во время вечерней проверки они открыли дверь в нашу камеру. Мы уже готовились к выходу. Тот, кто открыл дверь, отдал приказ выходить. Раньше нам всегда приходилось быстро выбегать и выстраиваться у стены. Но он говорит: выходим медленно, никто не бежит, никто не торопится. Каждый получит своё. Каждый получит. Мы выходим, и он бьёт каждого в бок электрошокером. В левый бок. Шокер был включён на самое высокое напряжение. Впервые я по-настоящему понял смысл фразы «выпрыгнуть из ботинок». Я действительно выпрыгнул из ботинок и подпрыгнул в воздухе. Там было небольшое расстояние между нашей дверью и центральной. Пол в коридоре был выложен плиткой. Я выпрыгнул из ботинок и отлетел на два-три метра. Коридор был полтора метра шириной. Я упал в коридор, меня начали пинать ногами. Выкинули мои ботинки. Потасили меня за ногу. Потом приказали встать. Я встал. Нас выстроили у стены, и снова пришёл этот контролёр и тыкал в каждого электрошокером. С левой и с правой стороны. Да, мы стояли лицом к нему. Наша камера оставалась справа от нас, а он двигался справа налево. И так со всеми шестью людьми.

Для всех нас удар током был самым страшным, самым болезненным орудием пытки. Ты не можешь контролировать себя. Как бы ты ни старался, как бы ни стискивал зубы, он был мощным. И он причинял самую

сильную боль. Те же охранники использовали и резиновые дубинки, в которые также были встроены шокеры. Если тебя выводили на прогулку, они втыкали этим шокером в тебя, подгоняли. Больше всего доставалось последнему, ему втыкали шокер в ягодицы. Последнего били и пинали, поэтому мы постоянно меняли порядок людей в очереди. Чтобы не один получал всё это, а как-то давать возможность отдохнуть друг другу от всего этого. Они это видели. Каждая смена старалась превзойти предыдущую в своих извращениях. Например, нас заставляли маршировать на месте. Час, два часа маршировали на месте. У меня сильно болела нога, а ты маршируешь, маршируешь, маршируешь... Они хотели слышать звук шагов, как на параде на Красной площади в Москве.

* * *

Развлечением чеченцев было заставить нас танцевать. Просто танцевать. Без музыки, энергично, как на дискотеке. Они заглядывали в каждую камеру. Это приносило им тоже какое-то удовольствие. Кроме того, что они нас били. Поэтому мы не могли просто так стоять. Во время их дежурств мы так же ели стоя. В этом отношении чеченцы превосходили россиян. Они любили смеяться над нами, издеваться. Били нас тоже, но больше любили издеваться. Они заставляли нас петь гимн Российской Федерации — долго и громко. Очень громко. Как сказал один из них: с акцентом. Он не знал слова «с выражением». Так было. А дальше мы то маршировали, то бегали, то пели. Потом им, видимо, надоело это развлечение, но побои остались. Одного из них мы называли Толерантным, потому что он называл нас толерантными. По крайней мере раз в день он напоминал нам, что мы гомосексуалисты, лесбиянки, ЛГБТ, зоофилы, педофилы и тому подобное. Не менее одного раза в день мы это слышали. Он был таким сильным, высоким мужчиной с громким голосом. Он сбивал нас с ног. Он подходил к тебе, делал одно лёгкое движение, и ты оказывался на спине. Ладно я, но там были мужчины крупнее и моложе меня, они тоже летали. Это то, что он любил делать. Делал он это как-то хитро, ногой. Мы стояли, расставив ноги как можно шире. Он подходил и резко подбивал левую или правую ногу — и ты просто подлетаешь. Но чеченцы — эти били со спины в корпус. По почкам, по печени. Так было. Но больше всего они били по спине. Руки высоко подняты, и он наносит пятнадцать-двадцать ударов в одну точку. Не очень сильно, но... И после этого руки уже не поднимаются. Ты их опускаешь, но не можешь поднять. У тебя нет сил. Ты пытаешься поднять их и помочь друг другу. Ты можешь расстегнуть пуговицы на рубашке, но не можешь снять её. Руки не поднимаются. И все мы, вся камера, шесть человек, стоим и пы-

таемся помочь друг другу положить мокрое полотенце на спину или на руки, чтобы хоть как-то облегчить боль.

* * *

У кого быстрее сходили раны, так это у меня. И у деда. Да, он был крепким, молодец. Терпел всё, не проронив ни слова. Мы друг другу растирали больные места, тем, кому было хуже. Всё это продолжалось очень долго. Некоторые вещи я уже забыл. Иногда вспоминаю, потом забываю... Был голод, страшный голод. Нам давали две-три ложки еды, сто граммов хлеба, утром чай — это была просто кипячёная вода, совершенно бледная. На обед — первое и второе. Первое — просто вода, в которой что-то варилось, второе — это как редкое первое. А потом и вообще второе перестали давать. Хлеб, хлеб спасал. Именно там я понял, что такое голод. Постоянные мысли о еде, постоянные... Ты думаешь только о еде. Еда, еда, еда. Как бы ты ни боролся с этими мыслями, как бы ни старался не думать о еде, твой желудок не позволяет тебе этого. Слабость. Такая слабость, но ещё и постоянно быть. Я понимал, что это не критично, но слабость становилась всё сильнее. Нужно было что-то делать. Но что делать. Ничего не поделаешь. Ты же не будешь отбирать еду у товарища, его кусок хлеба.

* * *

Чтобы отвлечься, мы снова начали говорить на разные темы, о разных книгах. Рассказывали одну за другой, по очереди. Мы пытались придумать что-то новое. Но страшный голод, боль в животе... Руки тряслись, когда ты получал свою пайку.

Например, утром нам давали макароны. Макароны — это слишком хорошо сказано, макаронные изделия. Они были разбавлены водой. Много воды, мало макарон. Иногда эти макароны были почему-то белыми, наверное, в них добавляли муку, как будто они с молоком... С утра молочная каша, молочные макароны, они были белыми, но ты понимаешь, что это не молоко, даже не заменитель. Это был какой-то крахмал или что-то... перемешанное. Если три-четыре макаронины попадались, это было хорошо. Шесть макаронин — это уже было... Просто вода. Тёплая вода. Даже хорошо, что эти макароны давали, была хоть тёплая вода. И чай... Мы не знали, что такое сладкий чай. Нам долго не давали ни чая, ни киселя, ни компота, ничего такого ни на обед, ни на ужин. Где-то в октябре 2022 года они поняли, что мы скоро умрём, и нам снова стали давать так называемое второе. Где-то через неделю мы почувствовали, что к нам понемногу возвращаются силы. Но этого всё равно было

слишком мало для организма. Голод продолжался. То ли 5, то ли 6 марта 2023 года нас повезли на взвешивание. Это было первый раз в пленной жизни. Я тогда весил пятьдесят семь или пятьдесят девять килограммов. Точно не помню, потом было ещё несколько взвешиваний. На момент заключения я весил от восьмидесяти двух до восьмидесяти четырёх килограммов. Нас взвешивали хитро — в одежде. И после обеда.

* * *

У нас в Украине есть такая сеть продуктовых магазинов — «АТБ». Мне приснилось, что я в этом магазине покупаю всякие сладости, конфеты, печенье, сгущёнку. Но больше всего мне хотелось хлеба. Тёплого, свежего хлеба. И чтобы была целая буханка. Батон. Нас кормили хлебом-кирпичиком, и во сне я увидел его. Свежий, тёплый хлеб. Так было. Пару раз снились беляши, жареные пирожки. Так было. Я часто видел яркие сны, не только о семье, но и другие... Эти сны прекратились одним разом. И с последнего момента, и до сегодня я не помню, что мне снилось ночью. Что-то вижу, что-то откладывается в памяти, но потом я не могу вспомнить. Возможно, включилась защитная функция организма. Я даже благодарен за это.

* * *

У нас была техническая вода. В ИК-9 проблем с водой не было. Точнее, были. Зимой вода была горячей. Такая, что можно было обжечь руки. Вода была техническая, но мы всё равно её пили. Она имела металлический привкус. Мы шутили, что можем выдать её за кофе. Чашку утреннего кофе. В ИК-9 у нас была одна кружка на камеру. В СИЗО № 2 у каждого была своя жестяная кружка. Также нам выдавали зубную пасту. Не знаю почему, но у них были постоянные проблемы... Не было ни мыла, ни туалетной бумаги, ни зубной пасты. Приходилось постоянно просить.

Гражданин начальник, если можно, выдайте, пожалуйста, кусок мыла, закончилось. Нам дали кусок мыла, граммов четыреста. Хозяйственное мыло. Его давали на девять человек. Этим мылом надо было мыться, стирать одежду. За это могли наказать, если что-то им не понравится. Этого куса мыла не хватало на целую неделю. Мы старались быть экономными. Нижнее бельё нужно было стирать этим мылом. Его меняли раз в неделю. Меня это не устраивало. Я стирал нижнее бельё каждый день или на ночь. Конечно, нельзя было использовать мыло. Я просто полоскал водой. Это тоже... гигиена. Мы боялись заразиться какой-нибудь болезнью, чесоткой.

Там у нас были вши. Я не знаю, откуда они взялись. Мы боролись с ними. Мы долго с ними боролись и победили. Они исчезли. О, это было трудное время. Мы должны были проверять все швы на одежде — и делать это так, чтобы охранники не заметили, потому что нас могли наказать. Хотя в этом не было нашей вины. Вшей нам принесли вместе с бельём. Это были бельевые вши. Мы упорно боролись с ними. Когда мы находили их, мы проверяли одежду друг у друга. И мы убивали, убивали, убивали. Мы боролись с ними всей камерой около двух месяцев, и так мы их победили. Это была такая маленькая победа для нас.

* * *

Ещё о победах. Маленькая победа — это победа над собой. Не упасть духом, когда ты чувствуешь, что предел близко. Когда этот предел наступает, и если ты переступаешь его, то всё — ты проиграл. Ты осознаёшь это, можешь предвидеть это, и это — победа. Победа — это когда ты не психуешь на товарища, который совершил ошибку, из-за которой все были наказаны. Все могли совершить ошибки, и все могли пострадать от них. Но ты понимаешь, что все мы ошибаемся. Сколько таких случаев было. Например, я уже говорил: когда ты не мог прочесть наизусть стихотворение, потому что тебя бьют, путаешь слова, сбиваешься, а за это наказывают других. И пока ты не вспомнишь слова, пока ты не расскажешь их так, как им понравится, они будут бить других. Главное — не сломаться, не сказать: ты такой-то и такой-то... Ты понимаешь, что он не виноват. Он вообще не должен этого делать, это ненормально. Ты чувствуешь гордость за то, что не сломался, смог остаться человеком, не унизил себя из-за еды или мыла. Каким-то образом тебе удаётся держаться. Ты чувствуешь гордость за людей, которые тебя окружают. Что рядом с тобой есть порядочные люди, которые поддерживают тебя в трудную минуту. Такая вот гордость. Но больше всего мы гордились тем, что по каким-то косвенным признакам знали, что наши люди где-то там воюют.

Мы слышали, как россияне входили в Бахмут. В первый, второй, третий разы. Бахмут был захвачен, уже декабрь, и снова они захватывают Бахмут... Приятно было это слышать. Когда меня перевели в СИЗО № 2, там были парни из «Азовстали», которых удерживали в Еленовке. Потом их разбросали по всей России. От них я узнал, что мы даже потопили крейсер «Москва». И что Керченский мост был атакован как следует. Значительно позже мы узнали, что часть Херсонской области была освобождена. И часть Запорожской области. Мы этого не знали. Что практически вся Украина свободна. И что русских выгнали из Сумской области. Да, есть проблемы на донецком направлении, на запорожском и херсон-

ском, но мы чувствовали гордость. А они кричали нам, что наши парни почти все убиты, что у нас миллионы погибших, что они вот-вот возьмут Киев...

Когда водили на допрос, нам рассказывали, какие украинцы мерзавцы, как хорошо они используют дроны, FPV-шки, мавики, как хорошо стреляет их артиллерия. Ну... Конечно, всё это говорилось не в хорошем смысле. Смысл разговора сводился к тому, какие мы мерзавцы, что не осмеливаемся идти один на один в бой. Конечно, тогда я испытывал гордость за нашу артиллерию. Нас мало. Их 140 миллионов, нас 35 миллионов, а то и меньше. Необходимо спастись. Надо убивать их, а не умирать. Надо убивать за Украину, а не умирать. Ведь кому-то потом придётся всё это восстанавливать. В нашей стране столько всего разрушено, что после войны нам будет чем заняться. Но это уже после войны. Я чувствовал гордость за свою страну. Так было.

* * *

Стихи, которые мы должны были выучить наизусть. Их давали нам на бумаге. Стихи, песни времён Великой Отечественной войны. «Катюша», «День Победы». Это действительно, как какая-то болезнь, эта победа. Они все повторяют свой День Победы. Мы можем повторить. BMW и Mercedes не могут повторить, Apple тоже, а вот это могут. Мы учили «День Победы», который должны были петь. Это было их развлечение. Это было просто издевательство. Тебе дают стихотворение, ты обязан выучить его наизусть, но потом ты должен красноречиво, со всеми знаками препинания, рассказать его так, чтобы им понравилось.

К нам попала маленькая книжка с произведениями татарского поэта Мусы Джалиля. Раз в неделю нам давали книгу, неважно какого размера. Их книги были только о войне, колхозах и о том, как хорошо было жить в Советском Союзе, о светлом будущем, о том, как оно строилось и так далее. Но всё было по-другому.

*Дочурка мне привиделась во сне.
Пришла, пригладила мне чуб ручонкой.
— Ой, долго ты ходил! — сказала мне.
И прямо в душу глянул взор ребёнка.*

*От радости кружилась голова,
Я крошку обнимал, и сердце пело.
И думал я: так вот ты какова,
Любовь, тоска, достигшая предела!*

Стихи о дочери — это было нечто. Меня не заставляли их заучивать, они просто попались мне.

* * *

Проснулся. Видел приятные сны — о жене, о детях. Но утром ты встаёшь по команде «подъём». Нужно вскакивать, заправлять постель, быстро одеваться и петь гимн Российской Федерации. Его включали. Они следили, чтобы мы стояли в два ряда. Пока звучал гимн, они ходили и проверяли, поём мы или нет. Если кому-то из них что-то не нравилось, они могли нас побить. Так было. Такие моменты в жизни, которые нельзя забывать или вспоминать слишком часто. Так было.

* * *

Это было 22 июня 2022 года, подходил к концу третий месяц заключения. Я находился в ИК-9 в Борисоглебске. Было около одиннадцати часов до полудня. Перед ежедневной обеденной пайкой. В каждую камеру принесли вырванные листы бумаги из блокнота и одну ручку. И сказали: у вас есть несколько минут, чтобы написать письмо домой. Перед этим раздали список тем, о чём можно писать, а о чём нет. Одним из пунктов было то, что можно было написать, какой ты счастливый, живой и что находишься на территории Российской Федерации. Как ты осуждаешь политику президента Зеленского, насколько ты счастлив, что Российская Федерация освобождает наших людей. Но это не то, о чём я собирался писать. Я думал, что моё письмо не дойдёт. Мне дали несколько минут на написание. Сейчас я даже не понимаю, как мне удалось написать. Было волнение, тревога, хотелось написать больше. Я знал, что эти письма будут прочитаны, и не хотел показывать там свои чувства. Мою любовь к семье, жене, детям. Я написал несколько строк о том, что жив и здоров, что меня кормят, водят в баню... Это был один из пунктов, о которых нам сказали написать. Сколько раз в день нас кормят, как часто водят на прогулку, что нам оказывают медицинскую помощь и так далее. В моей голове царил неразбериха. Беспокойство. Я сильный человек, но здесь... Было трудно сосредоточиться и как-то написать правильные предложения. Я написал, что люблю их и скоро вернусь домой. Всё. Но, конечно, так не случилось.

Писать письмо было очень сложно, особенно когда ты торопишься, у тебя нет времени подумать, и ты не хочешь показывать, как тебе сейчас тяжело. Ты знаешь, что они получают только удовольствие, наслаждение, радость или точку давления на тебя, чтобы манипулировать твоими чувствами. А это они хорошо умеют делать. Вот почему я пы-

тался написать коротко, и, конечно, получилось хаотично. Не так, как я хотел бы высказаться. После этого, конечно, задаёшься вопросом, что ещё я мог написать. Ну, это было потом. Была надежда, что это письмо придёт ко дню рождения моей дочери. Я написал 2 июня, а день рождения моей дочери — 8 июня. Письмо пришло только через пару месяцев, где-то в конце августа. Письмо получила моя жена. Она сразу же написала ответ. Я получил его практически через год, в апреле 2023 года. Да, в апреле 2023 года, но написано оно было 30 августа 2022 года. Так было.

* * *

Это была радость получить письмо от жены, это было что-то невероятное. Радостно было знать, что с семьёй всё в порядке. Тамара, конечно, понимала: нельзя писать, что наш сын воюет. Она написала, что с Иваном всё хорошо, что они едут к родственникам Тамары в Западную Украину. Из этого письма я понял, мы ж не знали, какая ситуация в Украине, — что всё хорошо, что Киев свободный, Украина воюет. Если бы ситуация была другой, она бы не писала, куда поехала и что живут дома. Что дочка закончила 10-й класс на отлично. Что всё хорошо, что она поддерживает связь с моими родителями. Позже я получил ещё несколько писем, написанных в разное время. Я получил их в январе 2024 года, незадолго до того, как меня передали на обмен пленными. Я радовался, что моя дочь окончила школу с золотой медалью, что она будет учиться там, где хочет. Что всё хорошо с Иваном, нашим сыном. Тамара писала, что Ваня работает там же, где и раньше. Я прекрасно понимал, что это значит. В плену я скрывал эту информацию, не говорил даже сокамерникам. Я не хотел никого обременять лишней информацией, подвергать опасности. Любая информация может быть опасной. Люди могут сломаться. Я не хочу никого обвинять, но я просто знаю, что в таких обстоятельствах никто не может быть уверен, будет ли он сопротивляться и как именно он будет это делать.

Мне было очень приятно получить эти письма. Письма на бумаге. Я не получал их уже очень давно. Я даже не знаю, как описать то чувство, когда получаешь письмо от своих близких в таком месте и знаешь, что у них всё хорошо. Жена завуалированно написала, что у них действительно всё хорошо... Конечно, я беспокоился о материальном состоянии семьи, ведь сейчас военное время. Но тон письма и намёки дали мне понять, что и в этом отношении всё хорошо. Я надеялся, что так оно и есть. Я знал, что сын не оставит мать в беде, что он поможет ей. Позже, когда я вернулся, то узнал, что государство также не оставило

мою семью без внимания. Им выплачивали моё денежное обеспечение, и это очень помогало.

* * *

Письма, да... Я даже больше скажу — я был счастлив, читая их. Я видел выражения лиц других людей. Как они смотрели на меня, когда я их читал. Некоторые из этих писем я читал с замиранием сердца. Особенно первые два. Они были зачитаны до дыр. На сгибах протёрлись. Я читал их по несколько раз в день. Я просто морально отдыхал, ощущал надежду, что должен держаться, бороться, чтоб пережить всё это и вернуться к семье. Я знал, что меня ждут.

* * *

Как я получил первое письмо... Меня вызвали из камеры, но не повели в комнату для допросов — таких комнат было две. Меня отвели на самый нижний, полуподвальный этаж. Мы уже знали здание, где нас держали. Мы более или менее представляли себе это место. Могли мысленно нарисовать план здания. Меня провели в небольшой кабинет, где со мной разговаривали довольно вежливо. Что ж, расскажите о своей семье. Я испугался, что они каким-то образом узнали информацию о моём сыне. Но нет. Они просто хотели уточнить, как зовут мою жену, как зовут мою дочь, потому что в первой строчке первого письма было написано: у нас всё хорошо, Леночка закончила 10-й класс, Иван продолжает работать, всё в порядке. Они просто задавали мне эти вводные вопросы. Кто такая Т.И.? Я отвечаю: Тамара Ивановна, моя жена. А Лена? Я отвечаю: Лена — это мой младший ребёнок, моя дочь. Следовательно: могу вас поздравить, она умная девочка, окончила десятый класс на отлично.

Я сижу на табуретке, лицом к стене, а он сзади меня. Можно сказать, что я был в восторге, но... Также был страх какого-то внезапного нападения. Страх, что меня ударят чем-то или током, не давал мне расслабиться. Я знал, что из этих камер просто так не выходят, они должны что-то сделать, по крайней мере один или два раза причинить боль. Но, к моему удивлению, этого не произошло. Мне просто вручили письмо. Я держал его в руках, и мне приказали вернуться.

Меня отвели обратно в камеру. Теперь это у меня перед глазами: я стою перед камерой в коридоре. Они открывают дверь в камеру, но я стою в нормальной позе — голова максимально опущена, руки вытянуты, письмо между пальцами. Я чувствую, как письмо вырывают из моих пальцев. И как-то так размахивают им. Ты чувствуешь это спиной. Я всегда был напряжён, всегда в ожидании удара или издевательств. По-

этому просто напрягся. Но потом мне вернули письмо. Не открывали. Просто вернули.

* * *

Меня отвели в камеру. Все подходят ко мне, потому что знают, что после таких выходов ты возвращаешься избитым. Все хотят знать, как ты, что с тобой сделали, нужна ли тебе поддержка или нужно приложить мокрое полотенце к избитым местам. Но в этот раз я сказал, что получил письмо. В тот момент я был единственным в нашей камере, кто получил письмо. Все меня поняли, дали возможность спокойно прочитать его. Я перечитал письмо около десяти раз. Я стоял в проходе между кроватями, отвернувшись от всех, и, как сейчас помню, в камере стояла полная тишина. Все ждали. Никто просто не хотел меня беспокоить, чтобы дать мне время спокойно насладиться чтением письма. Я прочёл его. Но, конечно, я знал и чувствовал, что все ждут, все хотят знать, что там, как там. Пока я читал, мне очень хотелось плакать. Но я знал, что нельзя этого делать, нельзя показывать свои чувства. Нужно взять себя в руки. Я стоял с комком в горле, тихо проглатывал его, вытирал глаза.

Да, слёзы появились на глазах, я их вытер, выдохнул, вдохнул, вернулся к своим товарищам и сказал: ребята, вот такая ситуация... Но я видел, что одних моих слов, разговоров недостаточно. Поэтому я просто положил письмо на стол и сказал: здесь нет ничего такого, вы можете прочитать. И каждый, почти каждый прочитал то письмо.

* * *

Были и такие, кто просто понюхал письмо. Оно пахло свободой, домом для всех нас. Когда парни читали письмо, я видел, что у большинства из них на глазах были слёзы. Как они были осторожны... Как бережно они брали его в руки, как смотрели на конверт с надписью «Укрпочта» и печатью на нём. Это было громко сказано. Как они читали его... Это был глоток надежды и свободы. Они задавали целую серию вопросов о письме, и я видел — у людей была надежда, что они тоже смогут получить такое письмо. И действительно, через несколько дней несколько человек из нашей камеры тоже получили письма. Каждый раз мы вместе обсуждали эти письма: как дела дома, делали выводы о том, что скрыто между строк.

* * *

В июне я получил ещё одно письмо. Это тоже была большая радость. Тамара не знала, получал ли я письма. И что я получил одно. Она писа-

ла их каждые две недели. Она повторяла новости, но в каждом письме добавляла что-то новое. И я узнал, что на момент написания письма у них всё было хорошо. В то время её родственники жили в Херсоне. И когда она написала, что дядя Коля и тётя Валя передают мне привет, я понял, что Херсон уже освободили. Так было. Тамара не написала, что они в Херсоне, но я всё понял. Она написала, что они уже дома и что всё хорошо. Это вселило в меня надежду и уверенность. Это было незабываемое чувство. Но примерно 8 или 9 января 2024 года я получил сразу четыре письма, написанные в разные даты. Видимо, их где-то собирают и, когда набирается достаточное количество, сразу отправляют в места заключения.

* * *

Тамара написала, что сделала ремонт в спальне, купила новую кровать, ортопедический матрас и подушки. Мы пошутили, что хотели бы знать, что это за матрас... А через неделю меня заберут из тюрьмы. На обмен пленными. Парни потом рассказывали, что они начали шутить в камере: хотели узнать, что это за матрас, и узнали. Потом меня привезли обратно. На этот раз обмена не было.

* * *

Один из нас, мой товарищ, тоже получил письмо — большое, скомканное. Писала ему жена, которая даже вложила в письмо отпечаток руки их дочери. В начале полномасштабной войны его дочери было два года. К тому времени он уже почти два года находился в тюрьме. Он воевал на «Азовстали». Его дочери уже исполнилось четыре года. Для него это письмо с отпечатком руки дочери было чем-то невероятным. В нём говорилось, что дочь постоянно думает о нём, вспоминает его и хочет увидеть. На лице этого человека я увидел радость и беспокойство одновременно. Беспокойство человека, который не может увидеть свою дочь. Тоска по тому, что его ребёнок растёт без него. Его дочь научилась говорить, ходит в детский сад, но он не может этого видеть. В первый же день он не смог отвести её в детский сад...

* * *

Мы все писали письма домой. Правда, нам удалось сделать это только один раз. В июне. Это был единственный раз, когда у нас была возможность написать домой. Я знаю, что некоторым заключённым удалось позвонить домой. Мне рассказывали, что были сделаны видеозвонки. Их записывали. Видеообращение к семье. И опять же, это была мани-

пуляция. Они должны были говорить определённым образом. Что-то о том, как они скучают по семье, как у них дела, как они надеются на скорый мир, как они осуждают украинскую политику и так далее. Как с ними обращаются в тюрьме. Но людям было сложно говорить на камеру. Скрыть даже намёк в разговоре. Все знали, что если они не скажут то, что от них требуют, их ждёт наказание. И оно будет болезненным. Вот почему они должны были говорить. Если ты не говорил то, что от тебя хотели, это могло стоить тебе жизни. Там ты никак не мог их предать. Но письма. Письма были благословением. Глоток воздуха, свободы и надежды. Я очень надеюсь, что все заключённые вернутся как можно скорее. Я очень на это надеюсь. Парни, держитесь, будьте сильными, насколько это возможно. Это тяжело.

* * *

Нахождение нескольких недель в полном вакууме, где к тебе не доходит никакая информация, сильно развивает слух. Ты даже можешь услышать, как и кто поднимается по лестнице, сколько человек спускается. Они хитрили таким образом... Но скорее не хитрили, это была их работа. Они обувались в мягкую обувь. Мы придерживались такой тишины, можно сказать гробовой, чтоб слышать, не подслушивают ли нас. Слышали, как они передвигаются, где находится контролёр, который ходит возле камеры. Слух развился до такой степени, что ты слышал всё. Зрение давно атрофировалось, а вот слух... И ты слышал по шагам, кто из охранников или контролёров поднимался по лестнице. И уже мог представить: сегодня тот будет... Знали приблизительно, какая из смен придёт. Когда были менее ярые, более ленивые, то сегодняшний день мог пройти более-менее нормально. Да, они бьют, но без особого азарта. Были и ярые, которые получали от избиения удовольствие. Всё это мы выясняли на слух. И даже иногда могли слышать, где, в какой камере что происходит.

Так было. И мы постоянно прислушивались. Мы чувствовали себя, даже не знаю, как сказать, как индейцы, которые ориентируются в лесу только по звуку. Полный вакуум, только звук шагов на лестнице, и ты уже знаешь, ты уже чувствуешь, что и как. Особенно мы знали, когда будет утренняя или вечерняя проверка, прогулка. А когда между этими звуками слышались ещё шаги и шло несколько человек, то знаешь, что кого-то будут вести на допрос. Эти допросы всегда означали избиение. И ты такой: всё, идут. Да, был страх, что тебя заберут.

Когда кого-то уводили из нашей камеры на допрос, мы уже тихонько готовились. Мочили полотенце, чтоб прикладывать его к ранам и синякам. Наливали в кружку воду, чтобы сразу дать ему попить. Мы слы-

шали, как его тянули назад в камеру. Как только он оказывался в камере и двери закрывались извне, мы брали его под руки.

Нам не разрешали сидеть в камере. Нас сразу же наказывали. Мы стояли от подъёма до отбоя постоянно. Сидеть разрешалось только во время приёма пищи. Ели быстро, в две смены. Например, если нас в камере было восемь человек, нам давали четыре ложки. Ты быстро ел, мыл ложку и отдавал её товарищу.

* * *

Нам не разрешалось делать никаких упражнений. Даже если ты будешь махать руками в стороны, вот такие круговые движения руками вперёд-назад, это уже являлось физическим упражнением. А это нарушение правил, и тебя наказывали. Наказанием всегда было избиение. Но нам ещё... повезло. Мы находились, так сказать, в более или менее тихом, спокойном месте. Для тех, кто содержался в Мордовии, условия были ещё более жестокими. Когда нас обменивали, там было несколько человек из мордовских лагерей. У них там на полу в камерах были нарисованы линии. Они вставали в шесть часов, умывались, ходили в туалет. Нет, не так. Они умывались, выстраивались в ряд и могли ходить в туалет только в том случае, если им разрешали это сделать. Если мы могли пойти в туалет, не спрашивая разрешения, то там людей выстраивали вдоль линии, и они стояли по шестнадцать часов подряд. Сойти с линии можно было только за едой или если тебе разрешали сходить в туалет. Они стояли всё это время. Разговаривать было запрещено. У нас такого запрета не было. А у них был.

* * *

Страх внезапного удара, боли — это было со всеми. И у меня тоже. У них была такая особенность: в любой момент они могли потребовать исполнения гимна Российской Федерации. Мы должны были петь его одновременно. Или нам давали выучить наизусть патриотические стихи о России. И, например, в любой момент нам могли приказать прочитать стихотворение наизусть. Один из моих сокамерников просто не мог этого сделать, он начал запинаться. И нас за это били, но его заставляли рассказывать. И он... Мы знали, что это нормально, когда человек не может в такой ситуации. Он пытается говорить, нас бьют, мы знаем, как ему плохо от того, что нас бьют. Мы не злились на него, никто его не обвинял, просто ты понимаешь, что ты такой же человек. В какой-то момент ты можешь начать заикаться, забыть что-то. И тогда из-за тебя будут бить других людей. А ты будешь стоять и вспоминать.

Давид ГАЙ

ОДИССЕЯ МАТЕСТА АГРЕСТА

*ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО РАВВИНА, РАБОТАВШЕГО
В СВЕРХСЕКРЕТНОМ «АРЗАМАСЕ-16»*

Легендарный голливудский кинематографист Стивен Спилберг публично признался, что искренне верит в визиты внеземных цивилизаций на нашу планету.

СМИ отмечают, что Спилберг озвучил свои резонансные мысли в рамках рекламной кампании своей новой научно-фантастической киноленты «День разоблачения» (*Disclosure Day*). Это научно-фантастический фильм 2026 года, снятый режиссёром по сценарию Дэвида Коэппа. Главные роли в картине исполнили Эмили Блант, Джош О’Коннор и Колин Ферт. По сюжету человечество сталкивается с неопровержимыми доказательствами существования внеземного разума в условиях первых дней глобального геополитического конфликта. Фильм идёт в прокате с огромным успехом.

Режиссёр подчеркнул, что «абсолютно убеждён» в присутствии инопланетян на Земле как в далёком прошлом, так и в настоящем времени, предположив, что они могли находиться здесь всегда. Свои выводы мастер кино строит не на материальных уликах, а на массиве косвенных свидетельств: многолетних рассказах очевидцев, официальных слушаниях в Конгрессе США и документальной хронике.

Экспертное сообщество, естественно, разделилось в оценках...

Новый фильм Стивена Спилберга «*Disclosure Day*» стал не только кассовым хитом, собравшим миллионы зрителей в США и в других странах, но и поводом для широкой дискуссии о том, как возможное подтверждение существования внеземной жизни может повлиять на религию.

В картине показана история бывшей монахини, которая опасается, что официальное «раскрытие» информации об инопланетянах может разрушить основы христианства и заставить верующих пересмотреть представления о Боге и Библии. Однако по мере развития сюжета героиня

приходит к выводу, что существование внеземной жизни может не противоречить вере, а, напротив, расширять представление о творении.

Размышляя о новом фильме Мастера, я невольно вспоминал историю, случившуюся без малого тридцать лет назад и ставшую одним из самых ярких эпизодов моей журналистско-писательской работы в Америке. Она имеет самое прямое отношение к высказыванию Спилберга.

ТЕТРАДЬ В КЛЕТЧКУ

...Шёл 1997 год. Я, новоиспечённый иммигрант из Москвы, получил завидную работу — исполнительного редактора общеамериканской русской еженедельной газеты «Еврейский Мир». Редакция тогда помещалась в Манхэттене.

Каждое утро я знакомился со свежей почтой. Писали нам много, из самых разных уголков Америки, в основном, нетрудно догадаться, русскоязычные евреи. И вот однажды на моём столе появился большой пакет. Развернув, я увидел толстую общую тетрадь в клеточку, исписанную крупным, заметным почерком. Имя автора мне ничего не говорило. Отправлен пакет был из Чарльстона, Южная Каролина.

Я начал вчитываться в содержание, если честно, без особого энтузиазма. Наверняка очередные воспоминания о горькой советской жизни, антисемитизме, притеснениях и пр. Но по мере поглощения тетрадных страниц интерес мой резко возростал, притом настолько, что я предпочёл читать, не отрываясь, взахлёб, отложив на потом текущие редакторские дела.

Передо мной открывалась потрясающая судьба учёного-математика, работавшего в знаменитом «Арзамасе-16», сверхсекретном объекте, делавшем атомную бомбу, и изгнанного оттуда «органами» ввиду открывшихся твёрдых религиозных убеждений и поступков.

Но обо всём по порядку, кратко обозначая основные вехи биографии отправителя заветной тетрадки.

Матест Менделевич Агрест родился 20 июля 1915 года в местечке Княжицы на Могилёвщине. С пяти лет он был определён в хедер — еврейскую религиозную школу, где учился за счёт общины. В 1929 году окончил Любавическую иешиву, став дипломированным раввином.

Поскольку Агрест обучался в еврейских религиозных школах, он владел только идишем и ивритом. В хедере и иешиве не изучались общеобразовательные предметы, как в светской школе.

Он решил получить высшее образование. Оказавшись в Ленинграде без средств к существованию, без русского языка, он стал разнорабочим и за год подготовился к поступлению в ЛГУ. Феноменально одарённый, блестяще сдал экзамены, но провалил экзамен по русскому языку, однако был принят как... еврей, для которого русский язык не является родным.

В 1938 году он окончил Ленинградский государственный университет (математико-механический факультет). В период учёбы в публичной библиотеке разбирал средневековые еврейские рукописи эпохи Кордовского халифата. Досконально изучил еврейско-арабскую культуру юга Испании X–XI веков.

Окончил аспирантуру (1941) в Государственном астрономическом институте им. Штернберга (ГАИШ) при МГУ.

...Читаю, нет, лучше сказать, глотаю страницы тетрадки и диву даюсь превратностям судьбы этого человека.

В начале войны Агрест был призван в армию, командовал взводом аэростатов заграждения в системе противовоздушной обороны города Горького. Однажды, когда он выпустил аэростаты, ударила молния, и два из них были сожжены. Согласно положению, накануне грозы он должен был получить от местного гидромета штормовое предупреждение, но из-за халатности метеона начальства он его не получил. Был осуждён военным трибуналом, разжалован и отправлен на передовую, в штрафбат.

Чудом выжил. Получил ранение. Стал инвалидом, ходил прихрамывая.

С 1947 по 1951 год участвовал в атомном проекте в «Арзамасе-16», будучи высококвалифицированным математиком. Агрест оказался в самом эпицентре советского ядерного проекта, исполняя важнейшую роль математика-расчётчика. Не забудем, что в ту пору никаких ЭВМ не было — все нелёгкие математические проблемы надо было решать на арифмометрах, и быстро. Непосредственно с ним работали знаменитые физики, обеспечившие в конце концов ядерный потенциал советской страны. Он был там на отличнейшем счету.

Дальше случилось нечто выходящее за рамки привычных представлений.

Позволю себе оторваться от текста воспоминаний Матеста Агреста, волей случая доставшихся мне, и обратиться к другим источникам, свя-

занным с именем известного астрофизика Иосифа Шкловского, популяризатора науки, автора более 300 научных трудов, научно-популярных книг и художественных произведений. На еврейские темы Шкловский не писал. Однако в вышедших уже после смерти учёного мемуарах он, среди прочего, рассказал об одном из своих коллег — в высшей степени незаурядном человеке, сумевшем сохранить свои национально-религиозные убеждения в годы советской власти.

...Я познакомился с ним в сентябре 1938 года в очереди на приём к инспектору Наркомпроса. Очередь была сидячая — с полдюжины молодых людей сидели рядом на казённых стульях, выстроенных вдоль стенки у двери означенного инспектора. Очередь продвигалась очень медленно — впрочем, торопиться нам было некуда. За дверью кабинета решалась судьба каждого из сидящих на стульях. Проблемы у нас, в общих чертах, были сходные: как обойти решение государственной комиссии по распределению окончивших вузы студентов? Я, например, окончив физический факультет МГУ, получил распределение буквально в тайгу — в Березовский район Красноярского края. Будучи фаталистом и лентяем, я бы, конечно, безропотно поехал, но у меня уже была жена и самое главное — новорождённая дочь. Надо было думать не только о себе, но и о семье, и летом делались отчаянные попытки зацепиться за какую-нибудь аспирантуру в Москве — ведь на физфаке меня не оставили, хотя я был, ей-богу, неплохой студент.

Я сидел уже в очереди хороших два часа, и естественно, мне захотелось перекусить. Поднявшись со своего стула, я сказал сидящему впереди меня пареньку, что, мол, пошёл в буфет и скоро вернусь. «Купите, пожалуйста, и мне что-нибудь — я боюсь сам туда идти, ведь я уже у самой двери!» — «Хорошо», — сказал я. Вернувшись из буфета, я протянул коллеге вполне приличный бутерброд с копчёной колбасой. Велико же было моё изумление, когда паренёк, что-то мямля, бутерброд не взял. «Но ведь отличнейшая же колбаса», — растерянно произнёс я. От ещё большей неловкости нас спасла раскрывшаяся дверь кабинета инспектора, поглотившая стремительно ретировавшегося от меня странного человечка. «Вегетарианец какой-то», — тупо подумал я, дожёвывая его колбасу.

...Мы вышли с ним вместе на Чистые Пруды, и, когда «деловая» часть нашей беседы быстро закончилась, я спросил у него: «А почему, собственно говоря, вы не взяли бутерброд? Ведь я принёс его по вашей просьбе!» Ответ поверг меня в крайнее изумление: «Я не ем колбасу по религиозным убеждениям». Вот это да! Я дико на него посмотрел, но

парень и не собирался шутить. Я стал его жадно расспрашивать— как это могло случиться, что он остался настоящим евреем в эпоху, которую слишком мягко называли «реконструктивным периодом»?

Паренька звали Матест. Матест Агрест. Он был всего на год старше меня, но до чего же по-разному сложились наши судьбы! Так же, как и я, он родился в маленьком городке, только не на Украине, а в Белоруссии, на Могилёвщине. Но далее у него всё пошло по-другому. Хедер, иешива... Для него и его сверстников время как бы остановилось. На дворе бушевали грозы гражданской войны, бандитизм, НЭП, начинались пятилетки, ломался тысячелетний уклад жизни. Но заучившиеся, бледные как тени, мальчики упрямо изучали средневековую талмудическую (в буквальном смысле этого слова) премудрость. И как изучали! У них был 10–12-ти часовой распорядок дня. Относительный отдых—суббота, да и то надо в этот день молиться. В 15 лет он стал дипломированным раввином! Но... «какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?» А на дворе был грозовой 1930 год—год Великого перелома. И маленький новоиспечённый раввин оказался не у дел. Буря времени разметала родной дом, и Матест оказался в Ленинграде фактически без всяких средств к существованию, без знания русского языка.

Можно было себе представить, как ему было трудно. Голод, бездомное существование—это были ещё не главные беды. Беда была в отсутствии перспективы. Что делать? Как найти себя в этой новой страшной жизни, оставаясь в то же время самим собой? И он нашёл себя. И он остался собой, т.е. ортодоксальным евреем высокого духовного ранга.

В немыслимых условиях он стал готовиться к поступлению в Ленинградский университет на его знаменитый мат-мех факультет. Прошу учесть, что никаких «светских» предметов, кроме начал арифметики, в хедере, а тем более в иешиве, не проходили, так что он овладевал знаниями, что называется, с нуля. Не забудем, что заниматься приходилось урывками, так как надо было работать разно-рабочим, чтобы прокормить себя и хоть крохи посылать родителям. Для подготовки в университет ему потребовалось немногим более года. Как объяснить такой феномен? Прежде всего, вероятно, гипертрофированно развитой традиционным еврейским образованием способностью к абстрактному мышлению. Кроме того, я полагаю, после талмуда и комментариев к нему всякие там физики и истории выглядят не так уж трудно. Он блистательно сдал все экзамены и... провалил русский язык. Тем не менее—прошу внимания, това-

рици — Матест был принят в Ленинградский университет как... еврей, для которого русский язык не является родным. В наше озверелое время читающий эти строки рассмеётся. Чему смеётся? Над кем смеётся?

Очень быстро, после того как нас приняли в аспирантуру ГАИШ (Государственный астрономический институт им. Штернберга), мы стали друзьями. Перед войной он женился на еврейской девушке из традиционной, ставшей уже редкостью семьи. Они жили под Москвой, в Удельной, в «подмосковном Бердичеве» вместе с тестем — правовернейшим старым евреем и столь же традиционной тётцей. Это был удивительный в советское время осколок Шолом-Алейхемовской Касриловки. Я часто у них бывал и радовался их счастью, отдаваясь воспоминаниям детства. Они действительно создали в Удельной некий специфический микроклимат. Мираж еврейского местечка быстро рассеивался в электричке, а в Москве меня уже окружал весьма суровый климат бедной, неустроенной аспирантской жизни.

А потом началась война. И наши судьбы разошлись.

Я его увидел после почти пятилетней разлуки. Он хромал (ранение) и ходил с палочкой. Очень ему было трудно втягиваться в сложную мирную обстановку. Всю его семью — родителей, братьев, сестёр — зверски убили немцы в Белоруссии.

Я старался как мог, морально поддержать друга. Собрав все силы, он защитил диссертацию — что-то о системе Сатурна. Как-то я спросил у него, исполнял ли он на передовой предписания еврейского закона (например, субботний отдых!)? Он вполне серьёзно ответил, что талмуд в таких ситуациях предусматривает ряд облегчённых вариантов поведения...

Наступил «весёлый» 1947 год. Его после защиты диссертации никуда не брали на работу — даром, что фронтовик. Сколько раз он обивал пороги различных учреждений! Его уделом стали стыдливо-блудливые улыбки, сопровождающие разные формы отказов. Положение становилось критическим. И вот однажды он пришёл ко мне за советом (почему-то он считал меня умным...). Ему предложили

Матест Агрест. 40-е годы

странное место — уехать неизвестно куда, лишиться на ряд лет даже права переписки, но зато иметь возможность принимать участие в интересной, важной работе. Это всё так странно и неожиданно... «Соглашайся, — решительно сказал я, — здесь жизни тебе не будет».

И он опять исчез из моего поля зрения почти на 4 года.

СОВЕТСКИЙ РАВВИН ДЕЛАЕТ АТОМНУЮ БОМБУ

Вернусь к заветной общей тетрадке воспоминаний Агреста с добавлением воспоминаний Шкловского.

Участие в атомном проекте доставляло Матесту огромное удовлетворение. Как математик-расчётчик он выполнял огромный, исключительный важный объём работ.

Непросто было соблюдать еврейские обычаи и законы. По утрам он, надев ермолку, накинув талес и намотав на обнажённые руки тфилин,

совершал молитву, а в пятницу вечером зажигал в доме субботние свечи. Благо семья жила не в квартире, а в отдельном коттедже, учитывая её численность — семь, а потом 8 человек. То есть легче было утаить религиозные атрибуты и действия. И всё равно — в секретном атомграде кругом были глаза и уши.

По субботам Агрест не работал. Но что значит «работать»? На этот счёт талмуд даёт совершенно точные определения. Например, писать — это работать, а читать, беседовать, обсуждать — это уже не работа... И вот в очередную субботу начальник вычислительной лаборатории объекта Матест Агрест с утра — как видят и чувствуют все сотрудники — активно работает: отдаёт распоряжения, изучает отчёты, просматривает расчёты, даёт руководящие указания — дело кипит! Но на самом деле — в смысле талмуда — он не работает. Ни одной цифры не выводит его карандаш, ни одной пометки он не делает в расчётах сотрудников и, казалось бы, никто этой особенности этой его деятельности не замечает.

И всё же нашёлся человек, который эту неуловимую особенность — в остальном безупречной — деятельности Матеста обнаружил. Человек этот — Яков Борисович Зельдович, весьма значительная персона. Как-то в субботу он вызвал к себе Агреста и небрежно заметил ему, что отдельные детали расчёта, выполненного накануне вычислительной лабораторией, ему неясны. Матест стал популярно объяснять будущему академику

и трижды герою, что все расчёты — это так очевидно — правильны. «А вот в этом месте я не понимаю. Напишите, пожалуйста, эту формулу...» Пытка продолжалась хороших два часа. Я. Б. проявил садистскую изобретательность и крайнюю настойчивость. Бедный Матест был весь «в мыле». Он пускался на самые невероятные ухищрения, чтобы объяснить своему мучителю «на пальцах», что никакой ошибки нет. Всё правильно... Всё было тщетно! И бедный Матест впервые в жизни нарушил закон.

Жена Агреста Рита родила ребёнка, названного Мишей. На восьмой день, как диктуют еврейские религиозные законы, его следовало обрезать. Обрезание на сверхсекретном объекте? Помилуйте... Где найти мозля, как тайно провезти на охраняемую территорию? Агрест нашёл единственный выход — процедуру брит-мила провёл его тесть, глубоко верующий человек.

Нет ничего тайного, чтобы не стало явным. То ли детский врач заметил «компрометирующую деталь», то ли другая причина (Агрест об этом не пишет, но есть намёки на обнаружение у него родственников в Израиле), но гром грянул. «Отдел Режима» доложил начальству, генералы пришли в ужас — «у нас на объекте несколько лет живёт и работает человек, сохранивший прямые контакты с Богом и ветхозаветными пророками, по понятным причинам не имевшими допуска к секретной информации». Шутки шутками, однако поступило распоряжение в 24 часа удалить Агреста с объекта. Активное вмешательство коллег-физиков Франк-Каменецкого, Боголюбова, Тамма позволило продлить этот срок до недели.

К моменту выдворения из «Арзамаса-16» у Агреста было четверо детей и престарелые тесть и тёща, им всем было некуда ехать. Тогда Андрей Сахаров, также работавший в атомграде, ещё не обласканный властью, имевший всего лишь степень кандидата наук, предложил Агресту свою квартиру. Он подошёл к нему со словами: «Есть такая русская пословица: „что имеем, не храним, потерявши — плачем“». Потом отвёл его в сторону и предложил свою московскую квартиру — пожить там, пока ситуация не прояснится. И дал листок с адресом и телефоном родителей.

Матест Менделевич вспоминал: «... как ангел с неба, явился ко мне Андрей Дмитриевич Сахаров и предложил для нашей семьи свою пустовавшую в то время квартиру в Москве на Октябрьском поле ... проявил он доброжелательное отношение к человеку ..., в отношении которого было ... недоверие со стороны таких инстанций, перед которыми трепетал мир...»

В этой квартире семья жила несколько месяцев, пока он не получил новое место работы в Абхазии, где трудился в Сухумском физико-техническом институте старшим научным сотрудником.

С 1966 года Агрест — руководитель расчётно-математической лаборатории. Доктор физико-математических наук (1967). Автор и соавтор 120 научно-исследовательских публикаций и отчётов, в том числе пяти монографий. Читал лекции в Абхазском государственном университете.

В 1992 году эмигрировал в США и обосновался в Чарльстоне, штат Южная Каролина.

СЛЕДЫ ВЕДУТ В КОСМОС

Самое время вернуться к началу моего очерка и прояснить, почему я начал рассказ о невероятной судьбе советского раввина-математика с упоминания фильма «День разоблачения» и высказывания Спилберга. В известном смысле эти два человека, абсолютно разные, незнакомые, оказались союзниками во взглядах на пришествие инопланетян.

Агрест впервые выступил со своей гипотезой в июле 1959 года на семинаре Сухумского физико-технического института, а 9 февраля 1960 года в «Литературной газете» появилась его научно-популярная статья «Следы ведут в космос». Были выдвинуты предположения о существовании в древности контактов инопланетян с Землёй и даны нетрадиционные интерпретации ряду фактов, например, что греховные Содом и Гоморра были разрушены в результате ядерного взрыва, произведённого инопланетянами.

Статья имела большой резонанс, в том числе в западной прессе. В советской печати активно критиковали Агреста как автора антинаучной гипотезы.

Вместе с тем, член-корреспондент АН СССР астрофизик Шкловский в книге «Вселенная, жизнь, разум» утверждал, что сама постановка вопроса Агрестом представляется вполне разумной и заслуживающей тщательного анализа. По мнению Шкловского, Агресту принадлежит заслуга постановки проблемы палеоконтакта на научную основу.

В. Рубцов и А. Урсул в монографии «Проблема внеземных цивилизаций» утверждают, что М. Агрест обосновал возможность посещения Земли инопланетянами и наметил некоторые пути изучения этого вопроса, подчеркнув, что решить его можно лишь экспериментальными исследованиями по хорошо продуманной программе с применением всех современных методов анализа.

Один из основоположников советской научной фантастики Александр Казанцев написал предисловие к большой статье Агреста «Космонавты древности», в котором поддержал теорию палеоконтакта.

Идеи Агреста вдохновили американских исследователей, таких, как Эрих фон Дэникен и Захария Ситчин, которые в следующие десятилетия популяризировали то, о чём весьма убедительно говорил и писал Агрест, что получило название «теория древних космонавтов».

Древнеастрономическое общество США организовало 2–4 августа 1993 года в Лас-Вегасе семинар, на котором специально приглашённый Агрест выступил с докладом, повторив доводы в пользу своей гипотезы о посещении Земли внеземными астронавтами.

ЦИТАТЫ ИЗ ЕГО ПУБЛИКАЦИЙ

Развитие жизни в разных местах космоса может, вообще говоря, принять различные формы. Несомненно, однако, что некоторые направления развития должны быть всюду одинаковыми, такими же, как и на Земле. В частности, поскольку разумная жизнь, как жизнь вообще, постоянно нуждается в потреблении энергии, её развитие должно везде идти в направлении поисков различных источников энергии. Поэтому, исходя из того, что структура и свойства материи одинаковы во Вселенной, такое развитие должно всюду привести, например, к открытию и использованию внутриатомной энергии.

Аналогичным образом можно утверждать, что разумные существа, где бы они ни находились, везде будут стремиться к преодолению сил гравитации, которым они подвержены согласно закону всемирного тяготения. Такое развитие науки в иных мирах, как и на нашей планете, ведёт к созданию космических ракет.

Вполне естественно, наконец, предположить, что подобные этапы развития на других мирах необъятной Вселенной происходят в разное время. Следовательно, допустимо утверждение, что в этих планетных системах уже давно используется внутриатомная энергия и уже давно осуществляются далёкие космические рейсы.

* * *

Тектиты не продукт вулканических извержений, так как для их образования необходима более высокая температура, чем температура изверженной лавы. Тектиты обладают многими особенностями, среди которых выделяется одна—это характер их распределения на земной поверхности. Они не рассеяны равномерно по планете,

а концентрируются в определённых, вполне очерченных областях Земли, образуя нечто вроде тектитовых полей. Эти поля расположены неширокой полосой вблизи экватора, например в Ливии, Индии, Австралии.

Тектиты могли образоваться либо из земных пород в тех районах Земли, где существовали мощные источники тепла и радиоактивного излучения, либо они попали к нам из космического пространства. В последнем случае тектиты сильно отличаются от метеоритов как по возрасту, будучи значительно моложе метеоритов, так и главным образом характером их распределения на земной поверхности.

Анализ этого распределения показал, что тектиты не могли образоваться в результате падения одного крупного или целого роя мелких метеоритов, которые до падения на Землю двигались вокруг Солнца по эллиптическим орбитам.

* * *

Если космонавты из других небесных объектов действительно посетили нашу планету много лет назад, то они, очевидно, оставили где-то на Земле особый вымпел. Такой документ должен, бесспорно, содержать большое количество различных сведений о Вселенной и из других областей знаний и деятельности разумных существ. Все эти сведения, а возможно и экспонаты каких-либо технических конструкций, не могли быть непосредственно переданы и оставлены тогдашним обитателям Земли из-за их низкого уровня развития. Однако вполне допустимо, что отдельные сведения были уже тогда заимствованы некоторыми наиболее развитыми людьми и использованы в дальнейшем как показатель силы и волшебства этой прослойки общества.

И можно предположить, что космонавты позаботились о сохранности вымпела для будущих, более развитых поколений людей и спрятали его в соответствующее укрытие. Для обнаружения оставленного документа, учитывая, что след об их пребывании на Земле может вообще исчезнуть, космонавты оставили на виду несколько крупных, отличительных и не поддающихся быстрому разрушению сооружений и памятников.

Эти сооружения должны, с одной стороны, навести на мысль об их пребывании на Земле и, с другой стороны, служить ориентиром для обнаружения основного документа с подробными сведениями. Таким образом, помимо большого научного интереса, достоверное

установление факта пребывания на Земле инопланетных существ будет иметь огромное значение для земной цивилизации и может привести к существенному скачку в её развитии.

* * *

Произошло ли такое событие—прилёт <инопланетных> космонавтов на Землю тысячелетия или миллионы лет назад,—при этом не столь существенно. Поэтому не меньший интерес представляет анализ всех фактов, которые говорят в пользу очень давнего пребывания на нашей планете пришельцев из космоса.

С этой точки зрения привлекают к себе особое внимание появившиеся в последнее время в советской и зарубежной печати сообщения о различных находках и фактах, которые заставляют предполагать вероятность посещения нашей планеты неведомыми астронавтами.

Разумеется, прежде всего необходимо проверить достоверность этих находок и фактов, а затем подвергнуть их всестороннему анализу. При этом в качестве рабочей гипотезы можно, с нашей точки зрения, положить в основу предположение об их неземном происхождении.

ДОБАВЛЕНИЕ ОТ ШКЛОВСКОГО:

Наступление космической эры, означающее, что люди буквально стали иштурмовать небо, поразило моего старого друга. Реакция его на это событие была вполне естественной для просвещённого раввина. Он стал искать указания на явления космических пришельцев... в книгах Ветхого завета. С огромным энтузиазмом Матест комментировал тёмные места книги Еноха. Его внимание привлекла ужасная судьба Содома и Гоморры. Как он был фанатически увлечён своими изысканиями! Да и сейчас он исступлённо верит в свою интерпретацию древних мифов. Блажен, кто верует! Матест Менделевич Агрест—счастливый человек. А это такая редкость в нашем страшном веке.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Содержание общей тетради в клеточку было опубликовано в нескольких номерах «Еврейского Мира» и вызвало обильную читательскую почту.

Матест Менделевич скончался в 2005 году, дожив до 90-летия. Не могу простить себе, что не съездил в Чарльстон и не познакомился с ним. В силу определённых обстоятельств я вынужденно поменял работу, став

редактором крупнейшего в русской Америке рекламного издания. Периоды места далась непросто — было не до поездок... А жаль...

Этой публикацией я отдаю должное памяти удивительного человека.

ДОПОЛНЕНИЕ

Сын учёного, доктор физ.-мат наук, преподаватель Михаил Агрест (тот самый Миша!) опубликовал отцовские воспоминания о посещении Сухумского института американской делегацией. Привожу текст полностью.

Десятого июля 1960 г. в наш Сухумский физико-технический институт (СФТИ) прибыла делегация американских учёных и был организован совместный семинар по теории плазмы и термоядерного синтеза. Во главе американской делегации был помощник президента США по науке, научным руководителем делегации был доктор Ваннат. К каждому заседанию семинара объявлялись списки сотрудников, участвующих в нём. Ни в одном из таких списков моей фамилии не было. Дело в том, что с сентября 1948 г... в связи со строгими условиями режима я не имел права встречаться с зарубежными учёными или участвовать в конференциях, на которых присутствовали иностранные представители. Американских учёных я видел лишь из окна моего кабинета, когда они поднимались по ступенькам центрального входа в главный корпус института.

15-го июля, когда были закончены все запланированные семинары, меня вызвали к заместителю директора института П. В. Челидзе. Там была группа работников режима во главе с П. Я. Куницким. Они встретили меня подчёркнуто доброжелательно, стали пожимать руку. Затем Куницкий громко спросил:

— Почему вы, Матест Менделеевич, прячетесь от американских учёных? Они жалуются, что до сих пор не встретились с вами. Некоторые из них слышали о ваших идеях, знают, что вы работаете в нашем институте и хотели бы встретиться с вами.

Не дав мне слова сказать в ответ, он спросил у Челидзе, будут ли ещё семинары с участием американцев. Получив отрицательный ответ, он в приказном тоне сказал:

— Тогда устройте встречу американцев с Матестом Менделеевичем сегодня вечером на банкете.

Затем П. Я. обратился ко мне:

— Пожалуйста, Матест Менделеевич, не откажите принять участие в банкете в честь американских гостей.

После этого все другие работники режима, опять с улыбками на лицах, попрощались со мной и пожелали весело провести время на банкете. Я же в течение всего разговора ни единого слова не проронил. Тем не менее, мы друг друга вполне поняли.

Оставшись наедине со мною, Челидзе сказал:

— Я не знаю, что вы потеряли на семинарах с американскими учёными, но на банкете вы, безусловно, выиграли сто рублей. Столько денег уплатил каждый советский участник банкета. Вас же приказано принимать на банкете на правах американского гостя.

Вскоре все участники банкета собрались, мы разместились в большом комфортабельном автобусе и отправились на озеро Рица, где в фешенебельном ресторане у самого озера шла усиленная подготовка к приёму почётных гостей.

Некоторые советские учёные уже были знакомы с американцами и тут же завязали беседу с ними, я же сидел некоторое время одиноко и молчал. Вдруг раздался громовой голос директора СФТИ Н. И. Леонтьева:

— Матест Менделевич, — сказал он, — чего вы молчите? Наши гости интересуются вашими новыми идеями.

На зов Леонтьева тут же поднялся молодой очень высокий американец и, чуть не касаясь головой потолка автобуса, подошёл ко мне и сел рядом.

— Господин Агрест, — обратился он ко мне, — у меня двойной интерес пообщаться с вами, если только позволите. Я слышал о ваших интересных идеях в отношении палеоконтактов, а также о том, что вы опирались в этой работе на оригинальные тексты Библии. Вы, следовательно, знаете иврит. Я же получил приглашение в Израиль, чтобы прочитать цикл лекций в Университете Бар-Илана. Поэтому буду очень рад возможности вести нашу интересную беседу на иврите.

Так началась наша беседа, которая продолжалась до утра следующего дня (говорили мы всё же по-английски — как выяснилось, иврит моего собеседника оставлял желать лучшего).

Делегация американских учёных прибыла в Сухуми в сопровождении представителя министерства по фамилии Огурцов. В его функции входила организация приёма гостей: гостиница, встречи, банкеты, а также ответственность за соблюдение режимных условий. Заметив интерес Стикса ко мне, Огурцов тут же вскочил

и проявил заботу, чтобы создать для нас «более удобные места». Он посадил нас позади себя во втором ряду справа от шофёра. В первом ряду рядом с ним сидел научный руководитель американской делегации Ваннат. Стиксу Огурцов рекомендовал занять место у окна, за Ваннатом.

Чтобы следить за нашей беседой, бедному Огурцову приходилось так изгибаться, что его голова практически находилась в нашем ряду. Помимо Огурцова интерес к нашей беседе также проявлял Ваннат, правда, с другой целью — повернувшись ко мне, он громко сказал: «Моя жена тоже еврейка». Так мы непрерывно проговорили более двух часов до въезда в Бзыбское ущелье.

Американские гости, да и мы, советские хозяева, были одинаково очарованы его красотоми. К чудесам природы этого места привыкнуть нельзя. На себе испытал — каждый раз сидишь как замороженный. Когда мы въехали в ущелье, в автобусе настала ощутимая тишина. Заметны были лишь движения голов всех сидящих то вправо, то влево, то вниз. Да и можно ли остаться равнодушным, например, к тому, как из отвесно гладкой скалы на большой высоте выходит росток, который изгибается и растёт вверх вдоль скалы, превращаясь в высокое дерево?

Обстановка немого созерцания сохранялась в автобусе до приезда к Голубому озеру. Там сделали остановку, зашли попить напитки в ресторан и, после небольшого отдыха, опять вернулись в автобус и двинулись дальше к озеру Рица. Эта часть ущелья была

ещё более впечатляющей, так что мы со Стиксом практически не беседовали до приезда к озеру Рица.

Было ещё достаточно светло, и озеро предстало перед нами во всей своей непередаваемой красоте. Здесь я совершил недозволенный поступок — отделился со Стиксом от всех и в течение нескольких минут беседовал на вольную тему. Тут же было сделано фото, разумеется, сзади, самим Огурцовым или кем-нибудь другим для передачи ему же.

Несколько позже я получил по этому поводу от Огурцова первое строгое предупреждение.

Здесь я совершил недозволенный поступок, — отделился со Стиксом от всех и в течение нескольких минут беседовал на вольную тему.

Мы объединились с другими участниками банкета, походили около часа стоями, затем по команде вошли в ресторан.

За очень длинным столом мы все разместились, места заранее были расписаны, и я сидел рядом со Стиксом. Стол был богато и с большим вкусом убран. Перед каждым американцем был положен презент – красивый инкрустированный рог. Рядом с каждым гостем сидел сотрудник СФТИ. Тамадой банкета был П. В. Челидзе, человек остроумный и огромного опыта таких мероприятий. Ещё до первого слова тамады внезапно возникло большое смещение за всем столом. Помощник президента США по науке, взяв в руки свой презент, сердито заявил:

– Погодите, вы приедете к нам в США, мы вам не такие рога наставим!

Тамада не на шутку растерялся и дал распоряжение разъяснить рядом сидящим гостям, что у нас рог – почётный презент, а не оскорбление. Мой сосед, очень умный человек, смеялся над обиженными соотечественниками. Труднее было убедить помощника президента, но и его вскоре успокоили. Начали пить и закусывать. Хорошее вино сделало своё дело, стали шутить и произносить тосты. Стикс выступил с очень остроумной речью, все захохотали, и после его речи веселье не прекращалось до конца приёма.

Было уже поздно, и все разом встали, чтобы ехать домой. Внезапно Стикс вынул из кармана свой блокнот и попросил дать ему мои координаты. Тут я совершил второй недозволенный поступок – стал диктовать ему свой сухумский адрес. Откуда-то появился Огурцов и зло и громко крикнул: «Нельзя давать адрес!» Мне трудно было скрыть огорчение, но Стикс

Стикс выступил с очень остроумной речью, все захохотали, и после его речи веселье не прекращалось до конца приёма.

Слева направо: М.Агрест, Т.Стикс, Н.Леонтьев

Откуда-то появился Огурцов и зло и громко крикнул: «Нельзя давать адрес!»

взял меня под руку, и мы пошли садиться в автобус для поездки обратно в Сухуми. Была глубокая ночь, и многие начали дремать. Лишь у меня со Стиксом не прекращалась беседа вплоть до приезда в Сухуми. Когда же наш автобус подходил к гостинице «Абхазия», произошло нечто совершенно непонятое. На улице моросило, и автобус медленно приближался к гостинице. Но, как только он остановился, Стикс прямо сорвался со своего места, выбежал из автобуса и скрылся в гостинице, не сказав мне ни единого слова на прощание. Я был потрясён, — столько времени провести вместе и уйти, не попрощавшись!

Но как только автобус тронулся, я услышал голос, а потом и увидел самого Стикса, несущегося навстречу автобусу. Не останавливая автобуса, он передал мне в окно фотографию, успев сказать напоследок: «Такую же фотографию я оставил только Файнбергу в Харькове». На фотографии запечатлён приём на квартире Эйнштейна: у стола, на котором горит свеча, стоит Эйнштейн и около него Томас Стикс и ещё два человека. Хозяин фото не успел рассказать мне что-либо о своём подарке, и до сей поры я не знаю кто, кроме Стикса и Эйнштейна, изображён на снимке.

...Первая за 12 лет встреча с иностранными учёными оставила в моём сердце неизгладимые, чрезвычайно тёплые впечатления, но последующие два дня были омрачены глубокой тревогой по

поводу предстоящей расплаты за допущенные мною «нарушения режима секретности». Наказание было бы очень суровым, но — произошло чудо. Иначе я это охарактеризовать не могу.

Огурцов, который собирался возбудить против меня персональное дело, был внезапно снят со своей должности за элементарное воровство. На организацию банкета в честь американских учёных он, оказывается, получил большую сумму денег. Тем не менее, Огурцов велел собрать деньги на банкет у советских участников, а полученную в Министерстве круглую сумму положил себе

Прием на квартире Эйнштейна: сзади и слева от Эйнштейна — Томас Стикс.

в карман. Вскоре стало известно, что он поступал так неоднократно. В итоге, помимо того, что мне удалось избежать больших неприятностей, я ещё и получил в награду замечательные фотографии, которые в противном случае оказались бы в руках Огурцова как обличительные документы против меня.

ОБ АВТОРЕ

Давид Гай — известный журналист, писатель. Около тридцати лет проработал в газете «Вечерняя Москва». В 1993 году эмигрировал в США. Живёт и работает в Нью-Йорке. Он был главным редактором нескольких русско-американских еженедельников. Немало лет — главный редактор международного литературного журнала «Времена». Журнал существует с 2007 года. Регулярно выступает на русско-американском телеканале RTN в программе «Пресс-клуб».

Автор около сорока художественных и документальных книг. Среди наиболее известных — роман «До свидания, друг вечный», посвящённый истории любви Достоевского и Аполлинарии Суловой; антисталинская повесть «Телохрани́тель» (по ней выпущена аудиокнига); документальное исследование «Вторжение» — о войне в Афганистане (автор неоднократно бывал там в качестве журналиста); документальная повесть «Десятый круг» — о жизни, борьбе и гибели в годы Второй мировой войны Минского гетто. Недавно в США и в России вышли в свет новые, дополненные издания.

Интерес читателей завоевали исповедальный роман «Сослагательное наклонение» и сага «Средь круговращения земного...» (описывает перипетии жизни двух ветвей, российской и американской, одной семьи на протяжении более чем века). Недавно бостонское издательство M•Graphics выпустило электронную версию.

Изданный в США на русском и английском языках антипутинский роман «Террариум» (2012 г.) посвящён России сегодняшней и завтрашней. В Америке опубликовано продолжение темы «Террариума» — антипутинские романы «Исчезновение» (одновременно в Украине) и «Катарсис». Пять книг Давида Гаяполнили Библиотеку Акунина.

Сергей ЛЕЙБГРАД
ИЗ ЭТОЙ ЖИЗНИ НЕКУДА УСНУТЬ

* * *

ты напрасно к экрану прилип
дым рассеялся крыса не сдохла
под завалами скрежет и хрип
над завалами сурик и охра
очутившийся после и вне
лишь кружок на всплывающей карте
навигатора
тень на стене
только тень на стене и асфальте
только тело с гражданством двойным
только речь что с убийцами в доле
возвращаются птицы с войны
как безрукие ангелы боли

* * *

и вот когда не жалко никого
и паутина острая как леска
не существо ползёт а вещество
течёт от сахалина до смоленска
смола и гной молозиво и яд
полоний ртуть химические газы
я сумраком как будущим объят
любой предлог опаснее проказы

иных уж нет и не было иных
на яблоке последнего налива
шумит листва как хор глухонемых
и жертва улыбается стыдливо
чернеет плоть вся в плесени стена
где соль земли там высохшее море
россия насекомая страна
спасибо что не умер в коридоре
спасибо за бумагу и печать
за пятна нефтяные под глазами
и будущее если замолчать
уже никто не выразит словами

* * *

на высохшей глине с гробницами вровень
ничтожная личность которая против
война это время беспомощной крови
бессмысленной плоти
мой русский язык соглядатай бездомный
сгодится на то чтоб у края нирваны
в удушливом мраке жилплощади съёмной
расчёсывать раны
я больше не верю в бессмертную душу
я больше не знаю безумных влечений
я смысла не вижу я смысла не слышу
не помню значений

* * *

лучи танцующего света
в балетных пачках облаков
на свитках ветхого завета
на стогнах призрачных веков

день начинается воочью
уже как будто без тебя
зачем ты выл сегодня ночью
собачью холку тербя
хрипел карету мне карету
курил цепляясь за огонь
за сигаретой сигарету
и пепел стряхивал в ладонь
никем не призванный на третью
войну кривлялся взаперти
страна что послана за смертью
вне зоны действия сети

* * *

двадцать лет игравшие с трясинной
как же так случилось голоса
из норы космической крысиной
выползает выводок крысят
дети пешеходного арбата
внуки неизвестного солдата
чьи глаза срываются с орбит
чёрного полярного квадрата
вечной мерзлоты и пубертата
в луже пузырящийся карбид
завернули горло в стекловату
съели совесть справили чуму
я не сторож господи медбрату
мёртвому медбрату своему

* * *

весёлый азраил
печальный конь в пальто
я б русский позабыл
за это и за то

на каменной гряде
в придуманной стране
никто уже нигде
не вспомнит обо мне
из глины из беды
торчат как провода
сосуды для воды
а я хочу туда
куда летит снаряд
в меня лишь одного
куда глаза глядят
не видя ничего

* * *

коммерческий русский фашизм
снежинки летят как проценты
пылают торговые центры
ангары дешёвых франшиз
сгорает родимая клеть
любимые книжные полки
весь в перхоти город на волге
где мы не смогли уцелеть
заметки на минных полях
в пределах магнитного поля
горит моя лобная доля
от ломкого пара в костях
дым сладок он ест нам глаза
и солью ложится на веки
мы смертны мы смертны навеки
замрём обернувшись назад
хотя бы круги по воде
так нет же в исподнем в истошном
всё в прошлом и значит нигде
всё в прошлом

* * *

я бы мог однажды там родиться
в нетях местечкового гнезда
с мёртвыми уже не помириться
никогда
днепр одесса харьков заграница
вырванные с кровью провода
с мёртвыми уже не помириться
никогда
дверь над бездной чёрная страница
под завалом ночи города
паляница шепчешь паляница
и скрипишь от страха и стыда
русских эмигрантов вереница
русских оккупантов череда
с мёртвыми уже не помириться
никогда
я ползу ослепший как мокрица
на рассвет стоячий как вода
с мёртвыми уже не помириться
никогда

* * *

забыл смысл жизни
забиваю в поиск
здесь интернет всё время подвисает
как ртутный столбик в градуснике поезд
стеклянную платформу заполняет
температура тридцать семь и восемь
внутри меня и двадцать два снаружи
в израиле весна сменяет осень
я так велик что никому не нужен
когда уже меня объявят в розыск
подпишут ордер на арест и обыск
и растворится в шелесте вокзала
крик женщины в днепре из-под завала

* * *

ослепшие лица в музейных потёмках
от крови и гари
дрожачие твари на наших обломках
молчащие твари
деревни в потёмках
могилы в потёмках
расстрельные ямы
вот в этом местечке
вот в этой сторонке
был дом твоей мамы
и души в потёмках
как в шубах потёмкинских
отголосили
руины и руны
не будет потомков
не будет россии
ублюдок кудрявый и солнечный гений
певец околесицы
ты в детской коляске летишь по ступеням
потёмкинской лестницы

* * *

праздновали окончание
бесконечной войны
встречали как героев
мёртвые неопознанные тела
падали в бездну цены
на европейские ценности
эксгуманизм
обсценная лексика
здравствуй
носитель русского языка
на площади похищенных

* * *

как из чёрного пакета
я кричу тебе покуда
я не помню ничего
ни банкета ни паркета
ни заката ни рассвета
ни убийства в рождество
ни фамилий на табличках
ни воюющих сторон
как у чёрта на куличках
с душегубом за столом
ни восставшего из паха
ни чудовищного страха
ни уютного вранья
ни похмельного сранья
ни гулянья по буфету
ни гитары у огня
ни карету мне карету
ни полцарства за коня
ни ответа ни привета
ни проклятья ни стыда
ни гантели ни поэта
ни ареста ни суда
ни россии ни расина
ни писателя из фсина
ни осколков ледяных
ни ранений ножевых
ни единственного сына
ни родителей своих
ни верёвки ни повесы
ни отравы ни травы
ни самары ни одессы
ни погоста ни страны
воют псы сторожевые
всё в пакет мой включено
все по-прежнему живые
я не помню ничего

Юрьё Олави Юльхя СТИХИ О ЗИМНЕЙ ВОЙНЕ

ПЕРЕВОД С ФИНСКОГО ГЕННАДИЯ МИХЛИНА

|| Юрьё Олави Юльхя (1903–1956) — финский поэт и переводчик. Его собрание стихотворений «Чистилище», написанное во время Зимней (советско-финской) войны 1939–40 гг., принадлежит к классике финской поэзии.

ПОЖАР НА ВОСТОКЕ

Дымно и пепел повсюду — пожар на востоке,
под гарью озёра, леса, поля и дороги;
предупреждает сирена сигналом тревоги,
но вдруг тишина, и ужас ползучий в итоге.

Ветер с востока — гарью всю землю покрыло,
замерли птицы, в гнетущей молчат обстановке,
сено по полю размётано в дикой сноровке,
и сила какая-то солнечный шар проглотила.

День прокопчённый во тьму погружается вскоре,
филина клич предвещает недоброе что-то.
Работа теперь — совсем без надежды работа.
Сдавленный смех, и слова застревают в горле.

Копоть с востока ветер уносит на запад далёко,
и вид на восток проявляется, как из тумана.
В багряной луне видно будущее без обмана,
кромкой леса рисуется сабля кривая намёком.

КОЛОДЕЦ

Лютая зима, во время полдня
пушки бьют, но нет пока атаки:
взрывы и шрапнель — знать, будет драка.
Нам блиндаж — и дом, и преисподняя.
Раненого голос слабой нитью:
— Братики, водички принесите.

Взрыв — земля и камни сыпанули.
Путь к колодцу плотно кроют пули
днём и ночью. А в конце дороги
лёд кровавый — там убило многих.
Жажда губит всех неосторожных,
кажется: бросок, и всё возможно...
Жаждающий, не жди водицы с неба —
чёрен снег, и нет другого снега.
Не найдётся никогда отныне,
всё под толстым слоем гари, пыли.
В горле жар, слабы в груди удары,
Где же санитар? Как ноют раны!
Раненого голос слабой нитью:
— Братики, водички принесите.

И рискнул один: братишка просит,
слаб совсем под смертною угрозой.
Ни о чём не думал в то мгновение,
лишь что брат погибнет в истощении.
Видеть это было сущей пыткой.
Побежал он по земле изрытой,
котелок в руках, и слыша шёпот:
— Братики, глоток водички тока...

Перед блиндажом снарядов взрывы,
не видать давно солдата, жив ли?
Раненого голос слабой нитью:
— Братики, водички принесите.

Гаснет день. Тревожат душу мысли,
что солдат тот над колодезцем виснет.
кровь течёт в колодезь, и откуда
не достанет он воды для друга.
Кровью истекает молодою,
гибнет под вечернею звездою.

Раненого голос слабой нитью:
— Братишки, водички принесите.

СТЫЧКА В ЛЕСУ

Ствол винтовки и зорких глаз пара
подстерегают тебя в пути.
Ждёшь в этой смертной связке удара,
вскинь оружие и ты.

Замерло сердце в мгновение ока —
жизнь у вечности на весах.
Ты из разведки вернёшься ли только,
прахом ли сгинеешь в лесах?

Право для всех — убивать друг друга.
Кто узаконил, что именно так?
Ты должен бить его, выгнать отсюда:
он твоей Родине враг.

Кто он, откуда, о чём он думал,
что известно о нём, он чей?
Он пред твоим пистолетным дулом,
тоже один из людей.

Люди не шутят, смотрят сурово
один на запад, другой — на восток.
В землю зароят того иль другого?
Кто вспомнит стычки итог?

НЕНАСЫТНЫЕ ОКОПЫ

Окопы всегда ненасытны,
мужчин пожирать готовы.
В окопы слетаются скрытно
железа бесовского своры.

Безденежный был иль богатый,
жизнь выкупить денег не хватит.
Хоть ни в чём ты не виноватый,
уже ничего не значит!

Не в том вопрос: «Сколько стоит,
чтоб жизнь себе в долг оставить?»
Вопрос — себе не позволить,
чтоб в грязь лицом не ударить.

Страх — враг твой, предатель жестокий,
преодолей его силой,
когда в огневом потоке
стоишь над открытой могилой.

ДОМ ОБРЕЧЁННЫЙ

Брошенный дом и двор опустевший,
жителей явный уход скорый и спешный.
Настежь все двери, холодная печка,
пёс перед входом, уснувший навечно.

Гулки шаги, в этих звуках — потеря,
А на стене — позабытое время.
Кантеле, стол... удручает картина:
прялка в углу, по верхам паутина.

Скромно здесь люди жили когда-то,
Бог сохранял их в житьё небогатом.
Кантеле — чудятся струн переливы,
а за окном виснут гроздь рябины.

Дом обречённый и двор опустевший...
стены пылают в огне озверевшем.
Но одного лишь огонь тот не сможет:
к родине предков любовь уничтожить.

КАК ТЯЖКО

Как тяжело туда отправлять вас, мужчины,
знакомы все лица мне — каждой морщиной,
дано ли живыми всем вам возвратиться?
Смотрю я с теплом, но приказ мой суровый,
а мысли скрываю: что кровь — не водица.
Однако приказ мой — последнее слово.

В разведке огонь принимая привычно,
хотел бы я быть впереди, как когда-то,
и вместе вернуться, вам равным солдатом.
Хотелось бы так, но сегодня мне лично
приказ отдавать, и не должно другого.
Я не пожелал никому бы такого.

Ещё тяжелее смотреть на вас, хмурых,
вернувшихся, измождённых, понурых,
в реальность судьбы пока что не веря:
живых половина, другие — потеря.
Безмолвно их тащите на волокушах.
Кривятся улыбки — тягостно в душах.

ПАТРУЛИ-ПРИЗРАКИ

Лыжный патруль — это духи ночные,
как миражи скользят в лунном свете.
Беззвучно крадутся и словно живые,
никто б не желал этих призраков встретить!

Немного их было и все в маскхалатах,
но явно число своё преумножая,
несут они бурю — кому-то расплата.
И чудится: движется белая стая.

Отряд этот странный откуда явился,
в пространстве реально, как будто порхая?
Отряд не отбрасывал тени, резвился,
и на снегу следов не оставляя...

А к призракам этим скользят пополнения,
те, кто исконно ходил здесь на лыжах,
все партизаны, все духи-виденья;
страх под луной, хотя звуков не слышно.

Тысячи призраков в сумерках бродят:
вдруг померещатся, вдруг исчезают,
пики в руках у лесного народа,
финскую землю они охраняют.

Тени ночные скользят в зимней стуже,
жутью безмолвною при лунном свете,
и у врагов леденит душу ужас —
никто б не желал этих призраков встретить.

Последняя молитва

Сверху удары битвы,
колотит по палубе смерть,
вспомним же, братья, молитвы,
чтоб попросту не умереть.

Судьба брови сдвинула, хмуря,
и не повернуть битву вспять.
Создатель, страшная буря!
В Твоей воле бурю унять.

Твоё имя лишь поминаем,
произносим часто без нужд,
но пред бездною тьмы — уверяем —
каждый вере в Тебя не чужд.

Раны ноют и кровоточат,
душа наша жаждет, горит,
а взгляд наш не сосредоточен,
гвалт войны многое говорит.

Под нами разверзлась могила,
понесло нас куда-то прочь.
Отец наш, спаси, помоги нам!..
Но... навалилась ночь.

ВИДЕНИЕ

Теперь уже далёк тот день, когда вдруг тихо стало,
закрылись все могилы и — природа расцветала.
Но вот опять весны как нет, всё под метелью снежной.
Коль был убит — покой тебе, а нет — живи надеждой.
Сегодня мучает тоска — и не найти причины,
как странно это для всего выдавшего мужчины.
Я в шуме городском иду, как тень для всех чужая,
лишь дома тишину найду, каморку запирая,
но там не спится, будто я — как окаянный призрак.
И вдруг заметил: нет ни стен, ни крыши — странный признак.

Увидел, как за мной в ночи, в колючей дымке мёрзлой
отряд немых солдат плетётся мрачной тучей грозной.
Но без оружия они, в лохмотьях маскхалаты,
и каждый в копоти из них, и лица бородаты.
Улыбчивы в былом глаза теперь глядят сурово.
Я помню первую ту ночь — в атаках снова, снова.
Хоть победили мы тогда, но в первой же атаке —
остались многие из нас в могилах после драки.
Но почему сейчас меня вы тянете в могилу?
Или зовёте меч поднять и вновь почуять силу?

Вот ваши ширятся ряды, становятся плотнее,
беззвучно армия стоит упорней и храбрее.
И вдруг как будто голоса — бойцы как прежде живы,
как вздохи океанских волн из-под земли призывы:
«Ты вместе с нами был в боях — в огне суровых буден!
Тебя в могилу не возьмём, наш бой грядущий труден.
Сражений путь не завершён, держались мы до смерти,
но правы мы, что поднялись, чтоб ты нас всех приметил.
Земля родная нас зовёт, а ты веди нас в битву:
вдохни в нас дух, с тобой в огонь пойдём мы под молитву
во имя внуков и детей, и правды, и удачи.
Клянись нам, и в душе покой обрящешь — не иначе!»

Не знаю, что ответить вам — в смятенье многолетнем,
как будто в пекле я стою иль пред судом последним.
Едва очнулся я сейчас, в себе не чуя силу:
удары пульса так слабы — пора уже в могилу?
Но тут на лицах воинов, увидев боль страдания,
воспрянул тотчас к жизни я, с последнего дыханья.
Я потрясён виденьем был — теперь не до покоя!
Нет, братья, вас я не предаю, вступаю в общий строй я.
Поверьте, станете вы все действительно живыми,
вернувшись из небытия бойцами рядовыми.
И если ваших правнуков — крепкую породу —
Отечество вновь позовёт, то отстоим свободу.

НОВЫЙ СНЕГ

Сон ли, обман ли, какой такой силой
нового снега опять навалило?
Земля, где охотились — смертью накрыло,
чем-то кровавым и скользким, как мыло?
Пусть даже это исчезнет видение,
душа не допустит забвения.

Вчера земля эта была чёрной кровью,
кошмар во сне, или бред сквернословья?
Правдиво в том всё, но и ложное тоже.
В мире ничто ни на что не похоже,
вчерашний пейзаж — на судьбы паутину.
Запомнит душа картину.

Обновили ли снежные нам маскхалаты? —
уже износились и пятый... десятый...
Они — безопасность в сверкании снежном,
чисто, причудливо в саване нежном,
в таких белоснежных саванах вечно
и алая кровь безупречна.

А БОЛЬ ЖИВЁТ...

В бою они как братья,
как гром или как вихрь.
Пытался всех созвать я,
но не нашёл живых.
Остались в поле, спали
в ночи как без забот,
как будто бы устали
от полевых работ.

Ещё совсем недавно
был с ними под огнём;
они мертвы и странно:
один теперь я днём
среди борозд на пашне,
пришёл сюда опять —
выживший, вчерашний,
про завтра... не узнать.

Я ранен, но не очень,
есть раны тяжелей,
излечит лишь источник
из тишины полей.
Бойцов огонь призывный
опять зовёт на смерть,
ответ держать посильный
могу ли я посметь?

Решал не как хотелось,
а как приказано,
в цене отвага, смелость —
и будь — что суждено!
Надейся в силы свыше,
но не теряй лица.
До тех пор, пока дышишь,
пройди путь до конца.

Лишь павшие пусть судят,
и снова тишина,
а боль живёт, но будет
не злость и не вина,
лишь мысли об Отчизне.
И вам клянусь я в том:
не пожалею жизни,
не отступлю ни в чём.

ЖЕЛАНИЯ

Когда в небе звезда пропадает, как в бездне,
что желаете — это и сбудется, парни.
Про желанье скажите, как в искренней песне,
где аккорд в душе вашей слышен гитарный.

Кто-то сказал голосочком дрожащим:
Я только живым хотел бы остаться,
весть горна услышать про мир настоящий:
не надо отныне нам больше сражаться.

Кто-то шепнул чуть живыми губами:
желание только, во сне чтоб забыться,
лишь после победы проснуться бы с вами
и в Судный день чистым на небо явиться.

Кто-то высказал в муках своё откровенно:
Я выдержу, верю — добьёмся победы,
сражения станут в веках незабвенны...
иль сгину, как гибли в былом наши деды.

Сказали так все — о желаньях, надежде.
Ракеты... на взлёте, другие — в паденье.
В их мыслях: что будет и как было прежде:
о доме, войне, о судьбе, о везенье.

МАРТОВСКИЙ ДЕНЬ (MAALISKUUN PÄIVÄ)

В день такой умереть как же можно,
в этот чудный мартовский день!
Снег подтаивает осторожно,
капли мочат под ветками пень.

И ещё непроснувшимся лесом
к ручейку пробегает лыжня.
Этим виденьем — памятным срезом —
поразило бывшее меня.

Абрис птицы на небе явился,
на фоне бледном замечен слегка.
То железный орёл устремился —
к нам прорвавшийся сквозь облака.

Что-то над головою вспорхнуло,
будто посвист, вот это не зря.
Как не знать, это смертью подуло —
свисты пули, как свист снегиря.

Нам на передовую в итоге,
разгорелся там бой — гул и гам.
Мы на лыжах стремимся к дороге,
видим, сани навстречу нам.

А в саях бездыханный мужчина,
голова его густо в крови.
День весенний — лихая година:
не увидит он больше зари.

В день такой умереть как же можно,
как убить, самому умереть!
Тот, кто бойню позволил — безбожник,
как он может на это смотреть!

РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ

Печали огромны, а радости — кратки как блики.
Но малые радости делают счастье великим.
Печали мы крошим в табак на понюшку.
Такой пустячок для мужчин — как игрушка,
усмешка над грудой печалей великих.

Сколько тех вражеских шуток-игрушек!
Но нам нипочём, этим нас не задушат.
Печалью везде: из засад, из ловушек,
враг угощает игриво из пушек.
Гонка — кто первым огонь свой обрушит.

Мы сами до смерти кнутом бьём Ивана,
по заду и по спине без обмана.
Коль выдашь врагу хорошую порку,
много с того получается проку,
стоим среди смертного балагана.

ГДЕ-ТО ТАМ

Они говорят: «Где-то там», когда толкуют о нас.
И молятся за нас ночами, переживают,
чтоб мы все выстояли здесь в который раз.
А мы, возможно, уже мертвы, а они не знают!

Мы говорим: «Где-то там», когда вспоминаем о них,
у нас нет жизни прошлой, у нас нет возврата
к домам наших близких и наших родных.
А мы бились и умирали за них, как брат за брата.

Защитники Вуоксы

Сюда — от трудов, мирной жизни оторваны,
от очагов и лесов во все стороны —
явились, стоим и здесь мы останемся,
пока не надломит нас буря с востока,
с жизнью своею пока не расстанемся.

С давних времён, Вуокса могучая,
в тебе текли слёзы народа горячие,
воды твои кровью предков пропитаны,
стражники здесь возвышались над страхом,
пиками, пулями земли усыпаны.

Здесь мы сражались за землю родимую,
и впредь отдадим ей всё необходимое.
Народною волей крепки многоликою,
мы, как один, сгинем все за Вуоксу,
а нашей могиле навек быть великою.

О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Геннадий Михлин — поэт, переводчик. Окончил Ленинградское высшее инженерное морское училище им. адмирала С. О. Макарова. Работал в Балтийском Пароходстве, инженером на производстве, в Мурманске в рыболовецких организациях.

С 1990 года живёт и работает в Хельсинки. Автор публикаций в журналах «Крокодил», «Север», «Новый Берег», LiteraruS (Финляндия), «Времена» (США) и др.

Клаудио МАГРИС ДВА МОНОЛОГА

ПЕРЕВОД С ИТАЛЬЯНСКОГО ВАЛЕРИЯ НИКОЛАЕВА

Клаудио Магрис родился в 1939 году в Триесте, космополитическом городе-порте, стоящем на перекрёстке итальянской, славянской и немецкой культур. Здесь же он продолжает жить и сегодня, с 1978 года являясь профессором местного университета (кафедра германской и австрийской литературы). Кроме того, он приглашаемый лектор и почётный доктор ряда ведущих университетов Европы и мира. Магрис — член многих итальянских и зарубежных академий, Кавалер Большого креста Итальянской Республики, Кавалер Ордена искусств и словесности Французской Республики, Кавалер ордена искусств и словесности Испании.

В 1994–1996 годах Магрис — сенатор Итальянской республики. И после ухода из Сената, сохраняя независимость взглядов и суждений, он продолжает активно выступать в защиту общечеловеческих ценностей, культуры, демократии и уважения человеческой личности, за что пользуется заслуженным авторитетом как в Италии, так и за её пределами. Отсюда понятно его серьёзное отношение к журналистике: его глубокие аналитические эссе и статьи по самой разнообразной тематике часто появляются в национальной и зарубежной печати.

Но главная гитика творчества Магриса — литература. Пониманию его места в этой области служит тот факт, что в последние годы он — основной претендент от Италии на Нобелевскую премию по литературе. Хотя наиболее престижными литературными премиями — национальными и зарубежными — он не обделён, достаточно назвать такие, как Премия Принца Астурийского за вклад в литературу, Государственная Премия Австрии по литературе, Премия мира Немецкой Ассоциации Книготорговли, Европейская премия Шарля Вейонна за эссеистику и пр.

Всё литературное творчество Магриса можно разделить на три ключевых потока: эссеистику, переводы (прежде всего произведений немецких и австрийских писателей) и художественную прозу.

Отдал он дань и театру, написав несколько полномасштабных пьес и театральных монологов. Два из них, взятые из сборника пьес «Театр», публикуются ниже.

Валерий Николаев

ГОЛОСА

Так, номер 276504. Номер 326429, может быть, ещё интереснее, хотя почему может быть, бесспорно интереснее, даже сравнивать не с чем эту ироничную, ласкающую слух модуляцию, глубокую, как снежный покров, мягкий и тёплый, словно воздушное одеяло, в которое так и тянет зарыться с головой, как это делают ездовые собаки и чувствуют себя там, в тепле, превосходно... Но каждому овощу своё время. С голосами важно, чтобы были подходящие обстоятельства и подходящий момент, потому что если моя абонентка на том конце провода, будь она суперкрасавица, откроет рот в неподходящий момент — пиши пропало. Как если бы в остерии в то время, когда за соседним столом играют на аккордеоне и поют непристойные песенки, вдруг зазвучала бы виолончель.

Итак, сейчас время номера 276504. Ага, вот... три гудка... затем музыка... и «I'm happy again singing and dancing in the rain. I'm dancing and singing in the rain... Это номер 276504. Извините, но меня нет дома. Если желаете, можете оставить мне сообщение после гудка. Спасибо, чао».

С какой стати «чао»?.. Вчера она ещё говорила: «Я позвоню вам, как только вернусь домой»... А сейчас нате вам, «чао»... Наглое панибратство, мне это никак не понравится, ладно бы оно предназначалось исключительно моей персоне, но едва я подумаю, что всякий... может, случайно... ошибись он номером... Звучит высокомерно и вызывающе.

Я прямо вижу, как она произносит эту фразу, вытянув шею, белую, пухлую, в которую так и хочется впиться... но что я говорю... этим своим голосом она пытается зацапать тебя, словно медведица, гигантская белая медведица, ну уж нет, со мной этот номер не пройдёт, спасибо, я не доставлю ей такого удовольствия. Я прекрасно знаю, как избежать

этого, и раньше, чем её лапа с огромными когтями... бр-р-р... вцепится в меня, я бросаю телефонную трубку, и клетка остаётся пустой... после сигнала «бип» она ничего не услышит.

Интересно знать, почему она обновила запись, что пришло ей в голову, что заставило внезапно поменять слова, убрать глагол и добавить «чао»?.. И когда? Скорее всего, между шестью вечера и той минутой, когда я позвонил... следовательно, она сделала это поздно вечером, раздевшись и ложась в постель... душистый голос, голос обнажённой женщины... «Чао» — звучит маняще и, возможно, доносится уже из-под одеяла. Спустя столько времени я заслужил это. Это вам не «вы» в устах полицейского, такое злобное, безликое и равнодушное.

Но я должен поторопиться, поскольку пришло время номера 567244. Я едва успеваю и рискую опоздать, всё может кончиться тем, что она уже будет дома и ответит сама, как в прошлый раз. Вот уж не повезло! Она, должно быть, только что вошла и ещё не успела отключить автоответчик, после моего звонка он включился, и в то время, как я уже вслушивался в её интонацию, пойманную записью, слегка сдержанную и печальную, неожиданно, пару секунд спустя, поверх записи зазвучал её голос. Как это резануло моё ухо, когда спокойное, размеренное течение голоса было прервано её поспешным, бестактным и грубым вторжением!..

«Кто говорит?». Это ничем не напоминало настоящий человеческий голос. Это больше походило на короткий рык, фыркание или вскрик существа, которому наступили на ногу. Разве такое можно назвать настоящим голосом!

Настоящие, подлинные голоса наполнены смыслом, их ощущаешь как единственно возможные — они именно те, что зафиксированы плёнкой, так же, как настоящие — только те, что записаны на бумаге, одинокие и умиротворённые в собственном жилище. Там, снаружи, за окном, пустынное небо бледнеет, как медленно бледнеет лицо, солнце исчезло, кровь вся вытекла, её больше нет, а в вышине, над колодцем двора, небо, подобное беломраморному лику или белой бумаге, на которой прекрасной каллиграфией начертаны слова, чёрные и синие, подлинные слова, безмолвные, осмысленные, ничем не похожие на те, что злословят, продираясь сквозь людскую толчею и нагромождение вещей. То же самое и с подлинными голосами, записанными автоответчиком, они звучат словно музыка, беспримесная и свободная.

Я провожу долгие, нескончаемые вечера, вслушиваясь в эти истинные голоса, не позволяя себе целиком поддаться их чарам, чтобы не потерять контроль над временем и не дать застигнуть себя врасплох го-

лосам фальшивым. К счастью, я способен вовремя распознать их, эти фальшивые голоса.

Как это было, когда я, наконец, познакомился с Лаурой. Я обратил на неё внимание в офисе, на третьем этаже, где располагается отдел поджогов. Она шла отметить карточку на выход. Высокая, немного нескладная, со своей слегка развинченной странной походкой. Голова склонена к плечу, волосы иссиня-чёрные, глаза тоже чёрные, взгляд напряжённый и волнующий, страстный, в нём одновременно и трепет, и вызов, неукротимая отвага ребёнка, одинокого в ночи...

Я пошёл за ней следом, чтобы прочитать на карточке её имя и фамилию. Лаура — имя нежное и тревожное, тень ветки с листьями, руки, обнимающие тебя за шею, взор из-под полуопущенных ресниц...

Потом я нашёл её номер в телефонном справочнике и позвонил ей. Ответил автоответчик, голос сосредоточенный и безапелляционный, трибунал, где ты выслушиваешь приговор и радуешься ему. После «бип» я, разумеется, ничего не произнёс. Я ещё не был готов к разговору как таковому. Да, в офисе или на орущей улице я ворчу, шепчу, сам ору, отхаркиваюсь и откашливаюсь, но это же нельзя назвать разговором.

Я сделал то, что и должен был сделать, я просто положил трубку. На следующий день я увидел её в офисном баре на втором этаже, рядом с дирекцией отдела жизнеобеспечения. И мне необычайно повезло. Я благополучно отделался. Достаточно было полминуты и, кто знает, что бы случилось, вернее всего, я был бы глубоко разочарован, в то время, как я подходил к ней, судорожно ища слова, с какими мог бы обратиться к ней, она повернулась к бармену и произнесла развязным пронзительным тоном: «одну коку». И когда я смотрел на неё, объятый ужасом, оскорблённый до глубины души этой её фразой, она, схватив банку, добавила «о'кей». Распахнув рот, она произвела на свет это скопище непристойных гласных, напоминавших дыхание человека, не пользующегося зубной щёткой и пастой.

Она ещё сидела там со своей кока-колой, в своём безмерном убожестве, а я одним прыжком очутился у телефона в углу бара. Жетон упал в автомат со звоном реванша. Подъёмный мост опустился, рыцарь вступил на поле боя, чтобы принять вызов... я набрал её номер. На другом конце была Лаура, её настоящий голос, накатывающийся волной, чарующий, оповещающий о том, что её нет дома, и предлагающий оставить своё сообщение.

В то же самое время я видел её перед собой, в нескольких метрах от меня, и слышал её резкий, вульгарный, фальшивый голос, каким она

общалась со своим коллегой. Мне стало жалко этого молодого человека, бессмысленно пытавшегося демонстрировать ей своё остроумие, потому что он имел дело всего лишь с симулякром, тогда как я общался с истинной Лаурой, с её настоящим голосом, с её бессмертной душой, неподвластной риску охриплости, простуды, астмы, усталости.

Настоящей ценой обладают лишь подлинные голоса. Скажу больше, только они и являют собой сущность. Тела представляются мне чересчур суетными, и даже если они занимают много места, они всего лишь тени, которые исчезают, едва заходит солнце. Достаточно понаблюдать за выходящими из бизнес-центра. Весь этот офисный планктон, толпящийся у центрального выхода и давящийся в дверях, напоминает не людей, а неизвестно кого, и едва они вываливаются наружу, мгновенно рассеиваются как обрывки бумаги, унесённые ветром, исчезают за углами домов, и улицы вновь пустеют. Их тела будто испаряются, особенно женские, тех словно вообще не существует, если ты решишь заключить одно из них в объятия, в руках останется лишь воздух, как если бы ты желал обнять груди кинодив на афишах. Огромные и крепкие как дыни, эти груди вытекают у тебя сквозь пальцы, и довольно слабого дождя, чтобы афиши отклеились и упали, ноги, груди и задницы, порвавшиеся на куски, разнесло ветром по округе, только их и видели, сплошное надувательство. Всякий раз, когда я дотрагивался рукой до этих женщин, я ощущал вместо соблазнительных выпуклостей одну только плоскую гладкую поверхность бумажного рекламного плаката. Никаких тел, фикция, как в Луна-парке или в кино, когда надеваешь трёхмерные очки, и тебе кажется, что ты видишь вещи в их объёме, но как только снимешь очки, понимаешь, что всё, что ты видел, было иллюзией.

Свои очки я снял почти сразу же, давным-давно. Я, скорее всего, единственный, кто бродит по миру без них. К счастью, все те, у кого они до сих пор на глазах, не замечают этого.

Голоса повсюду. Они слышатся то отчётливо, то невнятно, они доносятся со всех сторон, набрасываются на тебя, иногда вдруг прячутся, притворяясь, что вообще исчезли, и внезапно вновь возникают откуда-то, проникая не в уши, а прямо в мозг. Спасаясь от них, ты сворачиваешь за угол, но и там всё кричит, вопит, шипит. Как-то раз я, как всякий воспитанный человек, решил бросить скомканную бумажку в мусорный бак, поднял крышку и услышал смешки, хихиканье, повизгивание, хрюканье и шуршание, переполнявшие бак. Я опустил крышку и пошёл прочь. Я довольно неплохо знаю, что к чему в этом мире, поэтому меня трудно выбить из колеи подобными выходками. Это сродни попытке испугать автомобильными пробками человека, привыкшего к огромному коли-

честву автомобилей на наших улицах, хотя, надо признать, в час пик пробки, действительно, производят сильное впечатление.

Но вернёмся к голосам. Мы ни в коем случае не должны попадаться на их удочку, все они не настоящие. Не может быть, чтобы люди разговаривали таким образом. Возьмём Лауру, ну не может нормальный человек разговаривать так, как это делает сейчас она, сидя здесь, в баре. Таким голосам нельзя верить, такие голоса лишь порождают отвращение к женщинам, к окружающему нас миру, как будто это их цель — отвести нас от настоящей жизни и принудить жить в бардаке и нечистотах. Нельзя поддаваться им. Если мы уступим им в самой малости, если позволим лишиться нас удовольствия радоваться настоящим женщинам, настоящим голосам и миру в целом, мы превратимся в рабов и в соучастников рабства.

Мир реален, безграничен, многогранен и полон естественных голосов и естественных женщин. У меня их было много, и женщин, и голосов настоящих женщин, а не тех размалёванных манекенов, которых видишь и слышишь на улицах.

Это были разные женщины и разные голоса. Красивые, резкие, нежные, дерзкие, робкие... Только, Бога ради, не подумайте, что я хвастаюсь. Для настоящего мужчины это не повод задирать нос. Список Дон Жуана отвратителен. Каждый голос уникален и неповторим, он заслуживает гораздо большего, чем стать строчкой дурацкого каталога, который составляет самец-охотник. Скромность — вот чему учат нас голоса. И правда, если у меня и есть чем гордиться, так это скромностью и терпением. И ещё методичностью.

Первым делом... хотя это настолько просто, что даже не стоит об этом говорить... первым делом нужно раздобыть номер телефона. Разумеется, не спрашивая его у объекта вашего интереса. После чего надо изучить распорядок дня женщины как по будним дням, так и по выходным: когда она уходит из дома, когда возвращается, во сколько обедает. Потому что здорово расстраивает, если ты звонишь, чтобы услышать её голос на автоответчике, а в трубке грубый противный натуральный голос. Это словно войти в уборную и увидеть любимую женщину сидящей на унитазах. Зрелище не из приятных, согласитесь.

Но и знать распорядок дня только её одной — мало. А если она живёт с кем-нибудь, и ты, желая послушать её голос, нарываешься на чей-то другой? Приходится молча класть трубку, а это невежливо. Вдруг трубку снимал её муж или приятель, он, наверняка, заревнует как всякий банальный мужчина, а это некрасиво — огорчать его. Лично я отношусь к женщинам без ревности, меня не интересует, с кем они живут, как

не интересуют люди, которые окружают их в метро, тем более, что никто из них никогда не прислушивается к этим женщинам так, как я, эти женщины исключены из их внутренней жизни. Когда мне отвечает один из этих несчастных сожителей, мне кажется, неловко молчать в трубку в то время, как он спрашивает: «Кто говорит?», ведь я могу показаться ему назойливым маньяком.

Молчать, когда слышался её голос, голос одной из них, это совсем иное дело. Когда запись заканчивается, я ещё некоторое время слушаю тишину, которая за ней следует. А что я мог бы сказать, даже если бы хотел? Когда солнце заходит за эти серые здания, и на мгновение их окна вспыхивают то тут, то там, как свечи на рождественской ёлке, или когда звучит Песня Шуберта, разве хочется говорить? Склоняешь голову и молчишь.

Хуже всего... это к тому, что ты должен быть абсолютно уверен, что дома никого нет... когда женщина, вернувшись, забывает выключить автоответчик, как, кстати, произошло вчера. Я позвонил, начала отвечать настоящая она, я слушал, счастливый, стараясь не упустить ни малейшего оттенка голоса, как вдруг: щёлк! И встряла какая-то другая, и я услышал злое и недовольное: «Кто это?». Со мной такое случалось дважды, в частности, с номером 2837790. Это был реальный шок, будто зевотка во время занятия любовью. А ведь у неё был прекрасный голос... далёкий, погружённый в себя... доносящийся словно из-за моря. Я проводил прекраснейшие часы в моей жизни, вслушиваясь в него... но однажды эта всегда новая интимная мелодия была осквернена. Видимо, что-то вынудило её неожиданно вернуться домой, поскольку она абсолютная педантка и рабыня собственных правил и привычек, и в трубке раздалось хамское: «Алё-ё-ё?». Больше я ей не звонил. Когда истории приходит конец, она заканчивается.

Я не ограничиваюсь одним звонком, зачем проявлять излишнюю строгость к себе и отказывать себе в удовольствии? Я звоню, слушаю, кладу трубку, перезваниваю. И всякий раз обнаруживаю какой-нибудь новый, едва уловимый нюанс, незаметный для других, но не для такого влюблённого в это занятие, как я... более протяжённая лёгкая пауза, сдержанная нежность, какое-то словцо, эхом отдающееся в сердце чуть дольше, решительность или капризность характера... Каждый раз что-то да иначе. Послушаем снова 276504. «I'm happy again singing and dancing in the rain... I'm dancing and singing in the rain... это номер 276504. К сожалению, меня нет дома. Если желаете, можете оставить своё сообщение после гудка. Спасибо, чао». Вот, на этот раз ма-а-а-ленькая ложь. Из всей фразы сейчас правдиво прозвучало только «чао». Да-да, я почти физиче-

ски ощущаю, с каким самодовольством она произносит эту фразу, полужёла на кровати, нога легонько поигрывает покрывалом. Сразу понятно, что ей до лампочки, как она только что прозвучала. Только не надо мне говорить, что запись всегда одна и та же, я и без вас знаю, но это... это как рассматривать фотографию. Она тоже всегда одна и та же, но каждый раз в ней обнаруживается что-то новое... на этот раз ты вдруг замечаешь грусть в изгибе улыбающихся губ, да, улыбающихся, как прежде, ведь фотография та же самая, но ты как впервые смотришь на неё и угадываешь в этой улыбке оттенок печали, отчётливую тень горечи.

Так бывает с любым объектом, запечатлённом фотоаппаратом, в нём тоже что-то изменяется в то время, как ты его разглядываешь. Однажды в офисе со мной провёл интересный тест психолог, слегка приторный, но благожелательный. Не в пример другому, напыщенному идиоту, с его прозрачными тошнотворными леденцами. Этот психолог показал мне рисунок и попросил не спеша внимательно взглядеться в него. Очень скоро я узрел в рисунке чёрный кубок на белом фоне, а затем, неожиданно, вместо кубка два лица, два профиля, которые уставились друг на друга в злобной ухмылке, в объекте что-то проявилось и изменилось, и этот эффект преобразования был молниеносен. Психолог мне ещё сказал, что именно из-за этого эффекта подобные объекты называются бистабильными.

То же самое происходит, когда смотришь в зимнее небо, ещё прозрачное, от света на западе щемит сердце, деревья в контражуре чёрные-чёрные, ты смотришь в него, застывшее в своей неподвижности и однообразии, свет его неугасим, ибо рождён самим воздухом — и вдруг, внезапно, в один миг, становится темно. Что-то изменилось в небе, в деревьях, в их ветвях; они всё ещё на месте, но уже больше не те же самые.

Вот и голос, голос женщины, как это неподвижное, прозрачное небо, ему никогда не низвергнуться в вас, не достичь ваших глубин.

Номер 326429 я набираю трижды каждый день, за исключением воскресенья и праздников. Утром, как только она уходит из дома в половине девятого, в одиннадцать и ближе к вечеру. И всякий раз я чувствую, что тону в глубинах этого голоса, как в реке, погружаясь в её дно, как в перину, где слова растворяются в шелесте ночной воды и нежной тьме ювенальных морей.

На миг, скорее на промельк мига, мне кажется, что я смутно припоминаю очень-очень далёкие времена, когда я был рыбой, никогда не видевшей суши, и должны были пройти тысячи тысячелетий, прежде чем на берегах появятся рыбаки, или даже когда я был ещё не рыбой, а пред-

течей рыбы, и плавал в мягчайшей тёмной морской воде, и слышал голос женщины, которая и была тем самым морем, в котором я плавал, и голос этот был самой водой и был всем. Твёрдого дна я, погружаясь всё глубже и глубже, так никогда и не достигал.

В голосе номера 326429 было много оттенков: искренность, бесстыдство, которое сначала возбуждает и манит, а потом резко отталкивает, а то и заканчивается пощёчиной, как, впрочем, нередко случается у женщин. Но внезапно замечаешь, что в нём присутствует и нежность, и великодушие, и милосердие, которое всегда есть в настоящей женщине по отношению к мужчине, ведь для неё он так и остаётся ребёнком. И всё это только там, в телефонной трубке. Когда внимаешь этим вокальным меседжам, обращённым ко всем и каждому, всеобщим и всеобъемлющим, выходящим за пределы частных проблем, становится понятно, что такое настоящая женщина — Мария с ребёнком у груди. А все, кого мы видим вокруг, это куклы, кокетливые или плаксивые, расчётливые или безрассудные, при виде которых руки опускаются.

Вот и 722816, как ни позвони, другая. Развязная, кроткая, вспыльчивая, снисходительная. Я знаю её лучше, чем она себя, потому что она себя не слышит по телефону. Она записала послание, но она не знает, что намешано в её голосе: грусть, тоска, небрежение, суетность. К тому же, у неё вроде мании — неизвестно почему часто менять текст сообщения. По правде говоря, внешние изменения меня мало волнуют, они незначительны по сравнению с тем, что проявляется в словах сообщения неосознанно, импульсивно, скрытно, с этими паузами, которые неожиданно делаются всё глубже, как тёмный провал почвы, как бездна, в которую ты, оступившись, падаешь вниз-вниз-вниз, на самое дно мрака, в колодец горла, в тьму каверны... с этой дрожью, что вибрирует время от времени в слове, в молчании, и всё вокруг замирает, и мир, огромный, неподвижный, висит в пустоте...

Как бы то ни было, мой долг — уделять частичку внимания и этим банальным изменениям формы. Вчера, например, она говорила: «Меня нет дома, оставьте ваше сообщение, а если речь о чём-то срочном, наберите 352786». Слова впроброс, словно она не скрывает своего нежелания непосредственного общения. Сегодня утром, наоборот, она была нетороплива, произносила слова почти по слогам, надутыми, как для поцелуя, губами: «Это номер 722816. Перезвоните мне позже или назовите своё имя».

Я выслушал три раза подряд это деспотичное и бесстыдное приглашение. Иногда музыка звучала перед ним, иногда после, а иногда её не было вообще.

Виктор ПОГОСТИН

КАМЕНЬ НА РАСПУТЬЕ

В три часа утра громкий стук в дверь заставил меня и моего соседа по комнате вскочить в постели. Двое сотрудников службы безопасности ворвались в комнату общежития посольства. Слепя фонариком в глаза, потребовали паспорта.

— Где вы были прошлым вечером? — спросил один из них.

— В кино.

— Когда вернулись?

— Около десяти.

— Почему не расписались в журнале выездов и приездов?

— Забыли, извините.

— Ещё раз забудете, отправим домой.

На самом деле, в тот вечер мы тайком отправились на экзотическое шоу в ресторан «Эльдорадо» в отеле «Радждут».

Изящная танцовщица, кружась по танцполу, постепенно сбрасывала одежду. Оставшись в набедренной повязке, ажурных чулках и цветочной гирлянде на шее, она остановилась перед нашим столиком, поставила ногу мне на колено и предложила снять чулок.

— Откуда ты, голубоглазый? — прошептала она, соблазнительно улыбаясь.

Перед отъездом в Индию инструктор ЦК КПСС строго предупредил: «Держись подальше от иностранок. Все они — агенты-provокаторы».

Мне был двадцать один год, и я уже больше года как соблюдал этот, прямо сказать, трудно выполнимый наказ. Признаться, что я из Москвы, было немыслимо.

Заворожённый, я оцепенел, а очнувшись, выпалил — «Канада». Танцовщица набросила мне на шею цветочную гирлянду и, пообещав вернуться, убежала. Поспешили уйти и мы. Больше я её никогда не видел. Зато Канада много лет спустя появилась из тумана перестройки.

С той ночи в Индии прошло двадцать лет. Началась перестройка и с нею возможность перемен. Но вот как виделась мне надпись на моём

Вещем камне: *«Налево пойдёшь (в ОВИР) — дорога перекрыта; в бизнес пойдёшь — пить, гулять будешь, но себя потеряешь; прямо пойдёшь — думай, куда идёшь».*

После службы в Дальней морской разведывательной авиации меня ознакомили с документом об ограничении выезда за границу в течение немалого количества лет. Оставалось только идти прямо и действовать по обстоятельствам.

Вот такие обстоятельства...

Наш полк стоял недалеко от города, некогда славившегося сливочным маслом. Но в магазинах масла никто не видел. Офицеры раз в две недели могли купить полкило масла в гарнизонном военторге, и это был лучший подарок для романтических свиданий.

К середине 80-х годов «экономика развитого социализма» приказала долго жить. Но партийные стратеги упрямо обещали сделать Москву образцовым коммунистическим городом. Москвичи посмеивались: «Голоден — не открывай холодильник, включи радио или телевизор». Продукты и промышленные товары быстро исчезали с полок даже московских магазинов. Развился «продуктовый туризм». «Любители искусства» из Подмоскovie и других регионов в рабочее время шли потоком на Москву. В рабочее время автобусы пробирались поближе к супермаркетам, и пассажиры опустошали и без того полупустые полки. Чтобы отсечь иногородних, московские власти ввели «Визитные карточки покупателя» с фотографией, адресом и номером паспорта покупателя. На обратной стороне указывались наличие детей и нормы на покупку дефицитных продуктов — сыра и масла, которые, при наличии, могла приобрести семья. Вскоре такие талоны ввели и в других городах. От ставшего привычным хронического дефицита страна перешла к дефициту критическому. Даже в Москве Наташа и Гоша поочерёдно сменяли друг друга в трёхчасовых очередях за хлебом.

В июне 1990 года мы решили отправиться в круиз по «Золотому кольцу» России. Теплоход «Александр Пирогов» отходил вечером от причала Северного речного вокзала. Пассажиры поднимались на борт по узкому трапу. Проверявший билеты юнга, приветствуя нас, резко вскинул руку к бескозырке и чуть было не упал с трапа. Я едва успел подхватить его за локоть.

— Пить не умеет салага — извинительно улыбнулся старпом, стараясь не дышать в нашу сторону — учишь их, учишь... Брысь отсюда.

Юнга исчез.

— Может, ну его, этот круиз, — сказал я.

— Пожалуйста, давай поедем, — попросил Гоша.

И мы отплыли в туман и темноту с хмельной командой, рестораном с гречневой кашей и переваренными слипшимися макаронами с колбасой или хлебными котлетами, и громыхавшим холодильником в каюте повышенной комфортности.

Утром туман рассеялся, но дождь продолжал моросить. Разбросанные по заросшим кустарником берегам деревушки съжились, вобрав под кровли всё живое, пытаюсь укрыться от назойливой непогоды.

— Я забыл зубную щётку, — виновато объявил Гоша.

— Не беда, — сказал я. — Купим на первой остановке.

Первая остановка была в Угличе.

То ли из-за хмурой погоды, то ли из-за мрачной истории, всё в городе — и размокшая грунтовая дорога от шаткого причала к церкви Дмитрия на Крови с синими куполами и красными, как пролитая кровь, стенами, и безлюдная центральная улица с обветшалыми домами и потрескавшимися мезонинами, выглядело безнадежно тоскливо. Зубную щётку мы нашли в небольшой галантерее. Я пошёл к кассе. Кассирша отказалась пробивать чек.

— Вы не местный? — с подозрением посмотрела она на меня.

— Москвич.

— Не продам.

— Приплыли называется. Почему?

— Нам в Москве не продают, и мы вам тут не продадим.

Я пошёл к заведующей и двадцать минут убеждал её, что мой девятилетний сын не несёт ответственности за решения московского правительства. Наконец, нам продали «в порядке исключения».

Погода наладилась только на третий день, когда наш теплоход добрался от Нижнего Новгорода до «стрелки», места слияния Волги и Оки, и, оставив позади неспешную серо-голубую Волгу, вошёл в беспокойную, бурю Оку.

Утром следующего дня мы пришвартовались в Муроме. В старинные монастыри попасть было непросто. Спасо-Преображенский мужской монастырь был занят воинской частью. В Троицком женском монастыре был этнографический музей и какие-то городские конторы.

Побродив по городу, мы решили купить что-нибудь из местных продуктов, чтобы хоть как-то разнообразить скучное теплоходное меню. В магазине «Продукты» был только чёрствый хлеб и рыбные консервы. На городском рынке старушки торговали семечками в га-

зетных кулках и бурой от засохшей глины картошкой. Муромский калач, похоже, сохранился только на картине Кустодиева «Купчиха, пьющая чай».

Рядом с причалом зашли в магазин «Водник». К нашему удивлению, в дальнем углу торгового зала, рядом с турецким чаем в пакетиках, сгущённым кофе и сгущённым молоком, была полка с тушёнкой и китайской ветчиной. Гоша выбрал сгущёнку, а Наташу соблазнил сгущённый кофе. Я пошёл к кассе платить, но кассир указала на табличку: «Продаётся только по специальным талонам для экипажей судов». Мы вернулись на теплоход, и я попытался договориться со старшим помощником капитана, чтобы он купил хоть что-то для нас.

— Забудьте, — сказал он. Это только для экипажей грузовых судов, но и их специальные талоны действительны только на один месяц.

Он оглянулся, убедился, что нас никто не слышит, и добавил:

— Хочешь здесь жить, да не можешь.

К концу 90-го года экономический кризис и преступность сделали эмиграцию главной темой дня. Задумались и мы. Срок моего ограничения на выезд истёк, но ни родственников, ни друзей, которые могли бы прислать вызов, у нас не было.

Знакомый итальянский журналист предложил Наташе попробовать получить итальянское гражданство. Нужно было только представить свидетельство о рождении в Италии её бабушки Ромео Батистини, итальянца, участника гражданской войны, женившегося на русской и «случайно» застреленного в его московской квартире в конце 20-х годов. Найти такое свидетельство не удалось.

Незадолго до смерти моя мама упомянула, что в 20-е годы её кузены уехали из Минска в Канаду, но они не переписывались, и сохранились лишь старые семейные фотографии «на память».

Февраль 1990 года был снежным и морозным, а то февральское утро особенно лютым. Я работал в своём крошечном кабинете, когда зазвонил телефон.

Наташа взяла трубку. Новый директор моего института просил помочь с переводом на встрече с двумя американцами из Американского еврейского комитета, которые хотели заказать нашему институту социологический опрос-исследование по проблемам антисемитизма в СССР. Я жестом показал Наташе, что меня нет дома.

— Почему? — спросила Наташа, повесив трубку.

— Холодно, и вообще ему не понравилась моя недавняя статья.

— И что? Поможешь не ему, а этим американцам, они прилетели из-далека.

— Мороз. Машина не заведётся.

— Попробуй, — сказала она.

И я поехал.

Институт социологии нищенствовал. Не было даже средств платить за отопление. Сотрудники сидели в полупустых кабинетах в зимних пальто, согреваясь горячим чаем, шахматами и политическими анекдотами. Отапливался только административный этаж.

В кабинете директора скучали два американца, оба по имени Дэвид.

На столе чай, сушки и папка с предложением провести и оплатить в валюте совместный опрос-исследование об антисемитизме в Советском Союзе. Такое исследование было бы первым с основания СССР. Договорились обо всём быстро. Подписали письмо о намерениях, попрощались, и американцы ушли.

Я пошёл в бухгалтерию за зарплатой, потом в свой отдел попить чаю и поболтать с коллегами. Прошло около часа, когда я собрался ехать домой.

На улице под снегом стояли оба Дэвида с посиневшими от холода носами. Одетые по-ньюйоркски в демисезонные пальто, они всё это время пытались поймать такси.

Я притормозил.

— Куда вам?

— До ближайшей станции метро или до посольства, если по пути.

— Посольство по дороге к моему дому. Садитесь.

Мы были недалеко от посольства, когда один из них спросил:

— Виктор, вы еврей?

— Да.

— Что вы делаете в этом богом забытом месте?

— А какие варианты? Ни родственников, ни иных зацепок.

— У всех евреев есть где-то родственники.

— Вообще-то есть, — рассмеялся я и рассказал, что слышал от мамы о её кузенах в Канаде и фотографиях, которые они ей оставили на память.

В зеркале заднего вида я заметил, как оба Дэвида переглянулись.

— Что ещё вы о них знаете?

— Немного. Мама говорила, что они осели в Монреале, и у её двоюродного брата Джо было четверо сыновей.

На несколько минут в машине стало тихо.

— Виктор, — сказал старший из Дэвидов, — кажется, мы знаем эту семью и, если они ваши родственники, считайте ваши проблемы решёнными.

ными. Напишите Джо, сделайте копии фотографий и принесите всё завтра в гостиницу. Мы улетаем послезавтра. Он сам с вами свяжется.

Письмо от Джо пришло только в начале июня: «Дорогой Виктор, я Джо...».

Он хорошо помнил мою маму, был рад, что я написал, и приглашал приехать.

В середине июня я должен был лететь в Нью-Йорк переводчиком с группой российских бизнесменов. Из номера в отеле «Барбизон» я позвонил Джо.

— Мы приедем к тебе в Нью-Йорк, — сказал он.

В уютном лобби отеля было полно туристов с только что прибывших из Монреаля автобусов. Среди шумной толпы я заметил пожилую пару, сидящую на красной бархатной скамье около кофейни. Лицо мужчины напомнило мне маму.

Я подошёл к ним.

— Джо? — спросил я.

— Виктор! — Джо встал и обнял меня.

В тот июньский полдень началась моя четырёхлетняя сага о переезде в Канаду.

ОБ АВТОРЕ

Виктор Позогостин родился в Москве. Окончил переводческий факультет Московского государственного института иностранных языков, работал в Индии, служил в Дальней разведывательной авиации Северного флота. После увольнения в запас работал в Академии наук, одновременно занимаясь переводами для ведущих издательств, газет и литературных журналов. В 1993 году переехал с семьёй в Канаду. Сейчас живёт в Торонто.

Его нон-фикшн рассказы на английском языке публиковались в серво-американских изданиях. В издательстве The Blotter Books вышли три авторских сборника его документальных рассказов на английском языке: «Russian Roulette» (2021), «Clusterfuck» и «Book of Small Truths» (2025) — available on Amazon.

Недавно стал переводить свои рассказы на русский язык. Лауреат премии имени Эрнеста Хемингуэя литературного журнала «Новый Свет» (Канада).

...Я говорю своим побратимам: «Воины! Вы — воины! Вы — супервоины! И вы инструмент не в генеральских, не в зеленских, не в залужных руках. А вы инструмент в руках Божиих!» Вот так: «Вы супервоины! Инструмент в руках Бога!».

Михаил Ордовский-Танаевский

...Через два дня в школу вызвали мою маму. Меня не просили прийти с ней, но я пришёл всё равно. Из-за двери в учительскую доносились невнятные голоса и выкрики:

— Дегенерат... не имеем права держать... советская школа... звучит гордо... Морально разложившийся с детства тип... идеологическая диверсия... враги народа... я вам покажу, вы у меня попляшете... вот в старое время бы...

Через два с половиной часа мама вышла из учительской. Её качало. Мы молчали всю дорогу до дома. У самой парадной она остановилась и, не глядя на меня, тихо сказала:

— Боже, мой сын — порнописатель!..

Михаил Гончарок

*Но вот (чернил не стало ли,
Сломался ль карандаш),
Вдруг поразила странными
Речами: Крым, мол, наш.
Не верилось: Матвеева?!
Неужто же смогла
Так погубить, что сеяла,
Сжечь прошлое дотла?!*

Виталий Амурский

...Первый вопрос: «нам нужна информация о вашем подразделении, о Днепре и так далее». Я сразу ответил, что являюсь офицером, принявшим присягу. ...Они даже не дали мне говорить. Пока они меня били, то продолжали задавать вопросы.

Был уже март, всё произошло 15-го числа. Над головой раздался выстрел. Офицер ГРУ — тот, кто стрелял, подошёл ко мне и сказал: «не думай, что ты так легко отделаешься. Мы с тобой ещё не закончили».

...691 день украинского офицера в российских тюрьмах...

Сергей Казимир, Вахур Лайапееа

...Участие в атомном проекте доставляло Матесту Агресту огромное удовлетворение. Как математик-расчётчик он выполнял исключительно важный объём работ. Непросто было равнину, скрывавшему это, соблюдать еврейские обычаи и законы. По утрам он, надев ермолку, накинув талес и намотав на обнажённые руки тфилин, совершал молитву, а в пятницу вечером зажигал в доме субботние свечи. В сверхсекретном атомграде «Арзамас-16» кругом однако были глаза и уши.

Давид Гай

...Изящная танцовщица, кружась по танцполу, постепенно сбрасывала одежду. Оставшись в набедренной повязке, ажурных чулках и цветочной гирлянде на шее, она остановилась перед нашим столиком, поставила ногу мне на колено и предложила снять чулок.

— Откуда ты, голубоглазый? — прошептала она, соблазнительно улыбаясь.

Признаться, что я из Москвы, было немыслимо. Заворожённый, я оцепенел, а очнувшись, выпалил — «Канада».

Виктор Погостин